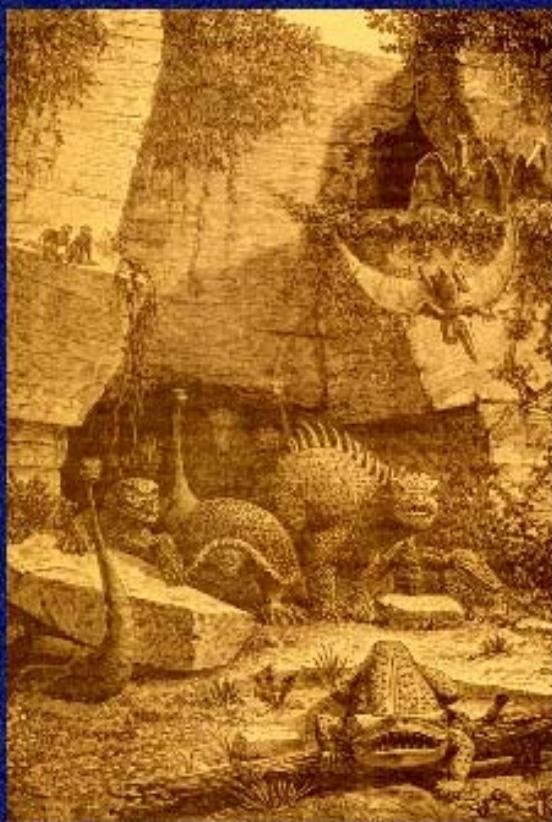

[Polaris]

ГРОМОВАЯ

СТРЕЛА

Забытая палеонтологическая фантастика

Том VII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

LXXVI

Salamandra P.V.V.

ГРОМОВАЯ СТРЕЛА

**Забывтая
палеонтологическая
фантастика**

Том VII

Составление и комментарии
М. Фоменко

Salamandra P.V.V.

Громовая стрела: Забытая палеонтологическая фантастика. Том VII. Сост. и комм. М. Фоменко. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015. – 230 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. LXXVI).

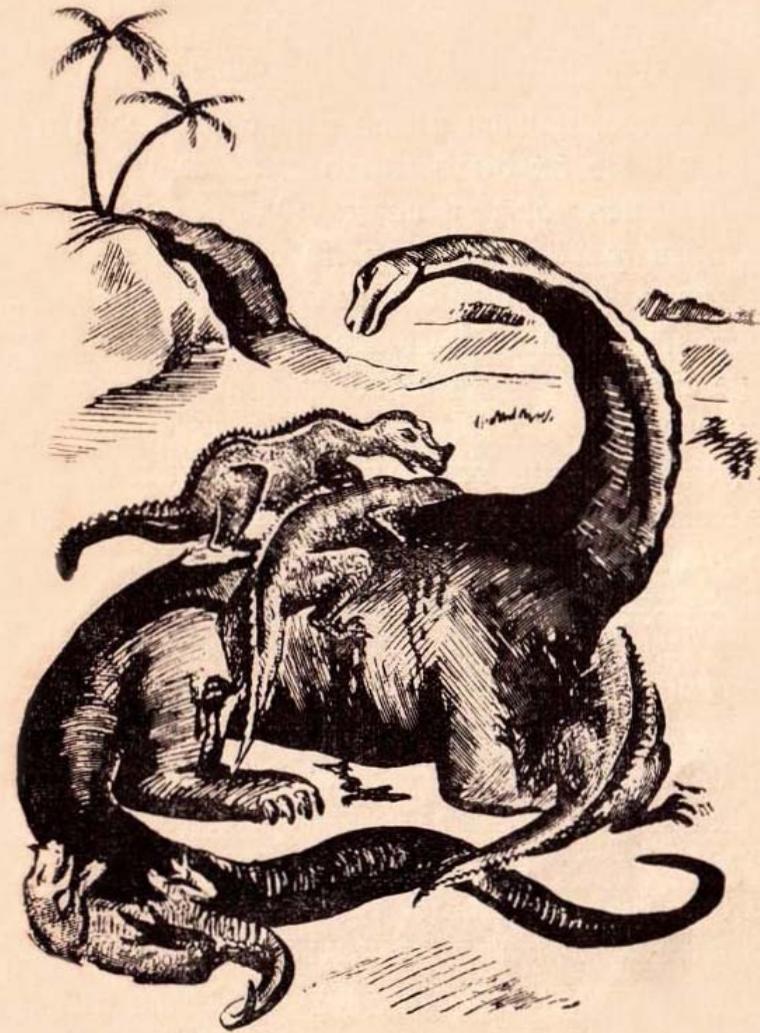
Палеонтологическая фантастика – это затерянные миры, населенные динозаврами и далекими предками современного человека. Это – захватывающие путешествия сквозь бездны времени и встречи с допотопными чудовищами, чудом дожившими до наших времен. Это – повествования о первобытных людях и жизни созданий, миллионы лет назад превратившихся в ископаемые...

Антология «Громовая стрела» продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций забытой палеонтологической фантастики. В книгу вошли произведения российских и советских авторов, впервые изданные в 1910-1940-х гг. В издании сохранены оригинальные иллюстрации, составляющие неотъемлемую часть первых публикаций.

© Авторы

© М. Fomenko, комментарии, 2015

© Salamandra P.V.V., состав, оформление, 2015

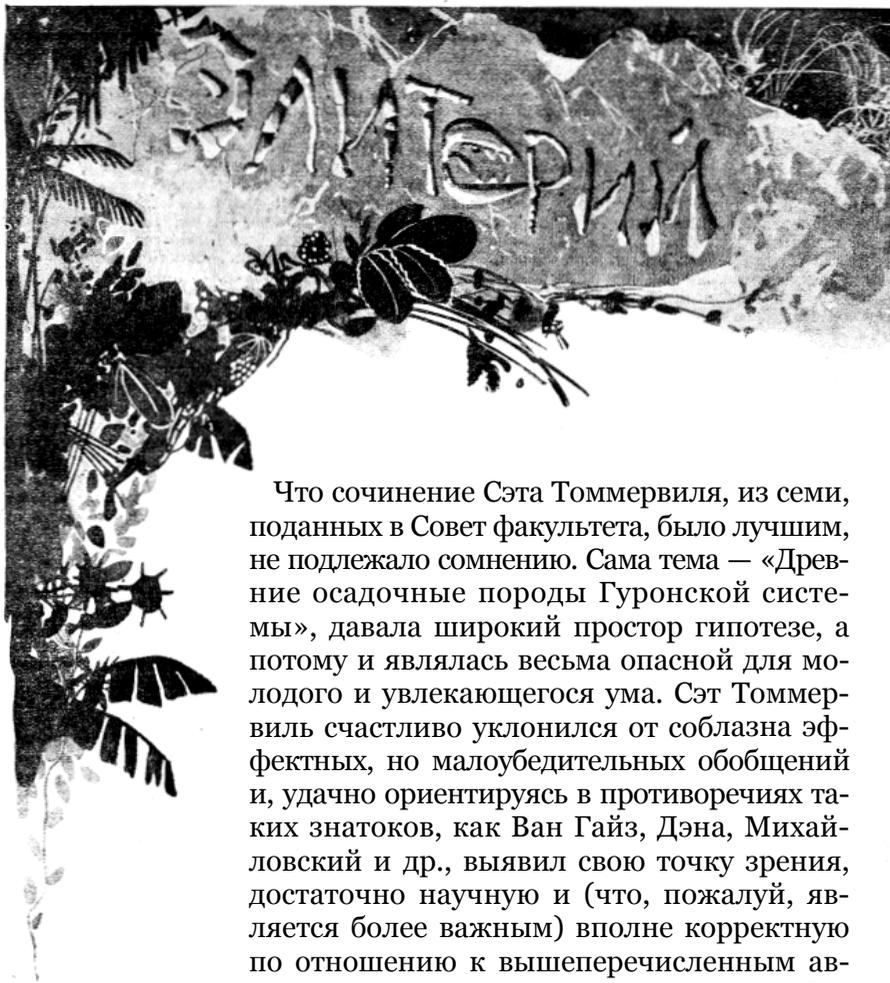

ГРОМОВАЯ СТРЕЛА

В. Поздняков

ЭЛИТЕРИЙ

Рис. И. Колесникова

Что сочинение Сэта Томмервиля, из семи, поданных в Совет факультета, было лучшим, не подлежало сомнению. Сама тема — «Древние осадочные породы Гуронской системы», давала широкий простор гипотезе, а потому и являлась весьма опасной для молодого и увлекающегося ума. Сэт Томмервиль счастливо уклонился от соблазна эффектных, но малоубедительных обобщений и, удачно ориентируясь в противоречиях таких знатоков, как Ван Гайз, Дэна, Михайловский и др., выявил свою точку зрения, достаточно научную и (что, пожалуй, является более важным) вполне корректную по отношению к вышеперечисленным авторитетам. А это значило, что место при факультете по кафедре геологии и палеонтологии за ним обеспечено. И Элит, встретившая его в передней своей маленькой квартирки, поздоровалась с ним нежнее обычного, задержав свою руку в его крепкой ладони чуть-чуть дольше, чем, может быть, следовало бы.

Ромуальд же Гримм, двоюродный брат Элит, вечно растрепаный, шумный и излишне искренний художник и тут не изменил себе — хлопнул Сэта по плечу и подтолкнул его к девушке.

— Ну, Эли, не ломайся больше, — сказал он, — и бери его в мужья. Он уже достаточно знаменит, чтобы освещать тебя своим великолепным сиянием.

Элит закусила губу и Сэт почувствовал, что все пропало — по крайней мере на ближайшее время. Бросив свирепый взгляд на художника, он уже было собирался ответить резкостью, но Элит предупредила его.

— Сейчас половина двенадцатого, Ром, — заметила она, смотря на часики браслета, — а вернисаж начинается в двенадцать. Ты можешь опоздать.

— Попросту говоря, — добродушно рассмеялся Ромуальд, — проваливай ко всем чертям и не путайся под ногами. Я понял, сестренка, и испаряюсь, как туман в моей «Долине безмолвия».

— Я искренне поздравляю вас, Сэт, — говорила Элит, сидя с ним несколько минут спустя в небольшой, далеко не поражающей роскошью, но со вкусом обставленной гостиной, — очень радуюсь за вас. Но, Сэт, я хочу предупредить ваши слова — я чувствую, они вертятся у вас на языке, — и тем избавить и себя и вас от дальнейших тяжелых объяснений.

— Это бесчеловечно, Элит! — с тоской, так хорошо знакомой ему за последнее время, ответил Сэт. — Вы же знаете, что я без вас жить не могу, что вы для меня все — и слава, и радость, и жизнь, что...

— Это может быть больно, Сэт, не спорю, — перебила девушка, — но не бесчеловечно. Так же больно, как операция без наркоза, но разве станете вы упрекать хирурга в бесчеловечности, когда он этого наркоза, по тем или иным причинам, применить не может?

Сэт молчал, опустив голову. Да, спорить было бесполезно — в этой стройной, худенькой девушке таилась огромная сила воли.

Элит подошла к пианино и взяла несколько аккордов, потом тем движением головы, которое так любил Сэт, от-

кинула прядь волос, спускавшихся на лоб, — и комнату наполнил гром воинствующих, ликующих звуков.

...Шаг титанов, закованных в железо, мощь победы и победа мощи, торжество победителей и гимны славе — гремел под пальцами Элит....

И когда последний аккорд вагнеровского марша отзвучал, резонируя в бронзовой вазе, стоявшей на пианино, мелодичным металлическим звоном, Элит повернулась к Сэту и ее побледневшее лицо и горящие, потемневшие глаза говорили, что и она сейчас шла с ними, с торжествующими победителями, нога в ногу, в этом марше к славе...

— Вот что я хочу, Сэт! — прошептала она. — Вот без чего не стоит и жить... Я хочу, чтобы и ты шел в этой колонне гигантов — и ты пойдешь, если хоть немного любишь меня!

И, подойдя к Сэту, сказала, положив ему руку на плече, снова переходя на холодное «вы».

— Вы талантливы, Сэт, удивительно и разносторонне. Скульптура моей головы, сделанная вами, говорит о том, что из вас мог бы выйти художник посильнее Ромуальда — или я в этом ничего не понимаю. Ваше сочинение дало вам место при университете. Наконец, такой пустяк, как недавний ваш матч с Джоном Гасмитом, говорит о том, что вы и спортсмен не из плохих. Но, Сэт, все это не то, не то, не то! Вот именно эта разносторонность, все эти намеки, попытки, искания в окружающем и в самом себе, и пугают меня. Дайте что-нибудь яркое, цельное, бесспорное и я ваша, ваша, Сэт, клянусь вам в этом!

И Сэт ответил:

— Я попробую, Элит... Но только помните, вы дали слово. Больше — клятву.

1.

... Ящички, ящички, ящички...

Двадцать два больших, стянутых вдоль и поперек полосовым железом, рыбы от бесчисленных штемпелей ящи-

ка. Когда их втащили по черной лестнице Геологического института и поставили в комнату рядом с аудиторией, прибежал смотритель здания и стал кричать о том, что тут не склады, не сарай, а помещение высокого научного учреждения, что паркет штучный, двери дубовые, и что сторож Микс олух — нельзя было допускать ставить ящики сюда, ни в коем, ни в коем случае.

Когда же олух Микс завизжал на все сорок девять комнат Геологического института просунутым между досками ящиков топором, а в аудиторию, отчаянно царапая пол, с грохотом втащили огромный щит неизвестного назначения и поставили рядом с кафедрой, смотритель пришел в неистовство и побежал к директору.

Директор выслушал смотрителя, а затем хлопнул ладонью по столу.

— Извольте, — сказал он, внезапно багровея, что указывало на плохое сердце и на еще более неважный характер, — оставьте меня в покое! Ваш штучный пол и дубовые двери не стоят ни одного из этих ящиков. Убирайтесь!

Около Микса возростала гора древесной шерсти, тонкой, мягкой, как матрасный волос. А на полу расположились куски гипса — содержимое ящиков, — плоской формы, разных размеров, с большое блюдо, на котором подают стерлядей, и с крохотную тарелочку для варенья.

— Как будто бы ни одного слепка не разбилось; — услышал Микс над собой глухой баритон. — Здравствуйте, Микс — и подождите минуточку визжать вашим топором.

Пришедший, высокий, худой мужчина лет тридцати, с желтым больным лицом и воспаленными глазами, поднял с полу один из слепков и стал его рассматривать.

И Микс увидел, как затанцевал слепок в руках человека — мелкой дрожью, прерываемой резкими дерганьями.

— Опять начинается, — сказал человек. — Если припадок будет меня трепать и завтра, во время доклада, выйдет паршиво, Микс. К тому же от этой чертовской хины я почти оглох...

Он положил слепок на пол и, тяжело волоча ноги, прошел в аудиторию. Осмотрел щит, прошел в конец зала, где

на специально устроенном помосте стоял проекционный киноаппарат, взглянул на полотняный экран, натянутый над кафедрой и взошел на нее. Трясаясь мелкой дрожью, постоял с минуту, затем произнес, обращаясь к невидимой публике.

— Элитерий...

Прислушался к своему голосу и покачал головой.

— Никуда не годится... — прошептал он. — Не будет слышно и в средних рядах...

Махнул рукой и пошел к директору.

— Если возможно, — начал он, здороваясь с директором, — будьте любезны известить аудиторию о том, что я совершенно не в состоянии делать завтра доклад. Я совсем болен, у меня температура, меня трясет, я... — и, обливаясь потом, опустился в кресло.

— Нет, коллега, это невозможно, — так же, как и в разговоре со зрителем, внезапно краснея, раздраженно ответил директор. — Сделайте что-нибудь с собою, подлечитесь, но доклад должен состояться. Вы так взбаламутили ученый мир, что ждать дальше нельзя.

Глазами загнанного животного смотрел больной на директора. Потом криво усмехнулся, с трудом поднялся с кресла и протягивая директору дрожащую руку, прошептал:

— Нельзя, так нельзя... Только прошу приготовить к докладу механика для киноаппарата, да заодно и доктора, если не выдержу.

2.

... — О том, чтобы сколоть те части породы, на которых был отпечаток, нечего было и думать. У нас не было инструментов, а если бы они и были, то мы не могли рисковать возможными повреждениями пласта во время сколки. Мы с Гриммом решили сделать с отпечатка слепки. Два месяца пробирались мы к Лагуте, частью пешком, сквозь заросли тропического леса, прорубая себе путь топором, ча-

стью по реке, на наскоро связанных плотках. В Лагуте мы скупили по аптекарским складам почти весь запас гипса и с несколькими туземцами, в сопровождении груженных гипсом мулов тронулись в обратный путь.

Голос докладчика был глух — он все время откашливался, нервным движением беря себя за горло. Подносил руку ко лбу, как бы стирая с него пылающий жар, и чувствовалось, что только колоссальным усилием воли удерживает себя на кафедре.

Аудитория была предупреждена о болезни докладчика — даже шепот его мог донестись до последних рядов в стоящей тишине. В зале не было ни одного пустого места, сидели на приставных стульях, стояли в дверях. И, напряженно слушая оратора, смотрели на стоящий около кафедры громадный щит, на гипсовой поверхности которого, набранное из отдельных кусков, виднелось очертание скелета какого-то зверя. Намечался ряд позвонков змеевидного тела, лучистые кости крыльев, вооруженной зубами пасти.

...И вот началась работа по снятию слепка. Мы смазали поверхность отпечатка растительным маслом, приготовили гипсовый на квасцах раствор и стали снимать одну часть за другой, наливая гипс на поверхность. Имевшийся в инвентаре экспедиции киноаппарат запечатлел этот процесс... Механик, прошу вас приступить.

Свет погас, зажужжал фонарь и на экране задвигались фигуры. У подножья почти отвесной скалы копошились двое людей. Нагнувшись над большим плоским камнем, они всматривались в его поверхность. Один из них, в котором публика узнала докладчика, выпрямился, улыбнулся и сказал что-то другому — и тут аудитория увидела ту громадную перемену, которую претерпел этот человек. На экране говорил беззвучно здоровый, крепкий мужчина, на кафедре стоял бледный, изможденный и больной.

...— Как известно всем из газет, моего друга, художника Гримма, уже нет в живых. Он не перенес тропической лихорадки и умер месяц спустя, на пути к Лагуте. Эта лихорадка не пощадила и меня — я тоже совсем еще болен...

Показалась долина реки, по берегу которой шел караван — десяток груженных мулов и несколько человек — Гримм, докладчик и пять или шесть туземцев-дикарей.

Оратор замолк — и притаившаяся аудитория услышала падение тела.

Дали свет — на полу, у ступеней кафедры, в глубоком обмороке лежал докладчик, молодой, прогремевший на весь ученый мир палеонтолог Сэт Томмервиль.

3.

Шесть шагов в длину, четыре и ширину, кровать, рахитический стул, вздрагивающий от каждого движения шкаф без дверец и залитый чернилами стол из некрашенных досок — убежище старого учителя Натана Флейшмана.

Утром чай, вернее водица цвета спелого колоса, без сахара, с куском хлеба, днем немного рубцов, студня или кровяной колбасы, вечером — хорошая книга. Впрочем, книга и утром, и днем. Если бы не было книги, не стоило бы есть рубцов, студня и кровяной колбасы. Потому что сильное воображение и творческий ум превратят вам их в нектар и амброзию, лихорадочный шкаф и рахитический стул — в шедевры мебельного искусства, комнату — во весь мир, земной, межпланетный, в космос, в бесконечность...

— Читали, сосед, сегодняшнюю газету? — слышит Натан Флейшман голос из коридора.

Старик поднимается со стула и идет к двери. За ней стоит сосед, слесарь Толь, с газетой в руках.

Натан нагибает голову и смотрит поверх очков на слесаря. Тот протягивает газету.

— А что, сосед, разве есть что-нибудь, заслуживающее внимания? — по старой привычке учителя глухонемых, отчетливо и медленно выговаривая каждый слог, — спрашивает Флейшман.

— Зверь Сэта Томмервиля, — отвечает слесарь.

— Зверь Сэта Томмервиля? — оживает старик. — Что это такое? Давайте, давайте, дорогой Толь, я прочту сейчас!

И Натан читает о том, как пять лет тому назад молодой ученый, кандидат на кафедру палеонтологии Сэт Томмервиль вместе со своим другом, художником Ромуальдом Гриммом отправился в экспедицию по неизвестному направлению. На его отъезд в то время никто не обратил внимания — собирался он на свои собственные, довольно значительные средства, своему отъезду рекламы не делал, но снарядил, как сообщала газета, экспедицию очень хорошо — было взято все, необходимое для длительного путешествия, даже киноаппарат.

И вот, неделю тому назад, он вернулся и привез с собой слепок с отпечатка неизвестного науке ископаемого. На литографских сланцах Голубой реки окончил свое существование невиданный зверь и воздвиг себе на тысячи лет памятник — своим собственным телом, отпечатавшимся всем костяком на камне. Памятник воздвиг себе и Сэт Томмервиль — зверь не был известен палеонтологии.

Не похожий ни одно изученное наукой ископаемое животное, он поставил в тупик весь ученый мир. Имея крылья, он является представителем класса птиц, форма головы и змееобразного позвоночника столба говорили за то, что он близко стоял и к пресмыкающимся. Являясь, таким образом, сильным конкурентом археоптериксу, считающемуся соединительным звеном между этими двумя классами, он превосходил последнего величиной, как превосходит орел канарейку.

И Сэт Томмервиль дал ему звучное имя — элитерий. Газета сообщала дальше, мешая научный материал с обывательской обыденщиной, что это название дано в честь невесты Томмервиля, Элит, очаровательной, как и подобает быть невесте знаменитости, девушки. Мимоходом передавалось, что свадьба состоится на днях и что она откладывалась сих пор по двум причинам — по случаю смерти Гримма, погибшего от лихорадки на обратном пути экспедиции и память о котором Сэт Томмервиль хотел почтить полугодовым трауром и по причине болезни самого Том-

мервиля, тоже зараженного лихорадкой и больного до того, что он упал в обморок во время чтения своего доклада в Геологическом Институте.

В тексте статьи был помещен рисунок реконструированного элитерия — он главным образом и привлек внимание Толя необычностью форм чудовища.

— Пустяки скотинка! — сказал слесарь, тыча через плечо Флейшмана изуродованным инструментами пальцем в рисунок. — С такой встретиться одни на один в лесу — пожалуй, забудешь, как тебя зовут!

Флейшман опустил газету — воображение нарисовало ему, послушно и добросовестно, такую потрясающую картину, что он даже зажмурился и покрутил головой.

— Уж лучше и не думать, дорогой Толь, действительно, страшно становится. Я бы просто с ума сошел!

— Между прочим, уважаемый сосед, — сказал слесарь, — сегодня в Иллюзионе, в дополнение к программе, будет идти фильм-экспедиция Сэта Томмервиля. Пойдемте, дружище?

Решено было идти. Правда, это предприятие должно было сделать значительную брешь в бюджете Натана, к тому же было немного жалко жертвовать несколькими часами очаровательного общения с книгой, но это «пойдемте» было сказано с такой подкупающей убедительностью, что отказать не хватило духа.

Еще в кассе, беря билеты, Толь чувствовал себя на седьмом небе. В фойе гремела музыка, щелкало колесо безвыигрышной лотереи, со стен глядели плакаты программы: американского приключенческого фильма — несущиеся люди, автомобили, скачущие лошади, и экспедиция Сэта Томмервиля — чудовище с зубами кашалота и крыльями архангела.

Сидя рядом с Флейшманом, Толь переживал вместе с героями сногшибательной американской картины все стадии развертывающегося действия — балансирование любовника с универсальной жизненной подготовкой над Ниагарой, спасение жильцов пылающего дома, погоню на автомобиле за скачущим злодеем и прочие полотняные ужасы, щедро закрученные автором, режиссером и оператором. А когда добродетель, как ей и полагается, восторжествовала, герои поженились, злодеи были наказаны и все пришло в порядок, Флейшман вздохнул с облегчением — работы его воображению не было никакой, ее услужливо брали на себя авторы ужасов.

Но вот закачались на экране мулы экспедиции Сэта Томмервиля, развернулся освещенный ослепительным солнцем далекий тропический пейзаж и прошагнули слева направо фигуры Сэта Томмервиля и Ромуальда Гримма, в пробковых шлемах, белых костюмах, с винтовками через плечо. За ними шли, пугливо озираясь на киноаппарат, самые настоящие дикари, навьюченные инвентарем экспедиции, голые, лохматые, первобытные.

Затем фигуры Томмервиля и Гримма задвигались над ртпечатком, был заснят весь процесс снятия слепков. Была показана жизнь обоих европейцев в палатке около работ, были представлены публике веселые ребята-дикари, уже привыкшие к страшному глазу объектива и ослепительно скалившие свои бесподобные зубы, и среди них — негр Самбо, служивший одним из проводников, наиболее культурный, выполнявший в экспедиции немудреную роль оператора у уже наставленного, заряженного и приведенного в полную боевую готовность киноаппарата.

Показалась Лагута — небольшой городок с чистенькими домиками, запутавшимися в зеленой чаще пальм, лавров, фикусов и молочаев. Вся бунтующая роскошь тропического леса была показана публике на обратном пути экспедиции — каучуковые, гигантские ореховые и кокосовые деревья, орхидеи, бромелии, папоротники, пупунии: — целый ботанический сад, необъятный, чарующий и... ядовитый...

Пронесли на носилках заболевшего Гримма, зараженного тропической лихорадкой. Показали небольшой холмик у подножья масляной пальмы с крестом на нем — последнее убежище Гримма и коленопреклоненную фигуру Томмервиля у могилы.

К фильму экспедиции был примонтирован кадр, автором которого, видимо, Томмервиль не был — снимки улыбающейся Элит, прелестной девушки, играющей в теннис, верхом на лошади, в купальном костюме у кабинки, просто гуляющей.

Дали свет. Публика встала и направилась к выходам. Поднялся и Толь, Флейшман продолжал сидеть на месте.

— Идем, дружище, — начал было слесарь и остановился; Натан сидел, широко открытыми глазами смотря на уже безжизненное полотно. Он, видимо, не сознавал, что происходит вокруг него, вцепившись руками в локотники кресла, бледный, как изваяние, чем-то необычно взволнованный.

Толь встрепенулся.

— Что с вами, дружище, вы больны? — нагнулся он к старому учителю, беря его за плечо.

Тот медленно, как сомнамбула, перевел свои глаза на слесаря и покачал головой.

— Я останусь еще на один сеанс... Пойду, может быть завтра, послезавтра, буду ходить до тех пор, пока...

И, резко поднявшись, направился к кассе.

4.

Элит сосчитала, — восемнадцать журналов и двадцать три газеты. И во всех них — статьи об элитерии, о Сэте и о ней, Элит. Сэт, элитерий, Элит, Элит — Сэт, элитерий — все шесть комбинаций, которые могут дать эти три имени, сладкой музыкой пели в сердце Элит Томмервиль. А вчерашний банкет в Геологическом институте, Бармэн Ли и его речь? Речь, являвшаяся сплошным дифирамбом Сэту и почти полностью напечатанная во всех газетах... А тост Хоксая, токийского профессора, так мило, остроумно и кстати упомянувшего о старой японской сказке, — в которой два героя — зверь и красавица!

А вчерашние интервьюеры? Хотя что-нибудь, самую малость пусть расскажет им госпожа Томмервиль о Сэте, о себе самой, о своих вкусах, точка зрения на то и на это... Приходилось спешно вырабатывать эти точки и эти вкусы — а это было так увлекательно

Элит потянулась. Встать, пожалуй, было еще рано, да и незачем. Сэт, очень утомленный за последние дни и не совсем еще поправившийся, спал рядом, вытянувшись на

спине. В спальне же так хорошо!.. Давнишняя мечта о белой полированной мебели с бледно-голубым шелком, наконец, превратилась в действительность. По шелку золотистые цветы, разлапистые, громадные, очаровательные! Сам Морфей не придумал бы более покойной, усыпчивой и поэтической кровати... А шкаф, наполненный платьями? А эти журналы, синие, розовые, желтые, в журналах же Сэт, Элит, элитерий — элитерий, Сэт, Элит, Элит Томмервиль!..

— Господи, до чего хорошо жить на свете!..

Сэт шумно вздохнул, пробормотал что-то и открыл глаза. И привычкой, выработанной долгим путешествием, когда приходилось ловить шумы и шорохи леса даже во сне, чтобы быть всегда готовым к отпору, сразу перешел от сна в явь и приподнялся на кровати.

— С добрым утром, Сэт, милый!

В дверь постучали — так всегда костяшкой безымянного пальца стучала в дверь по утрам старая Нина, служанка, вынянчившая Элит.

И, по разрешению войти, внесла на подносе утренний кофе и кучу писем — с каждым днем их становилось все больше и больше, сегодня они совсем загнали в угол подноса две чашки и плетенку с бисквитами.

— Там какой-то старик желает видеть господина Сэта. Сидит в приемной, говорит, что не уйдет, пока вы не выйдете.

Сэт поморщился. Беседа с каким-то стариком, не имеющим даже визитной карточки, не входила в его планы — хотелось выпить кофе, пробежать газеты, уложить несколько кирпичей на стены возводимого каждое утро вместе с Элит воздушного замка.

— Передайте этому старику, Нина, что я сейчас занят, пусть мне позвонит после.

Нина вернулась через несколько минут.

— Он сказал, что у него телефона нет и что он — это его слова — должен вам сказать нечто, что заставит вас бросить все остальные дела.

Это звучало, как приказ. И недоумевая, заинтересованный, Сэт оделся и пошел в приемную.

В широком кресле важно и неподвижно сидел маленький, заросший волосами старик. И когда Сэт подошел к нему, он не тронулся с места. Остановившись в трех шагах от кресла, Сэт в недоумении пожал плечами — до того был неподвижен старик. Только глаза его над тяжелыми мешками с живым любопытством и, казалось, с насмешкой смотрели на него снизу.

— С кем имею честь? — начиная сердиться, спросил Сэт.

Старик не отвечал. В глазах его запрыгали веселые искры и сквозь чашу усов прорвался, обнажая бледные десны, беззвучный смех. А затем, сотрясая маленькое тельце, этот смех выкатился наружу коротенькими всхлипывающими звуками — старик хохотал, жмуря глаза от набегающих слез безудержного, детского смеха.

Сэт подошел к стенному звонку.

— Я позвоню, — сказал он, — чтобы вам, во-первых, дали воды, а во-вторых, убрали. Приходите тогда, когда научитесь человеческой речи.

Старик умолк и покачал головой. И уже без тени улыбки, с еле уловимым оттенком сострадания, тихо, почти шепотом, произнес:

— Ай да Сэт Томмервиль... Ай да знаменитый палеонтолог, открывший элитерия...

И, помолчав, добавил:

— Как вы это сделали?

Еще будучи студентом, Сэт как-то принимал участие, в качестве первоклассного голкипера, в международном матче в футбол, его команда, синяя с белым, шла с противником, желтым, в одинаковом счете — один на один. Оставалось три минуты до конца игры — и Сэт, широко расставив ноги, мечтал о близком триумфе, о том, что он отбил четырнадцать трудных, почти невозможных мячей, о том, что это был первый случай, когда бившая всех и всюду команда желтых была принуждена вести игру в ничью.

Мечтая, не заметил, как совсем близко от его ворот завязался клубок из сине-белых и желтых тел — и неуклонно, как судьба, мяч влетел в правый край ворот, ударив

прыгнувшего Сэта по концам протянутых пальцев. Гром аплодисментов сорокатысячной толпы с неопровержимостью удара палкой в голову доказал ему, что он «смазал», что все потерял раз и навсегда, что эти сорок тысяч воющих ротозеев разнесут завтра по всему спортивному миру его позор и унижение.

И вот, так же, как и тогда, он почувствовал сейчас желание запрятаться в какую-нибудь шелку, чтобы ни одного кусочка тела снаружи не оставалось, а главное — чтобы все забыли о нем, о том, что есть на свете Сэт Томмервиль.

— Что вы хотите этим сказать? — побледневшими губами спросил он старика.

— Я Натан Флейшман, учитель школы глухонемых, — ответил тот.

И усевшись поудобнее, как бы готовясь к длинному и занимательному рассказу, Флейшман продолжал.

— Чудесный экземпляр ископаемого, невиданного зверя, очаровавшего весь ученый мир и общественное мнение. Замечательная экспедиция, обставленная с удивительным комфортом, вплоть до киноаппарата. Четкие, хорошо смонтированные фильмы, ящики со слепками, переложенными не какими-нибудь стружками, а великолепной древесной шерстью, о которой тоскует мой матрац — обо всем этом известно всему миру и все это то, чему, как говорится, комар носа не подточит. Результаты — европейское, нет — почти мировое имя, прелестная жена, блестящие перспективы... И мне, любителю всего прекрасного, даже жалко становится разрушать все это... Нет, нет, — не беритесь за револьвер, это совершенно бесполезно! Во-первых, потому, что это наделает шуму и завяжет такой узел, который вам вряд ли удастся распутать, а, во-вторых, я оставил душеприказчика — он продолжит мое дело, если вы меня убьете. Лучше садитесь и слушайте.

Посетители кинематографа, нормальные люди, умеющие говорить и слушать, одним сломом — обладающие тем даром человеческой речи, в отсутствии которого вы только что упрекнули меня, не подозревают того, что он, кинематограф, нем только для них. Я сейчас удивлю вас истиной,

которая звучит, как парадокс — для глухонемого, обученного речи, умеющего говорить, но, конечно, не слышащего ничего, кинематограф иногда говорит... Губами действующих лиц, движениями этих губ — и они, глухонемые, различают произнесенные слова, слушают, так сказать, безмолвие. Вот почему им, а также и мне, умеющему читать по губам, иногда бывает смешно, а иногда и просто неприятно сидеть в кино. Выдвинут на передний план героя, произносящего трагическую речь, а он, этот герой, из озорства ли, или просто, чтобы не прервать речи, повернет в нее иногда такое словечко или фразу, что досадно становится, — все настроение, созданное иногда удачной вещью, пропадает в одно мгновение...

...Нечто подобное случилось и с вами. Вы помните, конечно, все обстоятельства, которыми сопровождалось заснятые вашей экспедиции? Не припомните ли вы тогда и вашей фразы, которую вы бросили Ромуальду во время работы над слепком? Вы произнесли ее быстро, и мне пришлось просидеть два сеанса, чтобы прочесть ее. Я и тогда на себя не понадеялся — ведь всякие ошибки возможны, и после сеанса побежал к механику в будку, и за несколько монет он провертел мне это место три раза, замедляя и даже останавливая ленту по моим указаниям. Сомнений не было, Сэт Томмервиль, — вы, не подозревая того, что плотно может говорить, бросили Гримму следующие слова: «Ну, дорогой Ром, никогда и никто, кажется, не надувал весь мир так, как это собираемся сделать мы»...

Сэт лежал, уткнувшись в угол дивана.

Натан Флейшман вздохнул, полез за табакеркой, нюхнул и продолжал.

— Вот и все, что я хотел сообщить вам. Не бойтесь, я вас не выдам. Губить человека, каков бы он ни был, не в моих правилах. На Толя, моего «душеприказчика», тоже можно положиться — раз молчу я, будет молчать и он. Моя цель другая — мне просто очень любопытно узнать, как вы это все устроили.

Сэт повернулся к старику... и тот опустил глаза. Столько муки, стыда и униженья было написано на лице Сэта, что старик был не в силах смотреть на него.

— Ну что же, вы вправе любопытствовать, — сказал Сэт, — и я отвечу вам. Мы с Ромуальдом высекли на сланце отпечаток зверя — мы работали долго, упорно, причем я тщательно обдумывал, как палеонтолог, каждую косточку скелета, чтобы сделать зверя правдоподобным с научной точки зрения. А потом сделали с него слепок. Вот и все.

— Ну, а если пойдут по вашим следам и найдут отпечаток, разве подделка не будет обнаружена? — спросил Натан.

— Вряд ли... Следы от инструментов были тщательно уничтожены, к тому же мы обработали поверхность сланца химическим путем, чтобы придать ей вид, соответствующий ее древнему возрасту. Повторяю, мы работали над породой месяца, слепок же делали всего две недели.

И, переводя дыхание, добавил:

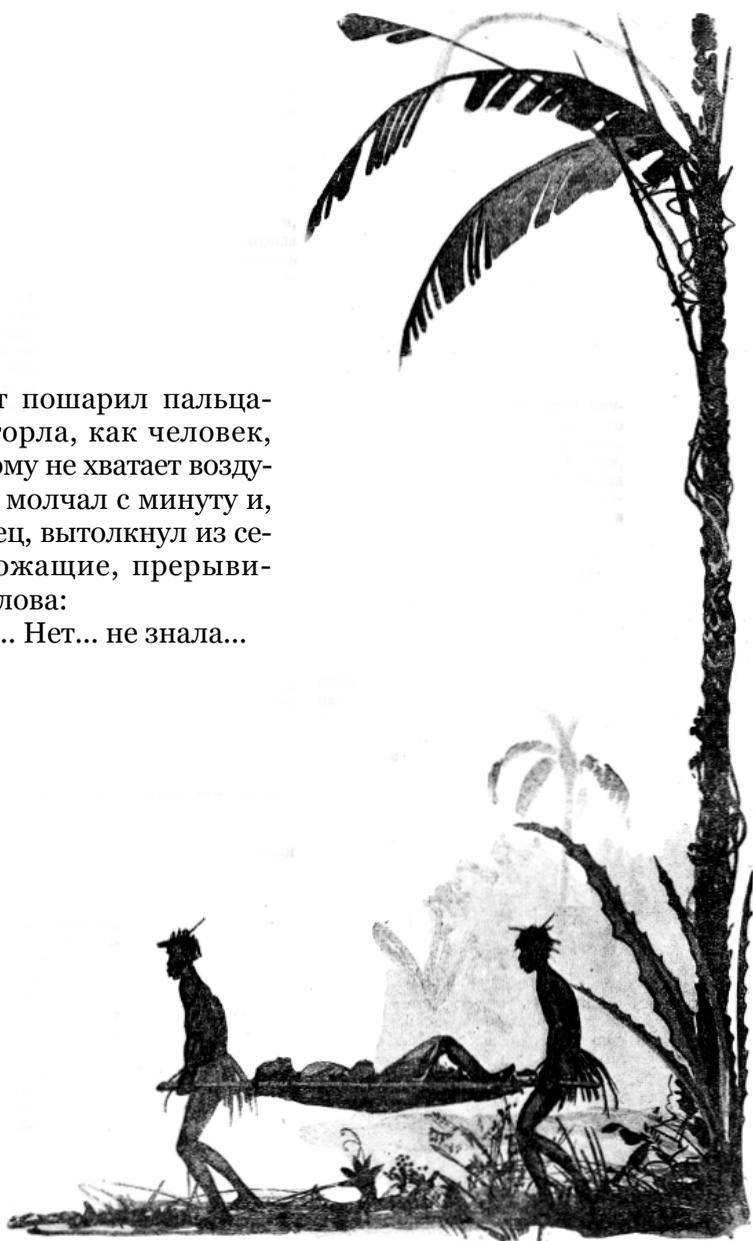
— Да, это преступление, и я сознаюсь в этом. Решиться на него пять лет тому назад мне было сравнительно легко — я был моложе и легкомысленнее. Но как тяжело было мне, перенесшему болезнь, трудности и опасности длительного пути и постаревшему на много лет душой, продолжать обманывать науку и служителей ее, доверчивых и мудрых — доказывает мое состояние во время доклада, когда расшатанные болезнью нервы не выдержали напряжения и я упал в обморок. И я завидую Гримму — мертвые сраму не имут... Да, это преступление, и я шел на него, лишь бы завоевать ее, Элит... Лишь за мою славу, за мое имя отдала она мне себя, свое...

Но Флейшман быстро поднялся.

— Этого можете не говорить, — прервал он Сэта. — Мне это совершенно ясно. Эти фотографии, интервью, это жадное желание разделить с вами ваш триумф достаточно показательны. И это единственное, если таковое может быть, оправдание вам. Последний вопрос — знала ли она об этой мистификации?

Сэт пошарил пальцами у горла, как человек, которому не хватает воздуха. Он молчал с минуту и, наконец, вытолкнул из себя дрожащие, прерывистые слова:

— ... Нет... не знала...

С. Горбатов

ДОЛИНА СТРАУСОВ «РУК»

Рис. И. Колесникова

Долина страусов

"РУК"

I.

— Единственная свободная комната, сэр. Очистилась только что. Лорд Бенторф вызван телеграммой в Лондон.

— Можете идти. Я беру эту комнату.

— Будут распоряжения?

— Я не спал две ночи, не беспокойте меня до утра.

Я запер дверь за спиной отельного служащего. Косые лучи солнца смотрели в два широких окна мягко и устало. Я прошел в изящную уборную с запахом незнакомых духов и умылся свежей водой, сладостно обласкавшей мои щеки, обожженные беспощадным солнцем и яростными самумами пустыни. Вернувшись в комнату, увидел на подушке постели бланк телеграммы. Глаза, слипавшиеся от усталости, прочитали:

«Лорду Джону Бенторфу. Немедленно приезжайте. Вилла подыскана. Обстановка. Библиотека десять тысяч томов. Подлинный Рубенс, Рембрандт, Коро. Парк. Лес, Пляж. Луга.

Фермы. Цену в шестьсот тысяч ваш текущий счет выдерживает. Биггль».

II.

Я проснулся. Стул с грохотом катился по паркету. Рассекая лунный свет, голубым туманом напоивший комнату, коренастый человек бежал ко мне от распахнутой двери балкона. В лунном сиянии вспыхивали россыпью красных искр его рыжие волосы. В правой руке человека холодно взблескивал револьвер, через локоть левой руки была переброшена кольцеобразно свернутая веревка. Но не эти аксесуары убийства и плена задержали мой взгляд. Глаза мои жутко приковались к голове и изогнутой шее огромной птицы, которая, стоя на земле, заглядывала громадными черными блестящими шарами глаз через перила балкона во второй этаж отеля. Проснулся ли я или продолжал витать в стране снов, я не знал.

III.

Я очнулся, открыл глаза. Ослепительный солнечный свет дробился в трепете жемчужного воздуха. Я лежал, привязанный веревками к синей спине громадной птицы. Она летела вихрем на страшной высоте над землей. Свист синих гигантских крыльев вливался в уши сильным, стремительным шумом. Воздух, который мы рассекали в ураганном полете, хлестал мне в лицо, и по тому, как он упруго ударялся о лоб и щеки, я мог судить о необычайной быстроте удивительного полета сказочного великана-птицы.

Мысли путались, сбивались. Голова сильно болела от хлопоформа.

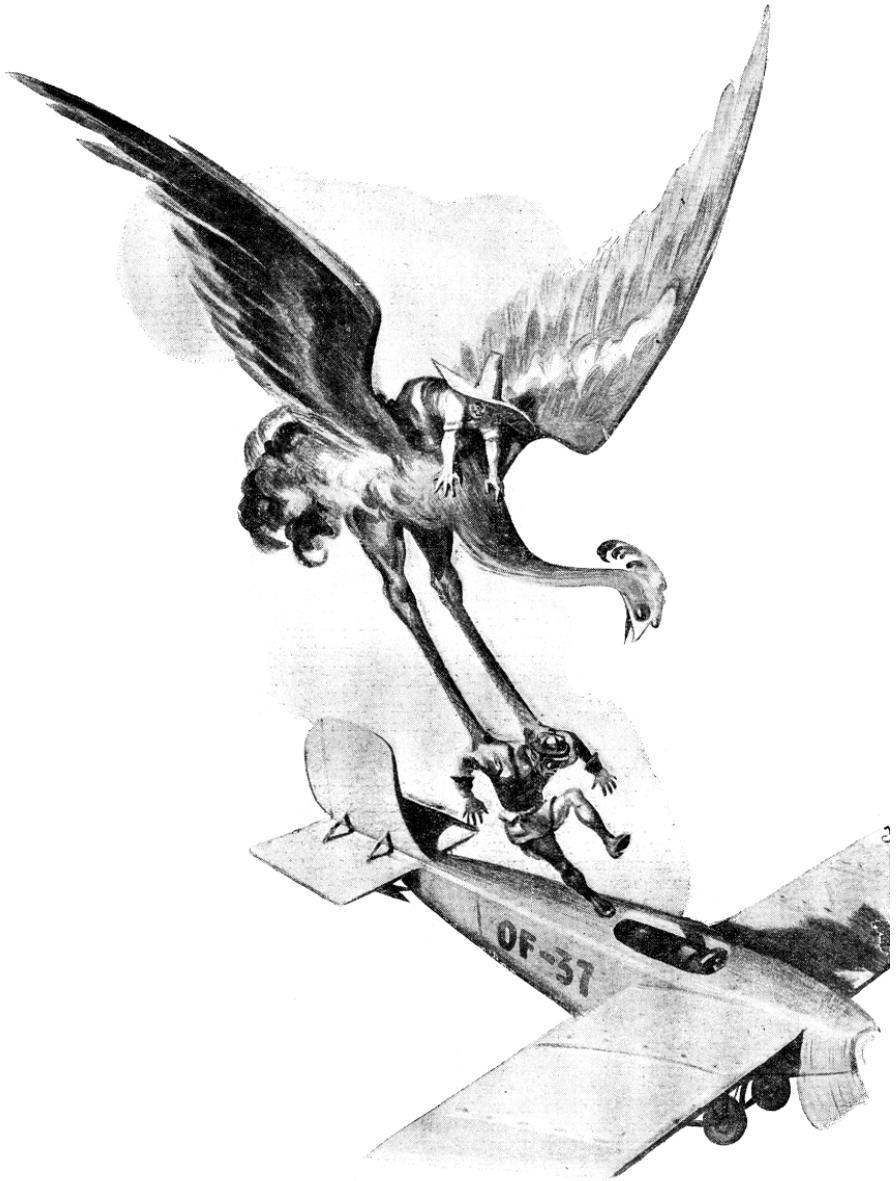
С усилием я приподнял ее. Перед моим синим страусом летели два других: белый и черный. На них полулежа-

ли два человека в широкополых шляпах. Позади меня летел четвертый страус, переливающийся в солнечных лучах дрожащим пламенем красного оперения. На спине у него лежала пленница. Подол ее платья развевался от ветра, на желтую ткань красные перья страуса проливали дрожание оранжевых отсветов. Мощными ударами пламенеющих крыльев просвистав в воздухе, красный страус поравнялся с моим синим. И я увидел в синеве больших миндалевидных глаз пленницы не ужас, не тоску, не страх, нет: сияние восторга. Нет сомнения — она не страшилась плена. Ощущение фантастического полета давало ей, как и мне, ни с чем несравнимые переживания.

Раздался зычный крик впереди. Я приподнял голову, хотя веревка резала мне плечо. Человек в широкополой шляпе повернул черную птицу направо. Он в горячем возбуждении кричал что-то своему страусу, подавшись вперед широким корпусом; охватив левой рукой упруго изгибающуюся шею птицы, правой рукой он показывал на восток.

Черноперый великан послушно ринулся в указанном направлении. Рокот мотора пересилил в моих ушах шумные всплески страусовых крыльев. Черный страус вихрем летел на аэроплан. Я увидел быстро растущий резной силуэт механической птицы из алюминия. Над рулем приподнималась любопытно или испуганно фигура человека в сером шлеме. Пружинным полетом страус настиг аэроплан и пальцами обоих ног выхватил авиатора из кабинки. Аэроплан, крутясь, падал вниз. Страус летел некоторое время, держа трепещущее тело летчика крепкими ногами с такой легкостью, как будто это была фигурка из картона. Потом, по приказанию человека в широкополой шляпе, он разжал ноги, и несчастная жертва описала жуткую дугу падения в воздушную вихревую бездну.

Черный страус вернулся к своим товарищам. Он изгибал шею, вертел головой. Мне казалось, он страстно хотел что-то отрицать. Быть может, он слагал с себя ответственность за смерть летчика. Казалось, он говорил, что он — только слепое орудие в руках своего властелина, который был настоящим убийцей.

Я чувствовал приступы тошноты после вдыхания паров хлороформа. Страшная жажда жгла мне гортань. Я лишился чувств.

IV.

Сознание ко мне вернулось. Воздушная кавалькада страусов пролетала над хаосом гор. Глубоко внизу чернели ущелья, пропасти, обрывы, россыпи камней. Реки извились, кипели водоворотами. Здесь и там свергались водопады, поднимая жемчужные облака водяной пыли.

Но вот горы остались позади. Внизу расстилалась холмистая местность с пальмовыми и банановыми рощами.

Страусы стали снижаться на площадку, где стоял дом с крышей из сухих листьев равенала, «деревя путников». Изпод навеса около изгороди, построенной из крепких стеблей пальмы рафии, размашисто выбежали шесть огромных страусов. Они заметили своих четырех братьев, возвращающихся из путешествия и, снявшись с земли, красивым полетом поднялись к нам навстречу, окружили нашу стаю, со странным трепетанием крыльев летели рядом с нами, терлись шеями о шеи наших огромных птиц. Один страус, с золотым пышным оперением, на лету нежно хватал и потом разглаживал плоским клювом складки желтого платья пленницы.

Мы спустились на двор возле ручья, журчащего вдоль изгороди. Страусы, встречавшие нас, блистая огромными глазами, немного наискосок поставив головы, с любопытством следили, как люди в широкополых шляпах развязывали веревки, чтобы освободить пленников. Несколько великанов отбежали к кормушкам под навесом.

Люди в широкополых шляпах ввели меня и пленницу в сырую комнату, освещенную единственным окошком, узким, прорезанным высоко, под потолком. Стены были грубой каменной кладки, а всю мебель представлял стол и два пустых деревянных ящика. Мы, пленники, опустили на

эти импровизированные кресла. И бандиты, оба враз сняв широкополые шляпы, представились нам, мрачно улыбаясь:

— Мистер Роккер. Мистер Тим.

«Мистер» Роккер, широкоплечий рыжий бандит, выступил вперед и сказал:

— Вы будете нам повиноваться, чтобы мы вам ни приказали исполнить. Почему так, джентльмены? Вы это скоро узнаете. Через полчаса будет обед. Приготовьтесь...

Левая косматая бровь саркастически запрыгала над желто-зеленым глазом.

— До скорого свидания, лорд Бентфорд... До скорого свидания, очаровательнейшая мисс Мальви...

V.

Тяжелый засов грубой двери громко лязгнул. Мы остались вдвоем. Пленница, при последних словах Роккера вскочившая с ящика, стояла с неподвижным взором широко раскрытых синих глаз, схватившись рукой за грудь.

— Мальви... — прошептала она чуть слышно.

Я помог ей опуститься на ящик, заменявший стул. Теперь ее широко раскрытые глаза быстро меняли выражение, возбужденно мерцая смелыми отсветами деятельной мысли. У меня возникла догадка.

— Вы хотите сказать, — проговорил я, — что профессор Мальви...

— Мой дядя! — Он здесь! — глухо вскрикнула она. — Они привезли меня к нему! Они ошиблись! Меня зовут Иветта Габриель Ренье.

Она заговорила спокойнее.

— Жанна Мальви уехала в университет. Я осталась одна. Они не знают Жанну в лицо. Они приняли меня за нее. И вот, наши двухлетние поиски неожиданно увенчались успехом: дядя — найден!

Она спрашивала меня своим синим взглядом:

— Но с какой целью бандиты хотели привезти дочь к отцу? На чем они строят свою игру? Вы мне поможете... лорд... как вас?

— Лорд Бентфорд! — Такой же лорд, как вы — дочь профессора Мальви, — сказал я, с радостью отметив улыбку на усталом лице товарища по несчастью.

VI.

Прогремел засов, и по знаку рыжего Роккера мы покинули свою тюрьму. Лестница с неровными гранитными ступенями привела нас во второй этаж. На площадке лестницы было две двери. Роккер вошел в правую дверь, через которую доносился хриплый смех Тима. Я переступил через порог.

Острая боль прожгла мне сердце: я увидел профессора Мальви. Он сидел на деревянной лавке посреди комнаты, прикованный четырьмя цепями к трем стенам и потолку. Иветта Габриель бросилась к старику с криком:

— Папа!

Профессор трясущимися руками, худыми, как палки, обнимал плечи припавшей к его коленям Иветты Ренье, и срывающимся голосом спрашивал.

— Ты?.. Ты?..

Длинные пряди волос упали ему на лоб, закрывая заветной впалые измученные глаза.

Роккер и Тим широко и зловеще улыбались, созерцая картину столь ловко слаженной ими «встречи отца с дочкой», и левая бровь Роккера, жившая самостоятельной жизнью, извивалась и подергивалась, как будто плела ведомую ей одной сеть коварных замыслов.

— Дядя! — прошептала Иветта Ренье по-французски. — Это, я Иветта! Надя жива, здорова. Бандиты ошиблись. Де-лайте вид, будто вы признали во мне свою дочь, иначе...

С пеной у рта, сведенного судорожной гримасой злобы, Роккер прыгнул к Иветте и мощной рукой оторвал ее от профессора.

— Молчать! — прохрипел он, задыхаясь. — Ни слова ни на одном языке, кроме английского. За разговоры против меня и Тима — порция свинца в череп!

Мы разместились на скамейках за большим столом, одна половина которого, заставленная многочисленными приборами, представляла собой химическую лабораторию профессора Мальви.

— Досточтимый профессор, — сказал Роккер, — сегодня у нас шикарный обед! Поездка в город, не считая партии химических материалов, приобретенных согласно вашему списку, дала нам случай раздобыть наших гостей (поклон и танец брови) и гастрономию. Старина Тим — чудотворец. Он лишь немногим уступает апостолу Петру. Тот открывает двери рая, а дружище Тим открывает сейфы и массивные двери запертых магазинов. Угощайтесь! Вино, бисквиты, сыр, ветчина, чудеснейший ром! Прелестные кексы к вашим услугам, мисс. Не буду болтать, но, дорогой профессор, теперь, когда ваша дочь здесь, вы отбросите свое упорство и сообщите нам рецепт изготовления «пищи страусов Рук»...

Наступило молчание. Ультиматум бандитов был ясен.

VII.

Долгую ночь в сырой каменной комнате я провел без сна. Мысль горела напряженным огнем. Напрасно. Я не мог придумать плана освобождения профессора из плена бандитов. Незадолго перед рассветом я уснул.

Наутро меня и Иветту Ренье вывели во двор. Сияло жаркое мадагаскарское солнце. На широком дворе резвились огромные птицы. Некоторые, нежась в раскаленных солнечных лучах, лежали на горячем песке. Золотой страус, блистающее оперение которого сверкало золотыми каска-

дами больно для глаз, неотступно следовал за Иветтой Ренье, временами проводя клювом по ее желтому платью, которым он заинтересовался больше всего на свете. Быть может, он принимал женское платье за человечьи перья и недоуменно спрашивал путешественницу: «Почему ты не летишь? Ну, ну, попробуй разок!»...

Тим и Роккер расположились под навесом играть в карты.

— Посмотрите, у Тима, мой кошелек! — негромко сказала Иветта Ренье, останавливаясь против меня.

— А рыжий Роккер прикарманил мое портмоне, — ответил я, кажется, улыбаясь.

Через минуту Роккер проиграл все мои деньги.

— Довольно играть, — сказал Тим, собирая серебро, ассигнации и карты.

Но Роккер хотел отыграться. Узкие щелки его заплывших глаз горели неудовлетворенным азартом. Короткая рука выбросилась вперед, прикрыв потной ладонью рассыпанные карты.

Левая бровь у него судорожно дергалась, измышляя какую-то гениальную комбинацию. И вот он встал, подошел ко мне и, отогнав в сторону золотого страуса, под ногами которого он только что прошел, как между двумя колоннами, — профессиональным жестом приставил револьвер к моему виску и сказал:

— Пиши мне чек на десять тысяч фунтов стерлингов, иначе...

— Не продолжайте, — прервал я. — Конец формулы банкетов знаю наизусть: «иначе — порция свинца в череп».

Доставая самопишущее перо из кармана на груди, я выронил из него скомканный листок телеграммы. Роккер поднял его, прочитал и зарычал от восторга:

— Шестьсот тысяч фунтов! Три миллиона звонких долларов! Клянусь страусами, милорд, вы сию минуту напишете мне кучу чеков на все три.

Он ткнул холодным дулом револьвера мне в левый висок.

— Я напишу вам грудку чеков на миллион фунтов стерлингов, — сказал я с готовностью, самой искренней, — если вы освободите профессора Мальви.

— Если вы скажете еще одно слово, я спускаю курок.

— Не вполне верю, чтобы вы так опрометчиво поспешили: я не написал еще ни одного чека.

— Вы не хотите писать чеков, милорд? Вздор. Вы напишете их, сколько бы я ни потребовал. Стоит нам посадить эту прелестную мисс на цепь рядом с профессором, чтобы вы...

— Я напишу достаточно чеков, но с условием: вам и Тиму по равной сумме.

— Чрезвычайно приятно, — поклонился галантно Тим, — иметь дело с истинным джентльменом.

А Роккер сумрачно прорычал:

— Поровну? Несправедливо, клянусь страусами!

С легким сердцем я написал несколько чеков на огромные суммы и отдал негодьям, с загоревшейся надеждой:

— Когда вы улетаете получать по чекам?

— Не раньше, чем профессор сообщит нам рецепт приготовления «пищи страусов Рук», — погасил мою надежду Роккер, рассовывая по многочисленным карманам свою долю проблематических чеков. — Но не будем терять времени. Я человек деловой. Время — деньги. После завтрака мы летим в долину страусов «Рук».

VIII.

В тени под густыми, роскошными гроздьями листьев кордилии золотой страус, качаясь, подгибая огромные ноги, опустился пышным корпусом на песок. Иветта Ренье обняла повернувшуюся к ней голову страуса, гладила короткий султан золотых перьев у него на затылке. Черные блистающие шары страусовых глаз смотрели на нее по-человечьи — влюбленно. Иветта Ренье полулегла на золотую спину, погружаясь в атласное золотое мягкое ложе. Страус

поднялся на ноги, и Иветта Ренье, перегибаясь через широкое плеча гиганта, крикнула мне сверху:

— Не правда ли, милорд, эти страусы — наши лучшие союзники?

Рыжий Роккер, деловито приспособляя плетеную корзину к спине своего черного воздушного коня, громко сказал:

— Предупреждаю вас, мисс, и вас, сэр! Малейшее движение против меня и Тима жесточайшим образом отзовется на профессоре. Вы можете улететь от нас на этих своих воздушных «союзниках», но... но профессор тысячу раз вспомнит великого инквизитора Торквемаду. Словом, мысль о победе — не для вас. Эй, Тим, все ли готово к путешествию в долину страусов «Рук»?

Наши страусы взвились на воздух. Меня нес на могучей спине прежний синий гигант. Внизу, в дрожащем мареве солнечного зноя, толпились пальмы, разливались обольстительные лужайки, усыпанные пестрой пылью цветов. Страусы неслись совсем невысоко над землей, и поэтому быстрота полета была оглушительнее вчерашней, когда мы делали перелет на очень большой высоте. Огромные крылья свистели в воздухе странную свирелью. Мы перелетели через волнистую гряду холмов и стали пересекать живописную долину спокойной реки, покрытую купами веселых кустарников. Тим и Роккер заставили своих страусов подняться на большую высоту. И золотой страус Иветты Ренье, и мой синий взмыли вверх вслед за своими товарищами.

Огромная панорама открылась нашему взору. Девственная страна, наименованная профессором Мальви «долиною страусов Рук», открывалась внизу во всей своей нетронутой красоте.

Страус Роккера, возносясь крутой спиралью, поднялся выше всех, — и вдруг замер на одном месте, горизонтально распластав в знойном сапфире воздуха черные паруса огромных крыльев, вибрация которых была совершенно неуловима взглядом. Роккер быстро поднялся на ноги и, стоя во весь рост на широкой спине страуса, как на черной резной

яхте в океане светоносного воздуха, поднес к глазам бинокль, пристально обозревая лучистые дали.

— Страусы «Рук» на юге, у подошвы скалы на берегу озера! — крикнул он.

И направил полет своего черного великана к южному берегу озера, разостлавшего под солнцем ровную водную скатерть густого отлива цвета индиго. Озеро круглым замкнутым бассейном покоилось, как многие озера Мадагаскара, в кратере давно потухшего вулкана.

Пристально всматриваясь в указанном направлении, я увидел больше десяти огромных птиц — легендарных страусов «Рук», современных представителей древних эпиорнисов, которые считались вымершими единственно потому, что раньше экспедиции профессора Мальви ни одна человеческая нога не ступала на девственную почву этой прекрасной долины, опоясанной непроходимыми лесными дебрями и каменным головоломным хаосом скал.

Купаясь в прибрежном песке, как куры в дорожной пыли, дикие великаны отрывисто взмахивали обрубками своих крыльев. Эти конечности вовсе не походили на мощные, огромные, как паруса, крылья наших прирученных страусов «Рук», со дня выхода из яйца употреблявших для роста перьев «пищу страусов Рук», изобретенную профессором Мальви.

Дикие гиганты, заметив наше приближение, сначала разбежались в стороны. Двое из этих простодушных великанов с трогательной наивностью зарыли голову в песок, думая спрятаться от своих великолепно оперенных братьев, внешний вид которых исключал возможность мысли о кровном с ними родстве.

IX.

Наши страусы спустились на берег озера и бережно сложили свои крылья, легшие эластично вдоль боков и длинного хвоста, пушистого от массы перьев, которые ко-

лыхались струистыми каскадами мягких султанов. Мы восседали на могучих спинах, на высоте десяти футов над землей, и покачивались в ритм широких саженных шагов наших гигантов.

Тим и Роккер достали из брезентовых котомок куски серой страусовой пищи и поделились ими со мною и Иветтой Ренье.

— Не вздумайте, дорогая мисс, отведать этой пищи! — сказал Тим. — А то вы через полчаса обрастете бородой библейского патриарха...

Золотой страус подошел к белому дикому брату и протянул ему в клюве комок пищи, полученный от Иветты Ренье. Дикий «Рук» недоверчиво уклонился в сторону, но золотой страус так настойчиво предлагал ему ароматный корм, что дикарь сдался. Он проглотил вкусный комок и с блеском в глазах явно просил дать ему второй кусок. Иветта Ренье протянула ему пищу на ладони, и эпиорнис порывисто схватил пищу и съел.

Тим передал мне котомку с кормом. Я раздавал куски направо и налево. Золотой страус шел впереди, мой синий следовал за ним, дикие великаны не отставали от нас, и мы незаметно поднялись на вершину пологого холма, вытканного прихотливыми узорами огромных сияющих цветов, которые сочили в воздух радужный яд сладких и тяжелых своих благоуханий.

Два револьверных выстрела заставили меня оглянуться. У подножья прибрежной скалы Тим и Роккер быстро, но бережно перекладывали гигантские страусовые яйца из гнезд в широкие корзины, укрепленные на спинах своих черных страусов, послушно лежащих на песке. Две огромные дикие самки корчились на земле возле гнезд в предсмертных судорогах.

Дикие страусы заметили гибель самок и похищение яиц и со страшным шумом бросились бежать к берегу озера, трепеща обрубками крыльев, чтобы ускорить быстроту бега. Но Тим и Роккер вскочили на своих воздушных коней и взмыли на воздух, рея над берегом в чистом, безмятежном сиянии солнечных лучей. Несчастные птицы внизу жалко

подпрыгивали в тщетных попытках подняться на воздух. Один дикий «Рук» взбежал на скалу и с разбега бросился с обрыва в воздух, но обрубки крыльев не понесли его по воздуху, и он упал вниз на острые обломки камня, разбив грудь, из которой брызнула горячая кровь.

Х.

Мы вернулись домой с охоты за страусовыми яйцами. Двор продолжал опалиться тяжелым гнетом неистового мадагаскарского солнца.

Но страусовое население не встретило нас, как сделало это вчера. Птицы лежали на дворе вразброску в полудремоте на горячем песке.

Тим и Роккер сняли корзины со спин черных страусов и поставили их перед порогом дома.

— Черт возьми! Жарко! — сказал Тим, вытирая пот со лба грязным платком и, одновременно, выпивая через горлышко остатки рома из заветной бутылки. — Не сыграть ли нам на яйца, дружище Роккер?

— Сыграем! — согласился Роккер, присаживаясь на гранитный порог и незамедлительно раздобывая потрепанную колоду из глубокой шахты засаленного кармана.

— Каждое яйцо — все равно, что страус! — говорил он, сдавая карты и глубокомысленно извивая левую бровь. — Страусенок на пище профессора Мальви вырастет с крыльями, что твои паруса на «Летучем голландце»... Клянусь страусами! За этих милых пичужек зоологические сады Лондона, Парижа, Берлина отольют мне славную монету! Я — человек деловой. У меня, как у Рокфеллера, чеков полны карманы, но выручка за страусов не помешает. Я — человек хозяйственный... Слушай, Тим! если ты, бандит, еще раз сплутуешь, — бровь у Роккера задергалась угрожающе, — то, клянусь страусами, раньше срока устрою тебе в небесных палестинах приятную встречу с твоей покойной бабушкой...

Я заметил вороватый взгляд Тима. Несомненно, он плутовал.

— Я — человек со смекалкой! — ораторствовал Роккер и подкрутил рыжие усы. — Усы я отрастил, проглотив четыре порции «пищи страусов Рук»... Досточтимый сэръ, милая мисс, видите вы мою художественную рыжую шевелюру! Клянусь страусами, голова у меня поросла непролазными чашами... Тим! Час твой пробил!

Роккер выхватил из корзины громадное яйцо величиной с полведра и с треском обрушил его на голову Тима.

— Вот тебе за козырного туза, которого ты, плут...

Тим с визгом вскочил на ноги, но страшный удар другим яйцом в темя заставил его упасть на четвереньки. Ослепленный семью литрами липкой жидкости, он со звериным криком бросился под ноги Роккеру, и бандиты опрокинулись в корзину, барахтаясь среди лопающихся яиц, представляя собою живую яичницу.

Мгновение показалось мне подходящим для нападения. Если бы у меня была в руках веревка... Я оглянулся вокруг, глаза у меня жадно остановились на мешке, связанном крепким кожаным ремнем. Но в этот миг пуля провизжала у меня над правым ухом и Роккер, подняв над бортом корзины рыжую всклокоченную голову в скорлупе, в смеси желтка с белком, хрипло прокричал, выткнув вперед руку с огромным револьвером в волосатом кулаке:

— Эй, милорд! У Роккера — глаза на затылке! Внимание! Один миллиметр над вашим левым ухом!

И он пустил пулю, тонко взвизгнувшую над левым ухом.

— Если я тебя не уложил, как дикого страуса, — резонерствовал Роккер, — то лишь потому, что еще не выдоил все золотое молоко из твоих сейфов!

Бандиты выкарабкались из корзины, мокрые от раздавленных яиц и, к моему немалому изумлению, протянули друг другу скользкие руки.

— Дружище Тим!

— Дружище Роккер!

— Ты не виноват, Тим!

— И ты, старина Роккер!

— Будь проклят ученый старикашка, — кричал Роккер, отдирая со своей любимой брови быстро сохнувший яичный желток. — Я — капитал без движения! Я связан по рукам и ногам! Мне нет ходу! Старик держит при себе свой секрет! О, я бы давно превратил его мозг в яичницу, как вот эта в корзине, если бы он не был мне нужен! Как, лишившись его, я смогу выращивать крылатых страусят без его пищи?!

Роккер и Тим долго мылись у ручья возле изгороди, чистили свое платье и ругали профессора Мальви.

Бандиты привели себя в относительный порядок и деловито зашагали к дому.

— Побудьте здесь, пока мы не позовем вас к профессору для весьма важной деловой беседы, — сказал значительно Роккер и выловил из своей рыжей шевелюры последний кусок скорлупы. Бандиты скрылись за дверью.

XI.

Два черных страуса, на которых Тим и Роккер привезли яйца диких эпиорнисов, подбирали с земли остатки серой пищи. Золотой «Рук» Иветты Ренье и мой синий подошли к черным страусам, но их клювы, шарящие по земле, подобрали только несколько крошек.

— Бедняги, — сказала Иветта Ренье, — они сегодня голодные...

Вдруг она побледнела. Белый страус, на котором она сейчас лежала, отдыхая, как на мягком диване, уронил голову на песок и глаза у него стали совсем тусклыми. Я подошел к нему и потрепал ладонью по шее. Шея была холодна. С дрожью в коленях, я нагнулся к голове, лежащей на песке. Страус был мертв.

— Посмотрите! — вскрикнула Иветта Ренье с испугом и указала на двух черных страусов.

Глаза у них блуждали. Шатаясь, великаны тихо брели к нам и рухнули на землю. У самых ног Иветты Ренье лежали огромные бессильные птицы в жалких, трепетных содроганьях еще недавно мощных мышц.

Иветта Ренье тихо сказала:

— Они сейчас поели остатков корма и...

Плечи у нее дрожали в ознобе, несмотря на гнетущий солнечный жар.

— А те, которые съели свою порцию раньше, — уже умерли, — сказал я.

— Мой золотой...

— ...И мой синий застали только крошки. Смотрите, они — бодрые, сильные...

Мы перебежали от одного страуса к другому. Все, за исключением золотого и синего, лежали огромными мертвыми массами на середине двора, под навесом, около изгороди, у входа в склад провианта и орудий.

XII.

Мы осторожно поднимались по лестнице. На верхней площадке правая дверь была открыта. Через нее явственно доносились слова профессора, перемежаемые тихим бряцанием сковывавших его цепей.

— ... Но хорошее жалование вас не удовлетворяло...

— Тим! Дружище! — захохотал Роккер. — Профессор решил уморить меня со смеху!

— И вы, — продолжал профессор, — убили всех членов экспедиции, за исключением одного меня. Знаю, что вы убьете и меня. Но мне не жалко себя. Мне жалко страусов. Вы отняли у меня лучшую идею моей жизни.

— Чудак! — взвизгнул в восторге Тим. — Идеи?! Толстый карман — вот смысл бытия!

Профессор будто не слышал Тима.

— Вместо дорогих аэропланов, я решил дать человечеству, — как бы общедоступные воздушные велосипеды, —

этих прекрасных птиц. Они неприхотливы на пищу. Они отличаются добрым нравом. Они понятливы, послушны. Их способность привязываться к человеку трогает до слез. Ими может управлять четырехлетняя девочка, взвиваясь в совершенной безопасности на высоту более километра. Их красота приводит в восторг. Я полюбил их всей душой, и вы отняли их у меня.

— Вы — человек идеи, профессор. А я — человек дела, — захохотал Роккер. — Тим, вышьем еще по стаканчику рома.

Слышно было, как профессор плакал. Жестко, коротко звякали железные звенья вздрагивающих цепей. Профессор проговорил тихим, срывающимся голосом, как бы про себя:

— Я поступил так, как нужно.

Лицо Иветты Ренье выражало страдание. В сильном волнении поднималась у нее грудь.

— Я летал на аэроплане два раза, — медленно заговорил профессор. — Аэроплан холоден, чужд, механичен. А мои страусы... На них летишь спокойнее, чем летаешь во сне. Чувствуешь под собой живое, могучее тело верного страуса «Рук», оно слушается твоих намеков, понимает твои слова. Дикий страус «Рук», прирученный человеком, заражается силой человеческой воли и из боязливой птицы превращается в неустрашимого воздушного зверя.

— Сердечно благодарю за лекцию, профессор, — начал Роккер, — но...

— И вот, вы мучаете, пытаете меня около года со злым вдохновением застеночных мастеров. И вы совершаете воздушные набеги во многие города... Мою идею помощи человечеству вы на моих глазах отвратительно затаптываете в грязь. Вы грабите магазины, убиваете людей.

— Профессор сменил университетскую лекцию на церковную проповедь, — сладко сказал Тим.

— Не пора ли к делу, профессор? — заявил Роккер.

— К делу? — переспросил профессор, звякнув цепями. — Прекрасно. Переходите к делу.

— Сейчас, сейчас, — сказал Роккер решительно и хотел подняться, но не мог.

По лицу профессора пробежала странная улыбка.

— Проклятый ром! Тим, слушай. Не давай мне больше рому. Он здорово крепок. На чем, бишь, я остановился? Да. Сию минуту ты скажешь нам, проклятый старик, рецепт изготовления «пищи страусов Рук», или я...

— Или вы... — подхватил профессор с неожиданной живостью.

— Клянусь страусами! — прокричал Роккер. — Сегодня в последний раз я имею с тобой дело!

— В последний раз, — тихо сказал профессор.

Роккер обрушил на доску стола страшный удар железного кулака.

— Ученая крыса! — Если не откроешь рецепта, то я сейчас схвачу твою дочь и...

— Остановитесь! — вскричал профессор резким и властным голосом. — Негодяи! Вы погибли!

Глаза профессора остро блестели от боли и торжества.

— Старик спятил с ума! — завизжал Тим, пытаясь сорваться с места, но оставаясь как бы прикованным к скамейке. Роккер выхватил огромный револьвер и, взъерошив левой рукой рыжую гриву, злобно спросил:

— Я побежден?

— Вы забыли на сегодня задвинуть решетку окна, — бросил профессор простые слова.

— Ну? — растерялся Роккер.

— Вы упились вчера вашим ворованным ромом, и он отнял у вас память...

Роккер растерянно озирался. Глаза его горели злобно и испуганно. Он положил револьвер на стол. Враг не открывал своих карт, и поэтому и был грозен вдвойне. Профессор сказал:

— Я кормил страусов через окно.

— Говори, что это значит? — прорычал Роккер, свирепея от неизвестности.

— Вы всегда заставляли меня пробовать самому «пищу страусов Рук», чтобы я их не отравил. И вы меня стращали, что, если я отравлю страусов и отравлюсь сам, то вы владеете моею дочерью...

Профессор устало провел бледной, худой рукой по белым космам своих волос.

— Сегодня подошел срок приготовить новый мешок «пищи страусов Рук». И окно было открыто...

— И ты... — прошептал Роккер. Голос отказывался ему повиноваться, а Тим совершенно потерял дар слова. — И ты...

Глаза у него стали тусклыми. Он вдруг закричал хрипло и страшно.

— Ты не мог накормить страусов отравой! Ведь тогда бы ты и сам умер! Ведь ты... ты ел эту пищу. Ты пробовал ее десять минут назад у меня на глазах!

— И я, — сказал профессор, — перед вашим возвращением из долины страусов «Рук» бросал вот отсюда эту пищу страусам в окно. И они ее ели.

— Тим... — прошептал Роккер. — Старый дружище... Никакой дьявол не мог бы так рассчитать.

И он бросил Тиму тупой взгляд больного в диком бреду. Рыжие джунгли его волос понуро повисли по сторонам бледного лба.

— Не верю! Ложь! — взорвался он криком, взматывая головой, как бык под последним смертельным ударом то-реадора. — Ты заплатишься своей жизнью! И, прежде, чем ты умрешь, проклятый старик, под моими пытками, ты увидишь, как твоя дочь...

— Моя дочь, — вспыхнул голос профессора, — в безопасности. — Вы привезли сюда мою племянницу...

— Ну? Лги до конца, лги, пока я...

— Во-вторых, умру не только я, но и...

Лица Тима и Роккера превратились в одни глаза, в которых горело безумие.

— В этих бутербродах, которые вы ели...

Профессор не договорил. В тишине негромко звякали цепи. Иветта Ренье бросилась к профессору Мальви.

— Дядя! — крикнула она. — Скажите, вы говорили неправду?

— Нет, дорогая, это — правда. Жанна и ты — свободны. Я разрубил узел. Так было нужно. Прощай, смелая. Не мо-

гу тебя обнять на прощанье. У меня уже не только отнялись ноги, но и руки...

Яд, несущий неотвратимую смерть, медленно, постепенно парализовал деятельность конечностей своих жертв, с беспощадностью оставляя только одну голову совершенно свежей до последнего момента.

— Пять пуль... — хрипел Роккер, злобно дергаясь плечами. — Пять пуль... самых больших... из огромного револьвера... Если бы я мог двинуть рукой... черт... руки... ноги... немы... Пять пуль... по килограмму... разворотить скулы старого дьявола...

Он со стоном склонился к столу, пытаясь ртом ухватиться за револьвер, спустить курок зубами. Зубы ляскали о металл, револьвер закружился под рыжим помелом бороды и упал на пол.

Лицо Тима превратилось в белую маску. Роккер рухнул на стол красною головою. Профессор Мальви остался недвижим в своих цепях, которые больше не бряцали.

ХIII.

Золотой и синий страусы резали воздушный простор могучими взмахами огромных крыльев. Голубая цепь гор осталась далеко позади. Страусы стали постепенно снижаться. Их огромная энергия подтачивалась какою-то внутреннею предательской силой.

Ивета Ренье крикнула мне с золотого страуса:

— Мой бедный воздушный конь изнемогает! Ведь он тоже попробовал яду!

Мой синий «Рук» стал падать. Он выравнивал огромные веера крыльев последними трепетными усилиями. Он умирал. Он, дрожа, посмотрел мне в глаза последним прощальным взглядом с блеском такой выразительности, что сердце у меня застонало, как будто остро, мучительно заклокотав кровью.

Страусы опустились на землю, и лежали на топкой почве, дрожа в тихой, почти незаметной агонии. Пронеслось широко свежее дыхание влажного ветра. Болотистая земля сочила темную воду, готовясь засосать трупы огромных птиц в свое глубокое лоно.

Иветта Ренье, не смахивая круглого хрустала слезы, покотившегося медленно по щеке, вырвала два пышных золотых, струисто-развевающихся пера из крыла своего золотого страуса — на память о сияющей мадагаскарской долине страусов «Рук».

И золотой гигант «Рук» последним трепетно-нежным взглядом огромных погасающих глаз простил ей свою последнюю боль и поник слабеющей головой в холодную медленную могилу болота.

М. Первухин

ЗЕЛЕНАЯ СМЕРТЬ

Не говорите мне о Соломоновых островах! Вы лучше меня спросите, спросите меня, капитана Джонатана Смита, что такое Соломоновы острова?

Я вам скажу!

Вы, мальчишки!

Слышали ли вы, например, что такое «Зеленая смерть»?

Нет?

Ну, так и не раскрывайте рта, когда в вашей компании находится человек, который не только слышал, что такое «Зеленая смерть», но...

Но сам ее видел, своими собственными глазами!

Вы спрашиваете, кто это?

Я вам отвечу:

— Капитан с «Сузи Блиг», Джонатан Смит. То есть я.

Бравый моряк, председательствовавший на маленькой товарищеской пирушке в скромной таверне на окраине Апии, столицы Самоа, поставил на стол опустевшую кружку и крикнул хозяину кабачка, высокому курчавому негру Иезекиилю:

— Эй, африканский принц!

— Что, масса? — откликнулся молчаливый негр.

— Элю! Да покрепче, получше сортом!

Когда я рассказываю о «Зеленой смерти», у меня всегда глотка пересыхает, и ее необходимо аккуратно смачивать. А то доктора меня предупреждали, что от излишней сухости горла может черт знает что случиться. Не понял я хорошо, что именно: не то суставной ревматизм, не то воспаление слепой или глухой кишки. А при моем слабом здоровье это для меня похуже смерти! Только не «Зеленой Смерти», конечно! Так давай же, черный патриарх, кружку элю!

Общий хохот встретил заявление Смита, казавшегося выкованным из стали, о «слабости» его здоровья.

Смит славился своею исключительною любовью к элю. Он мог безнаказанно поглощать невероятное количество этого напитка, не подвергаясь ни малейшим неприятным последствиям, но считал необходимым при требовании каждой новой кружки подробно мотивировать, почему именно он хо чет выпить эту кружку.

То он прозяб, и ему надо согреться, а для этого самое лучшее средство именно эль.

То слишком жарко, можно задохнуться, и потому надо выпить кружечку элю, чтобы освежиться.

Если идет дождь, то воздух слишком сыр, и это вредно для слабого здоровья капитана Смита. Единственное спасение хлебнуть элю.

То ветер носит по улицам клубы пыли, а известно, как вредно действует пыль, оседая в горле, и нет ничего лучше эля для того, чтобы прополоскать горло.

Пил свой любимый напиток капитан Смит и от насморка, и от несварения желудка, и от головной боли, и от...

Да решительно от всяких недугов, будто бы его одолевавших или, по крайней мере, ему грозивших со всех сторон.

В изобретении причин, побуждающих прибегнуть к элю, он был положительно неутомим, и ничто не могло заставить его врасплох, ничто не могло заставить его лазить за подходящим словечком в карман.

Эту слабость капитана Смита отлично знали все его приятели, и между ними установился своеобразный спорт:

молодцы старались заранее отгадать, какие именно причины придумает Смит для того, чтобы выпить пару лишних кружек эля.

Впрочем, словечко «лишний эль» по существу мало соответствовало истине: капитан мог поглощать и поглощал совершенно безнаказанно положительно невероятное количество любимого напитка, оставаясь, как говорится, «ни в одном глазе».

И, покидая какой-нибудь «Приют моряка» после изрядной попойки, оставляя огромное большинство товарищей уже в том состоянии, когда человек, по характерной поговорке, лыка не вяжет, сам Смит мог идти хотя бы по одной доске, ничуть не уклоняясь от прямой линии, не шатаясь. Он только жаловался в таких случаях, что будто бы откуда-то черт туману наносит.

Но сейчас же добавлял:

— Эх, жалость такая! Надо было бы мне, очевидно, еще кружечку хлопнуть! Эль ведь чудесно зрение очищает! Какой-нибудь туман, а хлопнешь кружечку, и сразу все ясно делается!

К чести капитана Смита надо сказать, что, во-первых, он отдавал дань Бахусу или, проще сказать, элю только на берегу, то есть когда на нем не лежала уже ответственность за судьбу «Сузи Блинг», его маленького, но бойкого и делавшего отличные дела пароходика.

На море Смит становился форменным трезвенником и без труда мог бы выставить свою кандидатуру в почетные президенты любого общества борьбы со спиртными напитками.

А, во-вторых, он никогда никого не «подколдыкивал», как говорят матросы, то есть не соблазнял пить, а даже поговаривал в дружеской компании, обращаясь к молодежи:

— Ты, парень, на меня не смотри. С меня примера не бери, говорю я! Потому, я для примера не гожусь, ой, совсем-таки не гожусь!

Видишь, со мною нянька моя сыграла когда-то скверную, и даже очень поганую шутку.

Вскармливали меня на рожке. В рожок надо было один раз налить того, что туда наливать полагается, то есть теплого молочка. А эта глупая баба, не то по ошибке, не то с пьяных глаз, да налила полный рожок элю!

Ну, с того и пошло...

А тебя, надеюсь, твоя мамаша элем не напаивала, когда ты еще «папа, мама» выговорить не мог? Ну, так и нечего тебе привыкать напиваться по-свински! Выпил немножко, и будет. Плати и уходи. А если хочешь в компании сидеть, то сиди и так, без выпивки.

От выпивки на душе много лучше не сделается, а для матросского кармана обидно.

А уж если у тебя много лишних долларов завелось, так ты, милый друг, лучше вспомни, что у тебя, поди, старухамать есть?

— Нету! Сирота я!

— Ну? Скверно, брат! Но если матери нету, то жена есть?

— Холост еще!

— Еще того хуже! Но если и жены нету, так уж наверное есть какая-нибудь девушка с ясными глазками, которую ты когда-нибудь на буксир возьмешь и в церковь поведешь, чтобы вас там окрутили, рабов Божиих...

— Оно, положим, есть-таки такая... — конфузливо сознавался, улыбаясь и краснея, матрос.

— Ну, вот видишь? А раз есть о ком подумать, так ты, дружище, лучше денег не проживай. Пивоваренные заводы и всякие фабрики ликеров или подвалы производителей рому и без твоих долларов не обанкротятся.

А ты сбереги пару-другую долларов, отложи да купи своей невесте какую-нибудь шаль. Нацепит она твой подарочек на плечики, красоваться будет, тебя добрым словом вспомянет.

Так-то!

А я, с твоего позволения, утомился, тебя, болвана, уговаривая! Надо подсушиться!

Эй, хозяин! Тащи-ка еще кружечку! Одну, одну! Я не пьяница, чтобы сразу по две кружки требовать!

В тот вечер, когда капитан Джонатан Смит заговорил о Соломоновых островах и о «Зеленой смерти», в матросском клубе» или попросту в кабачке «Адмирал Нельсон» в Апии за большим грубой работы столом заседало не меньше десятка моряков разных национальностей — все старые приятели Джонатана, с большим вниманием выслушивавшие обыкновенно все его рассказы о виденном и пережитом за многие годы скитаний по морскому простору.

Заявление о «Зеленой смерти» произвело большое впечатление.

— «Зеленая смерть»? — проворчал, вынимая трубку изо рта, капитан Валингфорд. — Что-то такое слышал! Да. Что-то подобное говорили мне? Кто? Не припомню!

Но...

Но при чем же тут Соломоновы острова? Сколько я помню, «Зеленая смерть» это в Саргассах!

— Попал пальцем в небо! — насмешливо отозвался Смит.

— Нет, право же! Ну, тут много болтовни всякой. Говорят, будто иное судно попадет в Саргассы, и уже не может выбраться оттуда. Морские растения оплетают корпус судна, покрывают его, как зеленым саваном. Это, будто бы, и есть «Зеленая смерть».

— Слышал звон, да не знаешь, где он! — опять отозвался Смит. — Саргассы это само по себе, и то, что там бывает с судами, по-моему, вовсе не сказка, а чистейшая правда. Но к моим приключениям это вовсе не относится, хотя я побывал не раз около Саргассов и не раз подвергался серьезной опасности.

Но об этом расскажу когда-нибудь, при подходящем случае.

А «Зеленая смерть» Соломоновых островов сама по себе. И ничего общего с Саргассами не имеет. Потому что настоящая «Зеленая смерть» — это совсем, я вам доложу, особая штука...

— Да ты бы лучше рассказал, Джонатан!

— Ладно! Отчего не рассказать? Только... Только покуда Иезекииль, проклятая африканская гиена, не притащит мне кружки элю, я слова не вымолвлю: язык, должно быть, распух. Надо промочить горло!

— Гэй, Иезекииль! — послышались голоса заинтересовавшихся рассказом Смита моряков. — Неси эль поскорее!

— Да несу, несу! — отозвался негр, ставя перед Смитом на стол солидную кружку с пенистым элем.

— Ну-с, слушайте! — начал капитан Смит свое повествование, промочив глотку добрым глотком. — Слушайте да мотайте на ус. А поверите ли вы мне или нет, мне на это в высокой степени начхать. Я говорю то, что говорю, и ни слова больше!

— Правильно!

— Не перебивать, мальчишки!

Итак, попал я тогда на Безымянный остров, один из северных островков, принадлежащих к группе Соломоновых.

Отправился я туда совсем по особому случаю: купил я у капитана Гинца «Джессику».

— Которая потом потонула? — переспросил кто-то из слушателей.

— Не *потом*, — ответил Смит, — а *до этого*. Именно потому я ее и купил, что она потонула.

Шла она сюда, в Апию, с мелким грузом, главным образом, с перламутровыми раковинами. Ну, попала в ураган к берегам Безымянного острова, налетела на какой-то риф, получила пробоину и сделалась подводным судном. Из всей

команды «Джессики» спасся тогда только сам капитан Гинц да пара его матросов, и тех чуть не съели туземцы. Благо еще, вмешались какие-то миссионеры. Принялись эти миссионеры спорить с туземцами на весьма, знаете ли, по моему мнению, щекотливую тему. Уверяют они дикарей, будто бы от человеческого мяса у того, кто его ест, разные болезни заводятся. Волосы выпадают, ноги пухнут, проказа привязывается. Словом, кто человечину ест, тот, будто бы, сам пропащий человек.

А туземцы твердят:

— Кто рыбу ест, часто отравляется ее мясом. Кто свинину ест, тот часто в страшных мучениях помирает..

Тогда миссионеры пустили в ход другой аргумент:

— Да человеческое мясо, дескать, совсем не вкусно!

Ну, а дикари в ответ:

— А вы пробовали? Нет, вы сначала, почтенные отцы, попробуйте, а потом и разглагольствуйте...

Словом, спор затянулся. И чем взяли миссионеры, так чисто практическим доводом:

— Во-первых, спасенные моряки так худы, что на убой не годятся.

— Подкормим, тогда съедим!

— А, во-вторых, если вы их отпустите, то мы вам финтифлюшек подарим на целых десять долларов!

Так и пошли капитан Гинц и его матросы, всего три штуки, за десять долларов и никелевую табакерку, которую пожертвовал один из миссионеров.

Не удивляйтесь, что за Гинца так недорого дали: дикари Соломоновых островов, по крайней мере, в те дни, совсем младенцами были в практических делах, и сколько-нибудь хитрому человеку совсем легко надуть их. Можно было бы выкупить всю тройку по доллару за голову. Но миссионеры-то были новичками, практики не имели и потому оценили Гинца совсем не по заслугам: пять долларов и разломанная табакерка, которую какой-то туземец сейчас же себе в носовую перегородку засунул соплеменникам на утешение, врагам на устрашение, потомству же своему на радость.

А оба матроса пошли за пять долларов. По два с полтиною от башки.

Общий хохот встретил этот рассказ об оценке Гинца.

Когда хохот несколько смолк, Смит продолжал:

— Ну, когда Гинц появился здесь, в Апии, да разнеслись слухи о постигшей его «Джессуку» участи, я сообразил, что при случае на этом можно заработать что-нибудь большее того, что заработали от миссионеров туземцы.

«Джессуку»-то я знал отлично: суденышко, надо по совести сказать, никудышное. Ему давно бы надо было и честь знать, и самому добровольно на дно пойти, а не дожидаться удобного случая и помощи урагана.

Но, с другой стороны, груз. То есть эти самые раковины. А надо вам заметить, что в те дни, не знаю уж я и сам, почему именно, но спрос на раковины держался крепко. Мода, должно быть, на перламутр была, что ли.

И был у меня готовый покупатель на любую партию перламутра. Хоть две-три сотни тонн привези, все заберет и слова не скажет.

Слово за слово с Гинцем:

— Продай мне «Джессуку» со всем грузом! Все равно ведь вытаскивать пароход не будешь: застрахован он был и то выше клотиков, и ты получишь страховую сумму полностью. А за грузом ведь в воду немедленно не полезешь: судно зафрахтовывать придется, людей набирать. Мне же с руки: буду идти мимо, загляну и на Безымянный остров, к твоим приятелям...

— Каким это? — насторожился Гинц.

— А к людоедам Соломоновых островов. Спрошу их, очень ли они жалеют, что вместо тебя пришлось простую свинью сесть...

Ну, выругался Гинц. Очень не любил он вспоминать о том, как дикари его чесноком нафаршировать хотели и на вертеле зажарить собирались.

Но Гинц вспылчив да отходчив, и мы с ним поладили: я за сто фунтов стерлингов официально вступил в обладание всем грузом потонувшей у Безымянного острова «Джессуки».

Но одно дело официально, а совсем другое на деле: ведь груз-то лежал не в каком-нибудь каменном амбаре, даже не под навесом на бережку, а на морском дне, в трюмах затонувшего судна. Да еще где затонувшего?

У каменистых и малоисследованных берегов островка Соломонова архипелага!

Положим, по описанию капитана Гинца я мог бы довольно легко отыскать ту бухту, где разбилась и затонула злополучная «Джессика». Но ни на кого опираться при работах по поднятию груза я уже не мог: покуда Гинц со спасенными матросами добирались до цивилизованных мест, обитатели Соломоновых островов, видите ли, вздумали произвестить интересный опыт с миссионерами.

— Какой?

— А они вспомнили, как миссионеры их уверяли, будто от употребления в пищу человеческого мяса развивается проказа. Ну, у них там шла какая-то междоусобица. Два племени воевали. Вот побежденное племя и придумало такой фортель: изловили дикари двух миссионеров и отправили торжественно посольство к победителям:

— Посылаем вам в дар двух белых. Они достаточно откормлены. Скушайте их за наше здоровье, и не сердитесь больше на нас!

А у самих-то была затаенная мыслишка:

— А вдруг победители, покушав миссионеров, в самом деле, все проказой заболеют?

Не знаю, чем эта история закончилась. Но знаю, что миссионеров-то съели!

Словом, отправляясь к Безымянному острову, я даже не мог рассчитывать на то, что кто-нибудь возьмет на себя труд отговаривать людоедов предпочесть свиное или баранье мясо моему собственному.

Однако, перспектива вытащить и перепродать агенту несколько тонн раковин, купленных мною буквально за грош, была так соблазнительна, что вслед за получением от Гинца документов на право производства работ по поднятию со дна моря груза «Джессики» я развел пары и отплыл к Соломоновым островам. Мне удалось довольно легко и

скоро отыскать ту бухту, в водах которой затонула «Джессика».

Берег был еще усеян обломками погибшего судна: здесь и там валялись балки, доски, разбитые бочонки и ящики, словом, все то, что или было снесено с палубы «Джессики» волнами до крушения, или, наоборот, уже после крушения всплыло наружу и было прибито волнами к берегу.

На песчаной полоске берега у скал виднелись многочисленные следы людей: это были своего рода визитные карточки тех самых приятелей капитана Гинца, о которых он теперь, не знаю почему, собственно, не мог равнодушно слышать. То ли был недоволен, чужак, довольно низкой оценкой его личности, то ли сердился, что бедные дикари так упорно добивались до его шкуры.

Но в данный момент берег был абсолютно свободен.

В чем дело? Почему они сбежали? Тут могли иметься разнообразные предположения.

Дело в том, что на Соломоновых островах несколько раз подряд перед тем побывали американцы, которые ведь не очень справляются с существующими в мире законами и не стесняются пускать в ход пушки при всяком удобном случае.

Очень возможно, визиты моряков так напугали дикарей, что едва завидев приближающееся к островку «Сузи» самое мирное судно в мире, хотя, правда, и снабженное на всякий случай парочкой палубных орудий, дикари поторопились удрать в дебри и трющобы в центре острова, куда за ними пришлось бы посылать целую экспедицию.

Но я не был в особенно большой претензии на отсутствие хозяев: иногда они выказывают, как мы видели на примере Гинца, слишком горячие симпатии и чересчур усердное гостеприимство, доходящее до предложения гостям занять местечко на вертеле или в «священном котле»...

А я, знаете, человек грубый, китайские церемонии для меня нож вострый. Предпочитаю, чтобы меня оставили в покое и только бы не мешали мне делать мое дело.

Ну вот я и принялся сейчас же за работы.

Прежде всего, я поставил мою «Сузи» на якорь, чтобы она, — довольно-таки шаловливая персона, — не вздумала без моего ведома свести ближайшее знакомство с прибрежными камнями или не пожелала бы заглянуть на дно морское, чтобы там узнать, как поживает ее старая знакомая, «Джессика».

Ну, потом я отправил партию вооруженных матросов на берег устроить там маленький лагерь.

Но, впрочем, раньше я отправил штучек пять или шесть послов к туземцам, — тем самым, помните, которые отправили на убой миссионеров.

Моих «послов» людоеды съесть не могли бы, потому что это были особые чугунные послы и начинены они были не чесноком, а порохом.

Проще говоря, я повернул в сторону берега обе мои пушки и шарахнул по скалам и по близкому перелеску гранатами. Гранаты полопались там, на камнях, среди стволов деревьев, на шумев порядочно, во всяком случае, совершенно достаточно для того, чтобы у дикарей отпала охота скоро показываться на берег и заглядывать в дула моих пушек. А больше мне ничего и не требовалось.

Как только лагерь был готов, то есть окружен импровизированными окопами и снабжен парочкой деревянных бараков, я сейчас же принялся за настоящую работу, то есть за добывание всего, что могло пригодиться мне из добра, затонувшего вместе с «Джессикой».

Тут, понятно, прежде всего понадобились водолазные работы.

Я свято сдержал слово, данное мною на прощанье капитану Гинцу, и, лично спустившись на дно, осмотрел подробно корпус «Джессики», чтобы выяснить, можно ли поднять судно и стоит ли, вообще говоря, возиться с этим.

Осмотр дал малоутешительные для Гинца или, правильнее, для Ллойда результаты: судно было обращено в растоптанную галошу. Весь корпус расколотен. Киль на огромном протяжении измят, руль выворочен, палуба обратилась в нечто невероятное: словно внутри судна в момент

гибели произошел взрыв, изломавший доски палубы и полуразрушивший трубу.

Да и в корпусе судна имелось столько пробоин, что если бы кто вздумал чинить его, то пришлось бы латку насаживать на латку.

Может быть, годились бы на что-нибудь машины, если бы...

Если бы я от самого Гинца не знал, что цилиндры-то еще до крушения выскочили из гнезд и что весь механизм, говоря попросту, обратился в подобие яичницы всмятку...

Словом, поглядев на «Джессика», я должен был сказать ей:

— Покойся, милый друг, до радостного утра!

Много судов ведь лежит на дне морском. Есть такие места, которые у нас, моряков, носят характерное название «морских кладбищ», потому что там погибшие суда буквально завалили морское дно. И смею вас уверить, среди этих «морских покойников» можно найти немало таких пароходов, которые находятся в неизмеримо лучшем состоянии, чем «Джессика». А никому и в голову не придет мысль о том, чтобы возиться с ними, вытаскивать, чинить и снова пускать в ход.

В наши дни ведь судостроение сделало такие большие успехи, что вам выстроят пароход любой величины чуть ли не скорее, чем сапожник добрых старых времен шил на заказ рантовые сапоги. И такой новый пароход сплошь и рядом обходится дешевле, чем обошлись бы работы по вытаскиванию со дна моря какого-нибудь затонувшего «Альбатроса» или разбившейся «Джессики», особенно если для этих работ надо посылать чуть ли не целую экспедицию в дальние края.

Впрочем, я знаю случай, когда один владелец парового судна аккуратно выуживал его из воды пять раз.

Судно это было, надо признаться, прекапризное.

Должно быть, инженер, который создал его чертежи, все время думал о сооружении именно подводной лодки...

Но это история долгая, я о ней лучше расскажу в другой раз, а теперь вернусь к изложению моих собственных приключений.

Ну-с, осмотрев «Джессику» и убедившись, что извлечение перламутровых раковин не представит особых затруднений, ибо бока судна разворочены и даже часть раковин высыпалась из трюмов на дно моря, я дал обычный сигнал матросам, подждавшим меня на лодке с аппаратом, при помощи которого они накачивали воздух в мой водолазный костюм.

— Подымай!

И меня подняли.

Едва с меня сняли медный шлем, обращавший меня в какое-то чудовище, как мой старый испытанный боцман Перазич, далматинец родом и лихой моряк, заявил мне:

— А у нас новости есть, капитан!

— Какие?

— Да я должен об этом вам подробно доложить!

— Выкладывай!

Вижу, Перазич как-то жметя. Явно не хочет говорить при матросах. Секрет какой-то...

Я знал старого далматинца за человека серьезного и никогда попросту не болтающего, и понял его.

— Впрочем, нет! — сказал я. — Пойдем-ка ко мне в каюту. Да вели коку захватить бутылочку винца и принести кусок ветчины. Прогулка по дну морскому, должно быть, очень полезна для тех, кто страдает отсутствием аппетита. Я проголодался. Покуда будем закусывать, ты, старая акула, расскажешь мне все твои новости.

Едва мы разместились за столом в моей каюте, как Перазич мне заявил:

- Приходил один туземец.
- Спрашивал, нет ли у нас на продажу парочки миссионеров? — за смеялся я.
- Нет, командир! Про миссионеров-то он говорил, это верно, но совсем в другом роде!
- Может, хочет нас снабдить ими? Покорно благодарю! Я другим товаром торгую!
- Да нет же, капитан! Ну, вы лучше слушайте!
- Слушаю и то! Повесил уши на гвоздь внимания!
- Этот дикарь болтает с грехом пополам по-немецки.
- Вот как? Лингвист, значить!
- Да. Говорит, научился именно у тех самых миссионеров, которых потом...
- Которых потом его сородичи съели, как мы с тобою эту принесенную коком ветчину? Дальше!
- Ну, дальше-то я не мог хорошо разобрать, в чем дело. По-немецки я давно разучился болтать. Мы, триестинцы, сами знаете, терпеть не можем тедесков! Ну, а дикарь-то, кстати, еле-еле лапти плетет по-немецки, я думаю, и природному немцу сговориться с ним было бы трудно.
- Но ты-то сговорился?
- Да кое-как. То есть я понял кое-что, но, разумеется, далеко не все, из того, что он мне сообщал.
- А что же он сообщал?
- А вы послушайте!
- Показал он на море, потом ткнул пальцем вниз, значит, указывает, что речь идет о морском дне.
- Может быть, да, может быть, нет! Но продолжай.
- Ну, потом машет рукою, твердит:
- Не надо. Не надо.
- Я его спрашиваю:
- А почему?
- А он отвечает:
- «Зеленая смерть»!
- Какая «Зеленая смерть»? В первый раз в жизни слышу!
- Ну, он начинает руками разводить. Показывает что-то совсем несуразное: как будто такое большое, что будет, по-

жалуй, побольше нашей «Сузи» от носа до кормы. Потом говорит:

— Ам-ам. Кушал. Рыба кушал. Акула кушал. Человека кушал.

— Ты бы спросил его, этого дикаря: а твоя «Зеленая смерть» миссионеров не кушал?

— Пойдите, капитан! А то я собьюсь. Ну, так вот... Значить, насчет того, что эта самая «Зеленая смерть» и рыбу кушала, и акулу кушала, и человека... Словом, всякую дрянь...

— Чудак же ты, братец! А еще боцман! Не знаю, какого именно цвета вообще-то матушка смерть, зеленая она, фиолетовая или красная с крапинками и разводами, а что она всех «кушает», так это, дружище, старая истина!

— Да пойдите, командир! Я так понял туземца, что он говорит не вообще о смерти, а о какой-то особенной смерти. Словом, о чем-то таком, что в самом деле в прямом смысле слова может всякого слопать!

— Глупости! Не так понял!

— Нет, так, капитан! Больше вам скажу! Понял я еще, что стреляли-то мы гранатами по лесу совсем напрасно!

— Это почему?

— А потому что дикарей сюда, на берег, не заманишь ни за какие коврижки! Удрали они!

— Куда?

— Да в горы, подальше от берега! А почему?

— Да, почему?

— А потому, что кого-то из их компании эта самая «Зеленая смерть», вышедшая из моря, тут же, на берегу, изловила и съела!

— Фу, какие ужасы! Держите меня, люди добрые, а то я в обморок упаду! Руки дрожат, ноги трясутся, сердце бьется, печень распухает! Эх, ты, а еще старая морская косточка!

— Да я, капитан...

— Молчи, молчи! Какой-то чернокожий наболтал тут с три короба, а ты и того... Всерьез принял рассказы этой соломонской обезьяны!

— Да он, капитан, у миссионеров в выгучке был!

Ну, тут я уже не выдержал, знаете. Расхохотался, как сумасшедший.

Совсем сконфузился мой боцман.

Ну, я его похлопал по плечу, чтобы бодрости придать человеку.

— Но ты, надеюсь, — говорю, — хоть так устроил, что когда этот правнук Соломона тут сказки рассказывал, матросы ничего не слышали?

— Нет, командир! Слышать-то они слышали, да...

— Да что же?

— Да ничего не поняли. Хохотали только! Потому, парень гримасничал уж очень...

— Хохотали? Ну и отлично! И тебе бы надо было делать то же самое, а не вешать нос на квинту! Во всяком случае, я не желал бы, чтобы матросы заслушивались всякой ерунды. Туземцы вообще неисправимые лгуны, прирожденные сочинители, а те, которые побывают у миссионеров, не лучше делаются, а вконец портятся и так изощряются в деле лганья, что с ними никакого сладу нету.

Помнишь Кифи?

А Кифи, ребята, был один самоанец. Надо заметить, преспособная бестия. Талант в своем роде.

Я уверен, если бы Кифи носил не темную самоанского изделия шкуру, а белую, да был бы пограмотнее, да пристроился бы он к какой-нибудь любящей «бум» делать нашей американской газете, этот Кифи сделал бы, думаю, блестящую карьеру!

Если бы, впрочем, не линчевали бы его подписчики.

Ну-с, так этот Кифи здесь же, в Апии, столько раз навел на население настоящую панику своими рассказами самого фантастического свойства, что прямо-таки прославился:

— Кифи, делатель страхов.

Должно быть, на Безымянном острове моему боцману и попался двоюродный брат, а то и единоутробный братец нашего Кифи, делателя страхов...

Перазич был заметно сконфужен, но все же пытался оправдаться.

— Да, видите ли, капитан! — твердил он. — Уж больно искренним показался мне этот парень! Уж так он просил нас...

— Просил подарить ему рубашку?

— Да нет!

— Бутылку рому?

— Да нет же, капитан!

— Перочинный ножик? Старый цилиндр? Шитый мишурой мундир итальянского тамбур-мажора?

— О, капитан! — взмолился боцман. — Вы мне слова вымолвить не даете!

— Я? Тебе? Слова вымолвить не даю? Опомнись, боцман! Да говори, сколько твоей душеньке угодно! О чем тебя просил этот лгун?

— То есть не то что просил, но умоляет!

— Тебя?

— Да нет же! Нас всех! Ну, вас, капитан! Потому что он меня за капитана принял, не в обиду вам будь сказано!

— Ну? Так о чем он меня умолял?

— Чтобы мы, значит, подбирали якоря и уходили без оглядки отсюда!

— Кто-нибудь из вас двух, Перазич, с ума сошел! Или ты, или этот соломонец!

— Не знаю, капитан!

— И я не знаю. Я знаю только одно: я заплатил Гинцу за груз «Джессики» сто фунтов стерлингов, как одну копеечку, да затратился на покупку скафандров, на наем в Апии четырех водолазов, на путешествие сюда. Как ты думаешь, деньги у меня бешеные или нет?

— Разумеется, не бешеные!

— Ну, то же! Швырять деньги я и смолоду не любил, а под старость и тем более. Гроша медного даром истратить не намерен!

И будь тут не одна «Зеленая смерть», а будь в компании с нею «Смерть голубая», «Смерть розовая», «Смерть цвета дыма Абукирского сражения», «Смерть полосатая», «Смерть крапинками», сто тысяч разноцветных смертей, мне на всю эту ассамблею в высокой степени начхать. Я

пришел сюда добыть со дна моря несколько тонн раковин, и я их добуду. Прочее же меня не касается, особенно пьяная болтовня какого-то изолгавшегося вконец дикаря.

А вот что.

Акулы здесь, надо полагать-таки, водятся в большем количестве, чем золотые рыбки в аквариуме какого-нибудь любителя, и водолазам надо держать ухо востро. Позаботься-ка ты, Перазич, о том, чтобы каждый водолаз, спускаясь на дно, непременно был как следует вооружен. Снабжай ты их малайскими «криссами». Великолепное оружие для борьбы с «морской гиеной»! Одним ударом «крисса» любой акуле можно распороть туловище от челюсти до хвоста, не только кишки выпустить, но и всю остальную трубку акульего тела. Впрочем, я ведь и сам буду с водолазами от времени до времени спускаться: свой глаз — алмаз.Пусти водолазов работать без присмотра, они там усядутся, калякать будут, трубочки покуривать...

Ну, тут Перазич не выдержал:

— Побойтесь Бога, командир! — сказал он. — Под водой-то калякать?

— А ты не видел ни разу неаполитанцев? Те, брат, рта не раскрывая, отлично объясняться умеют! Что хочешь другу другу сообщать!

— Это как же так?

— А руками! Получше действуют, чем иной матрос языком!

— Положим, что так. Но уж курить-то в воде водолазы не сумеют, командир?

— А ты к словам не привязывайся! Мало ли что сболтнешь?! Ну, курить не будут, так все равно, будут баклуши бить. А кто будет за это платить?

Эти господа и так с меня шкуру сняли: по два доллара в день, когда они не спускаются, плачу я им, да по пяти за день работы под водою. Вот ты и посчитай...

Мой верный боцман только покрутил головой.

Так этот разговор и закончился.

Утром следующего дня, убедившись, что все в порядке, я распорядился начинать работы.

Хотелось мне самому понаблюдать, как будут управляться мои водолазы, и вместе с первой парой спустился на дно и сам я.

Ну, поглядел я на то, как они начали ломками и зубилами выламывать бока у злополучной «Джессики», чтобы образовать широкое входное отверстие прямо со дна в трюм: так было бы легче пробираться туда, где лежали раковины. Палуба-то уж больно изуродована: исковерканные железные штанги, снасти, обломки досок палубы, какие-то переборки, все это громоздилось на палубе, образуя своего рода паутину.

Правда, расчистить всю эту рухлядь не мудрая штука. В крайнем случае подложил парочку динамитных патронов, и дело в шляпе.

Но зачем рвать судно динамитом, когда, повторяю, в трюм гораздо легче проникнуть сбоку? А в боку у «Джессики» было столько дыр, что казалось, будто кто-то из парохода хотел настоящее решето соорудить!

Поработали под моим наблюдением водолазы целый час.

Никто работе не мешал, и шла она отлично.

Воздушные насосы работали преисправно, недостатка в воздухе мы не испытывали. Давление пластов воды, правда, давало себя знать: хоть и лежала «Джессика» на сравнительно мелко месте, так, что если бы уцелели ее мачты, то, пожалуй, торчали бы они из воды, но все же, когда работаешь и на глубине всего десяти-двенадцати сажен, давление воды чувствительно. И будь я трижды, даже три с тремя четвертями раз проклят, если я когда-нибудь выберу для себя ремесло водолаза, хотя хороший водолаз умудряется зарабатывать лучше иного капитана!

После часовой работы мы все трое поднялись на палубу тут же стоявшей «Сузи», чтобы отдохнуть. А тем временем на дно отправилась вторая смена, то есть свежая пара уже заранее приготовившихся водолазов.

Я, признаться, несколько устал, и потому, только сняв с себя скафандр, выпил глоток грогу для подкрепления и

освежения, и лег в своей каюте вздремнуть часок, доверив надзор за судном боцману.

Не могу сказать, долго ли я продремал. Должно быть, не так уж долго: с полчаса, не больше.

Как вдруг неистовый стук в двери моей каюты разбудил меня.

— Отворите, капитан! — слышу я крик.

— Это ты, Перазич? Что нужно? Случилось что?

— Да с водолазами, капитан, неладно.

Я моментально выскочил на палубу, чтобы узнать, в чем дело. Вижу, оба водолаза из второй смены, тут же вытащили их, значит. Один лежит пластом, и матросы поливают его голову водой. А другой сидит на скамейке. Шлем с него снят: отвинтили матросы и поставили тут же, на скамье. А он, водолаз, сидит, лицо у него бледное, глаза круглые, нижняя челюсть отвисла. И все вздрагивает.

— Что случилось? — спрашиваю его я.

— М-м-м-м...

Только и заговорил он, когда я закатал ему порядочную порцию виски. Да и то сначала виски попросту изо рта вылилось, словно у него не рот был, а дырявое решето.

И только при второй порции сообразил парень, что не морскую воду ему льют в глотку, а прости, Господи, виски по полтора доллара бутылка!

Ну, оправился он, а тем временем и тот, первый водолаз, которого матросы водой поливали, словно он горел, а они пожар тушили, тоже очнулся. Накатали и его чем-то подкрепляющим и освежающим.

Разогнал я матросов, чтобы не толклись около водолазов. Спрашиваю:

— Ну? Что случилось? Акулы, что ли? Или наткнулись на трупы внутри судна?

Надо вам заметить, подлая это штука, трупы утопленников. Сам я знаю одного водолаза, который как-то вошел в каюту затонувшего судна, где было штук двадцать утопленников.

Так когда водолаза вытащили, у него из черных волосы в белые превратились, и сам он сразу лет на двадцать постарел. Такую красивую, знаете, картинку увидел в каюте, полной мертвецов.

— Нет, какой?! — отвечает мне один из водолазов. — Ни акул, ни трупов я не видел!

— Тогда чего перетрусил? Или, может, не перетрусил вовсе, а просто-напросто воздушный насос стал плохо действовать, воздуху не хватало? Говорите же!

Переглядываются мои водолазы смущенно. Словно спрашивают друг друга, что говорить.

Дал я им еще по глотку виски, чтобы развязать языки, понукаю:

— Выкладывайте, что случилось? Уж не на спрута ли наткнулись?

Всякий знает, что любой водолаз боится спрута или осьминога больше, чем любой, даже самой гигантской, акулы.

Попробуйте уверять людей, что гигантские спруты существуют только в фантазии писателей да в рассказах ушедших от моря на берег, в чистую отставку моряков, любящих поморочить голову ближним!

Я не отрицаю, упаси меня Бог, что существуют спруты, или кальмары, или осьминоги, назовите, как хотите, весьма солидных размеров. Но...

Существуют лотереи, в которых имеется выигрыш в миллион? Существуют!

Выигрывает кто-нибудь и первый приз?

Выигрывает!

Но бывает ли это часто, джентльмены?

На три миллиона билетов один с первым призом! Таковы, приблизительно, и шансы наткнуться на спрута больших размеров, на спрута, опасного для человека.

На мой вопрос, не наткнулись ли водолазы на такое чудовище, я получил тот же отрицательный ответ. Или, правильнее сказать, какое-то отрицательное мычание да постукивание зубами.

— Так в чем же дело, наконец? Чего вы, дьяволы, тревогу подняли? Почему дали сигнал, чтобы вас вытаскивали наружу? И почему вы перетрусили, как... Как щенки?

Добиться ответа удалось далеко не так легко и скоро. И самый ответ отличался крайней неопределенностью.

Оба водолаза, работая, увидели что-то.

Это было ясно установлено.

Но что именно они увидели, это, хоть убей, не выяснялось!

По словам одного, ему показалось, словно из недр моря в нескольких десятках сажен от остова затонувшей «Джессики» начала вырастать странной формы гора.

Этого было достаточно, чтобы у него мозги перевернулись, и он дал сигнал:

— Поднимай!

Другой замешкался. «Гору» видел и он, но, по его уверениям, эта гора *плыла* над морским дном, приближаясь к пароходу, и у горы была шея, длинная, цилиндрическая, и была голова, напоминавшая голову верблюда, что ли.

— Пьяны вы были оба! — крикнул я раздраженно на водолазов.

— Да нет же! — отозвался один из них. — Ни капли во рту не было!

— Врешь, как... как коммивояжер! Ну-ка дыхни на меня!

Парень дыхнул, и все присутствующие расхохотались: спиртом от него разило на полверсты.

И самого его удивило это обстоятельство.

— Побожусь, — говорит, — что вовсе не пил я! Сам не понимаю, почему теперь от меня спиртом несет! — твердит он, забывая, что мы только что накачивали его виски, приводя в сознание.

— Верно, около камбуза долго шлялся, принохивался, да и нанюхался! — пошутил я. — Однако, ребята, так дело не пойдёт! Я вас нанял вовсе не для того, чтобы бабьи сказки тут выдумывать, да в обморок падать! Водолазы вы или нет?

— Известно, водолазы. Только...

— Взялись ли вы за работу?

— Взялись, только...

— Стоп! Отговорок никаких. Или да, или нет. Середки нету!

— Да мы...

Ну, тут отозвались те, первые водолазы. Ребята были из зубастых, посмеяться любили.

— Гоните, — говорят, — капитан Смит, этих младенцев в шею. Мы и сами со всею работой справимся!

Поднялся крик, спор. Кто уж рукава засучивает, кулаками махать собирается. Матросы мои поодаль стоят, потешаются.

Не знаю, кому в голову остроумная идея пришла.

— Навинтите им шлемы, — кричит, — да и пусть дерутся тут, на палубе! Только чтобы без обману, и ножи поотбирать, а то они водолазные костюмы попортят: дырок понаделают!

Признаться, самому мне смешно сделалось.

Знаете, что такое водолаз в полном снаряжении на суше или на палубе? Черепаха!

На ногах у него свинцовые подошвы, так что ходить он может, как черепаха, еле-еле ноги переставляя. На голове медная коробка или шлем. Тоже, доложу я вам, штука ле-

гонькая: если малосильному человеку этот шлем надеть, так он и присядет, согнувшись под тяжестью.

Так вот, если водолаз стоит па земле, находясь в полном снаряжении, он, по существу, скован. Двигаться с большим трудом может.

Ну, и представьте себе вы такую кадрили: четыре чудовища с медными башками, с ногами, которые словно прилипают к доскам палубы. И эти четыре чудовища гоняются друг за другом и неуклюже машут кулаками...

Потеха, да и только!

Но, однако, тут-то не до шуток!

— Смирно! — закричал я. — Замолчать! Нам о работе думать надо, а не о фокусах разных!

— Первая пара водолазов! Готовы вы, что ли? Отдохнули?

— Так точно!

— Лезете сейчас в воду?

— А почему нет?

Ну, и под моим собственным присмотром снарядили их, спустили в воду. Проработали они положенное время преблагополучно. Успели за это время нагрузить раковинами не один спущенный с палубы «Сузи» на цепях ковш. Потом поднялись, а на их место отправились водолазы второй пары, те, которые раньше видели будто бы какую-то «плавающую гору» или нечто в этом роде. Так работа шла до вечерних сумерек, и все обошлось благополучно.

В сумерках, понятно, работу пришлось прекратить: во-первых, и люди-таки приутомились, а, во-вторых, у меня на «Сузи» не имелось приспособлений для электрического освещения, при помощи которых можно было бы вести ночные работы.

Вечером, вскоре после того, как, поужинав, мои матросы расположились на ночлег, вахтенный берегового лагеря поднял тревогу: кто-то приближался к лагерю, а часовой, недолго думая, хватил его выстрелом.

Ей-Богу, тут в первый раз в жизни видел я, до чего люди могут терять голову!

Во мгновение ока весь гарнизон моего лагеря, там было, как-никак, девять человек, и все здоровые молодцы, и все вооружены от пяток до зубов, — кажись, самого черта бояться нечего, — был на ногах.

Оказалось, достаточно одного шального выстрела, чтобы вся ватага с криками кинулась бежать врассыпную по берегу, взывая о помощи.

На палубе тоже была вахта. Один матрос дежурил, как всегда в этих опасных водах, у заряженной картечью и обращенной к берегу пушки. Недолго думая, он дернул затравку, и выстрел грянул, туча картечи полетела на берег.

Тут и на пароходе поднялась суматоха невероятная. Покуда мне удалось унять весь этот нелепый шум, покуда спущенные боты приняли бежавший из окопов гарнизон, прошло довольно много времени.

На берегу все было тихо и спокойно. Только где-то далеко-далеко в горах зажглись огни и оттуда слышались заунывные звуки большого тамтама.

Оставалось предположить, что и там, в горах, куда спрятались туземцы, отразилась эхом начавшаяся у нас тревога.

Разумеется, до рассвета мы уже не могли заснуть. А как только рассвело, я с Перазичем и дюжиной наиболее хладнокровных людей отправился на берег на разведки.

И что вы думаете?

Мы довольно скоро отыскали причину всей сумятицы: в десяти саженьях от наших окопов, где еще валялись фуражки и сапоги моих храбрых матросов, мы увидели огромную тушу какого-то животного, валявшегося на земле.

Пуля из ружья часового не пролетела мимо, а угодила прямо в лоб ночному скитальцу и уложила его тут же.

Это был крупных размеров бык со спиленными рогами и ярмом на шее.

Чего искало невинно пострадавшее животное на берегу, не берусь сказать. Оставалось предположить, что оно попросту бродило по берегу, инстинктивно ища человеческой близости.

Ведь туземцы-то, напуганные не то нашим приходом, не то сказками о «Зеленой смерти», бежали в горы и туда же угнали, конечно, свои стада. Но в горах растительность скудная, и скотине там должно было приходиться не очень весело. Вот какой-то бык, на свое горе, и удрал с гор поближе к берегу, не подозревая, что его приход к нашему лагерю может наделать столько шуму...

Пожурил и постыдил я матросов, как говорится, разделив их на обе корки.

В самом деле, да что же ото такое!

Словно ребята, которые, наговорившись вечером о разбойниках и привидениях, потом ночью истерики закатывают?!

Но, между прочим, не преминул сообразить, что есть и одна положительная сторона в ночном приключении: благодаря отсутствию у берегов туземцев, мы были совершенно лишены возможности войти в соглашение с ними и приобрести хоть парочку баранов для освежения нашего стола. А тут целый бык, и довольно хорошо упитанный, был к нашим услугам.

Разумеется, мы распластали тушу. Требуху выкинули в море, пусть и рыбам что-нибудь достанется. А мясо забрали на судно и сдали нашему коку с поручением устроить пир горою для поднятия храбрости у тех самых бравых матросов, которые-таки победили... быка прошлой ночью!

Утренние работы этого дня, понятно, шли очень и очень вяло: бессонная ночь со всеми ел тревогами истощила наши силы, и мне поневоле приходилось сквозь пальцы смотреть на то, что мои матросы шлялись, словно сонные осенние мухи, еле перебирая лапками, приликая к месту, особенно в тени, где можно прикорнуть и задремать.

Но к вечеру команда оправилась. Всюду смеялись над самими собою и без пощады травили особенно отличившихся в часы паники.

Наиболее молодые из матросов даже устроили какую-то «Церемонию» с поднесением поднявшему всю суматоху часовому, Джимми Стоктому, специального знака отличия:

— Ордена бычачьего хвоста первой степени на муаровой ленте.

Джимми отбивался от «награды» и руками и ногами, ви-зжал, как недорезанный поросенок, но они его загнали в какой-то угол, и таки повесили ему на грудь свой орден, довольно искусно, надо признаться, сооруженный из кончика бычачьего хвоста, каких-то обрезков жести от ящиков с консервами и петушиных перьев.

Потом все поздравляли Джимми «с орденом и чином», и выливали ему на голову по ковшу холодной воды, покуда бедняга не вымок насквозь и не взмолился о пощаде.

Досталось и моим водолазам: к тем явилась депутация из пяти посланцев от самой ее величества «Зеленой смерти» требовать отчета, как они, водолазы, осмеливаются спускаться на дно морское и тревожить косточки Ее Величества?

«Зеленую смерть» изображал нарядившийся в балахон наш повар, датчанин Гансен.

И черт их знает, этих больших младенцев, до какой степени они изобретательны в подобных случаях?!

Так, Гансен сидел на троне, сооруженном из пустой бочки и пары досок. Его балахон был ярко зеленого цвета. А его голова...

Признаться, я и сам попятился, увидев его голову!

Канальи ухитрились препарировать череп убитого ночью быка, выкрасили тоже в зеленый цвет вплоть до рогов и нацепи на башку Гансена или, правильнее, подняли над его головою эту устрашающую штуку на каком-то шесте.

В общем, «Зеленая смерть» оказалась и внушительной и пренелепой...

А кругом трона выплясывали «подданные Ее Величества»: гигантский краб, акула, меч-рыба, морской паук, он же Марк Матис на ходульках, и так далее.

Все это визжало, кувыркалось, дудело, свистело и орало на всевозможных языках.

Вы, может быть, подумаете:

— На кой же черт капитан Смит позволял своим матросам, так сказать, дурака валять?..

А я вам на это отвечу просто:

— Я видел, что все рассказы о «Зеленой смерти» таки навели на моих людей некоторое уныние, что ли, развили нервность.

И надо было во что бы то ни стало поднять дух команды. А то, чего доброго, ведь команда могла и отказаться от исполнения своих обязанностей.

Знаете вы, что такое бунт на корабле, да еще в таких водах?

То-то и оно!

Нет, уж лучше пусть мои ребята побеснуются, отведут душу. Беды в этом нету.

Празднество «закончилось появлением» посольства «Зеленой смерти» в моей каюте.

Посольство поздравляло меня, как командира судна, с прибытием в воды, подвластные «Зеленой смерти».

Я учтиво поблагодарил за поздравление и осведомился, какой именно напиток предпочитает за своим столом Ее Величество?

— Кроме шампанского, ничего не пьет. Но ради первого знакомства согласна и на бутылку рому!

— Выкатить маленький бочонок! — распорядился я.

И «посольство», заявив от имени своей владычицы полное уважение и готовность оказывать услуги во всех случаях и при всяких обстоятельствах, удалилось на палубу, где сейчас же и началось распитие подаренного мною бочоночка рому.

Словом, весь этот день у нас прошел, как говорится, без толку для работы, но зато и без всяких приключений, а к вечеру мои матросы так разогрелись, что если бы, в самом деле, сама мифическая «Зеленая смерть» показалась, то они приняли бы ее за замаскированного повара и наложили бы крепкими кулаками по загривку..

Утром следующего дня, едва только рассвело, я поднял на ноги всю команду.

— Ну, ребята! Побаловались, пошутили, пора и честь знать! Не стоять же тут нам вечно? — сказал я. — День просто, сами знаете, обходится мне не меньше, как фунтов

двадцать. А за все это время вытащили мы на борт «Сузи» раковин всего на все фунтов на десять. Пора и честь знать.

— Да разве за нами остановка? Да разве мы что? — сконфуженно оправдывались мои молодцы.

— Так за работу! Гэй, водолазы! Готовься к спуску!

Водолазный бот на воду!

Перазич! Ты будешь на боте. Я сам спущусь с первой партией!

И работа закипела.

До полудня мы, во-первых, здорово-таки расчистили пролом в боку «Джессики», разворотили дыру настолько, что теперь пара водолазов могла беспрепятственно входить в трюм судна одновременно и вытаскивать оттуда груз, и при этом я лично позаботился о том, чтобы были сбиты и завернуты в сторону острые осколки железной обшивки борта: ведь сами знаете, долго ли до греха? При неосторожном движении водолаз может порвать свой прорезиненный костюм о какой-нибудь гвоздь или какой-нибудь шпиль, и вода проникнет внутрь, задушит человека.

Хорошо еще, если он вовремя даст сигнал, и люди, сидящие в боте, успеют вытащить его наружу! А то пропал человек ни за понюшку табаку!

Во-вторых, при моей помощи, водолазы успели вывалить из трюма на морское дно несколько центнеров раковин, а я нагрузил штук десять ковшей.

В общем, по моему мнению, если бы работа шла так же успешно, как в этот день, «Сузи» не пришлось бы особенно долго стоять у этих опасных берегов: в неделю, самое большее, работу можно было покончить, вытащить наружу, опростав трюмы «Джессики», все, что заслуживало быть вытасканным, а там поднять якорь, развести пары, и гайда по домам...

Но кто на море работает, тот не должен очень полагаться на удачу.

Сегодня море в одном настроении духа, завтра — в другом.

Сегодня оно милостиво к моряку, завтра, Бог один знает, почему, оно разозлится, рассвирепеет и пойдет качать.

Так вышло и с нами. К вечеру Перазич доложил мне, что барометр угрожающе падает.

Посмотрел я на небо, ох, не нравится оно мне!

До заката еще далеко, а все небо словно выцвело, побледнело, и словно какие-то нити тянутся по нему с юга на север, будто призраки легионами мчатся в недостижимой выси...

Поглядел я на море, и того меньше нравится оно мне: вдали черная полоса. Там, значит, уже идет волнение.

Поглядел я на берега, нет, скверная штука!

Бухта, в которой стояла моя «Сузи», была бы ничего на тот случай, если бы волна шла с северо-запада. Но если ударит с юго-востока или юга, тут вода будет кипеть, как в котле, и на якорях не удержишься. Может и на берег выкинуть, а то, попросту, о прибрежные рифы расколотить, как расколотило «Джессику».

Моментально развел я пары, поднял якоря и принялся улепетывать.

Полных двое суток боролись мы с жестокой бурей.

С одной стороны, уж очень не хотелось мне уходить далеко от Безымянного острова, подняв только пятую долю приобретенного груза. Не хотелось забиваться далеко отсюда.

А с другой стороны, боялся я, как бы и «Сузи» не потерять. Настоящих, благоустроенных гаваней в этих местах где же искать? Лет пять-десять, а то и сто пройдет раньше, чем цивилизованное человечество справится с работой и заселит берега, выстроит маяки, устроит гавани.

Теперь в случае чего приходится отстаиваться на рейде или уходить в открытое море, чтобы не быть разбитым о скалы. Но всему бывает конец. Пришел он и для налетевшей на нас столь не вовремя бури.

Посветлело небо, улеглись гонявшиеся на просторе моря друг за дружкой горы-волны. Стих дувший свирепыми порывами ветер, и «Сузи», оправившись, могла опять повернуть бушприт по направлению к Безымянному острову.

Еще сутки пропали, покуда мы добрались до места и стали в бухте на якорю.

Боже ты мой, Господи, чего не наделала пронесшаяся над этим островком буря за время нашего отсутствия?! Очевидно, вовремя мы удрали!

Весь бережок был покрыт грудami морских растений, нанесенных откуда-то свирепыми волнами. От устроенного нами лагеря с бараками и окопами оставался только след: ветер разметал бараки по щепкам, волны размыли окопы.

И насколько хватал глаз, повсюду на берегу валялись какие-то обломки досок и балок.

Я сразу заподозрил, что с «Джессикой» не все обстоит благополучно, и мои опасения подтвердились.

Как только волнение улеглось настолько, что явилось возможным снова приняться за водолазные работы, я лично спустился на дно и убедился, что волнением предшествующих дней затонувшее судно сдвинуло с места, подволокло ближе к берегу, разорвало буквально пополам.

Впрочем, это последнее обстоятельство было нам только на руку: теперь добывание груза «Джессики» уже не представляло ни малейших затруднений, потому что три четверти остававшихся в трюмах раковин высыпались попросту на дно и лежали горами между подводных камней. Знай только подбирай, да складывай в ковши.

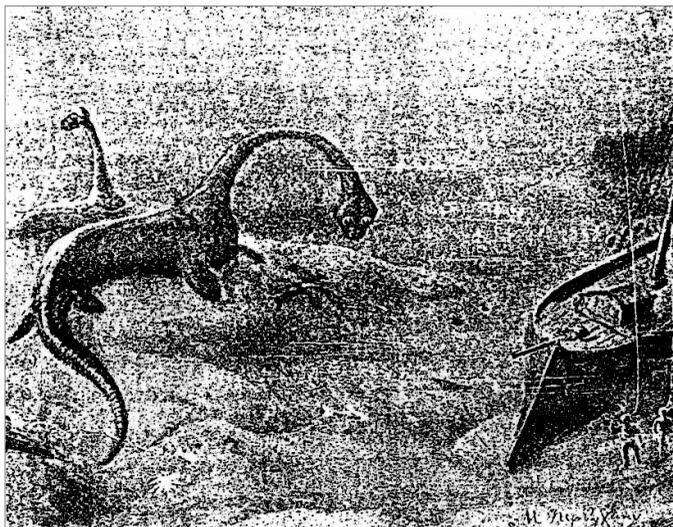
Я заканчивал осмотр положения судна и уже дал сигнал о поднятии, как вдруг, случайно повернувшись, в изумлении остановился, не веря своим глазам: в самом деле, буря, должно быть, наделала делов и на морском дне. А еще говорят, что на очень сравнительно небольшом расстоянии от уровня моря вода остается абсолютно спокойна даже и в моменты наиболее жестокого волнения снаружи?!

Положим, что бухта, в которой лежала «Джессика», особой глубиной не отличалась, но все же...

Единственное рациональное объяснение, которое я находил, это было такое: течением откуда-то нанесло на знакомые мне подводные скалы не то груды песка, не то горы морских растений. И все это, улегшись на скалах, имело теперь самые фантастические очертания.

Ну да, конечно же! Вон как будто длинный хвост стелется по пологой части дна, свесившись с большой плоской

скалы вниз. А вон гигантский хребет с чуть просвечивающимися позвонками и ребрами. А вон и голова..

Все это смутно, чуть заметно, словно в глубоком тумане, потому что вовсе не так близко от места, где я находился, а ведь как ни прозрачна морская вода, все же это не воздух. Ну, видишь на двадцать, тридцать сажен отлично. А дальше мгла сгущается и сгущается...

Стоп, машина!

Не эту ли самую штуку *тогда* видели и мои водолазы? Так и есть!

Вот и готовое объяснение всем нашим страхам!

Один просто увидел фантастические очертания скал, песчаных бугров, покрытых пучками водорослей, и испугался. Другому показалось, что эта штука шевелится, и он перепугался еще больше.

А я, третий вот, смотрю, и хладнокровно рассуждаю, и мне ничуть не страшно, потому что я только отношусь спокойнее к делу и не теряю головы.

Мне сделалось до того смешно, что я расхохотался.

И вместо того, чтобы подниматься, я дал на бот сигнал: спускать обоих водолазов первой пары.

Минуту спустя с качавшегося надо мной бота пошла медленно опускаться, странно, нелепо раскачиваясь, человеческая фигура. Это был первый из водолазов.

Пренелепое это зрелище спускающийся к вам, на дно, сверху водолаз!

Но в данный момент я думал не об этом: мне доставляло удовольствие думать, как посмеюсь я над нелепым страхом водолазов.

Пусть они спустятся, займутся работой, ничего не подозревая. А когда они углубятся в работу, я покажу им фантастические очертания в стороне и мимикой, конечно, спрошу, что теперь они, в моем присутствии, думают о подводном чудовище?

Взрослые люди, а могут дойти до того, что груды песку и водорослей принимают за какое-то чудовище, падают в обмороки, стучат зубами! Стыд и срам!

Но первый водолаз уже стоял возле меня. У него в руках была кирка, а за поясом малайский крисс, необходимое оружие на случай нападения акулы.

Спускался и второй.

Едва дождавшись того, что его ноги коснулись дна, я сразу тронул их обоих за плечи и потом показал в ту сторону, где была странная гора.

Но можете себе представить мое удивление и даже, если хотите, испуг?

Теперь этой странной горы, этих бугров песку и водорослей не было!

Все исчезло, как сновиденье!

Я не верил своим глазам!

Да что это?

Дьявольское наваждение, что ли?

Или...

Или и я способен, раз только опущусь на дно морское, приняться галлюцинировать, как ребенок?

Мои водолазы явно недоумевали, не понимая, на что же именно я хотел обратить их внимание.

Они приближали к моему шлему свои шлемы, глядели на меня сквозь толстые стекла в медной блестящей оправе недоумевающе, пожимали плечами, словно пытаясь спросить:

— Чего же ты от нас хочешь?

А я стоял, не зная, что сделать.

Собственно говоря, инстинкт подсказывал мне, что делать: бросить все, немедленно подняться на поверхность. Ну его к черту, этот груз раковин!

Правда, я потерплю убыток в две-три сотни фунтов стерлингов, потому что только часть моих издержек окупится уже добытыми со дна раковинами.

Но я не так уж беден, чтобы бояться такой потери! Не разорит она меня, во всяком случае!

Но тут заговорило проклятое самолюбие. Знаете вы, господа, что это за самолюбие моряка?

Я подумал, каким насмешкам неизбежно подвергнусь я, если вот так, ни с того ни с сего, потому только, что мне что-то попритчилось, что-то померещилось, отдам приказ прекратить успешно идущие работы и, подняв якоря, улечетну из этого места?!

Слава Богу, до сих пор о Джонатане Смите никто не говорил, что он трус или лунатик!

Нет, все вздор! Будем работать! И больше ничего! Два или три ковша было благополучно нагружено раковинами и поднято на борт стоявшей почти над самыми нашими головами «Сузи» благополучно.

Я чувствовал, что мною овладевает уже утомление: пора подниматься.

И вот в это-то мгновение произошло все...

Мои водолазы копошились почти у борта «Джессики», я же стоял несколько в стороне, впереди бушприта.

Они работали, согнувшись, таская раковины и накладывая их в спущенный ковш, и потому покуда ничего не видели. Я же стоял выпрямившись, оглядывая окрестность. И я первый увидел. Я увидел, как что-то странное, нелепое сначала поднялось из-за корпуса «Джессики», словно гигантская труба, суживающаяся кверху и заканчивающаяся

каким-то колпаком. Потом эта труба перегнулась, опустилась над бортом. Это была шея и голова фантастического морского чудовища. Это была «Зеленая смерть», о которой нас предупреждал воспитанник миссионеров, — «Зеленая смерть», над которой мы столько потешались трое суток тому назад...

Какой величины была голова?

Ей-Богу, я затрудняюсь сказать!

По-моему, во всяком случае, она была, по крайней мере, величиной с самую большую бочку, какую я только видел в жизни. Так, ведер на сто, если не на полтора.

Вытянутые челюсти, крутой маленький лоб, два глаза, светившиеся зеленым огнем, подобие ноздрей или дышал.

Я отчаянно задержал сигнальную веревку, давая сигнал:

— Смертельная опасность! Тащите во всю мочь!

Словно вихрем подхватило меня, оторвало от дна и повлекло наружу к плясавшему у борта «Сузи» боту с насосом.

Помню, почему-то мне стало жарко, нестерпимо жарко, настолько, что я буквально с ног до головы облился потом. И одновременно мне не хватало воздуха: я задыхался.

И в то же время я кричал, кричал диким, нечеловеческим голосом.

Я отлично сознавал, что этот крик, этот зов о помощи абсолютно не нужен, бесполезен: он рождается и умирает тут же, внутри шлема. Наверху, у того, кто сидит у насоса, держит слуховую трубку, слышен только мой рев, бессвязный, безумный, нечленораздельный рев обезумевшего от ужаса человека, и ничего больше. Но те, кого мой крик мог бы предупредить о грозящей им опасности, быть может, о гибели, пришедшей в образе какого-то фантастического подводного чудовища — те не могут услышать ни единого звука, даже самого слабого...

Однако то, что меня стали поднимать, не могло остаться незамеченным моими спутниками.

Да, они видели каждое мое движение.

Я махал руками, показывая им на борт «Джессики», на свесившееся над их головами змеинообразное «нечто», шею и голову «Зеленой смерти».

Все это разыгралось гораздо быстрее, а может быть, и гораздо медленнее, чем я сейчас рассказываю: я ничего не знаю, ничего не могу определить. Потому что при таких обстоятельствах мгновенья кажутся вечностями, но и вечность может пролететь, как мгновенье...

Помню только, что я видел, как фигура одного из водолазов тоже отделилась от морского дна.

Должно быть, он дал сигнал к поднятию.

И его поднимали. Но поднимался он как раз по линии, прохотившей мимо головы чудовища.

И я смутно видел, как эта проклятая змеинная шея вытягивалась вслед за поднимающимся водолазом, словно изумленная тем, что он, червяк, осмеливается приближаться...

Потом...

Потом я ничего связно не помню.

Помню только, что меня втащили на борт шлюпки. Втащили и одного водолаза: я видел его шлем рядом с моим шлемом.

Но в это мгновенье что-то со страшной, неудержимой силой дернуло канат, которым был привязан еще остававшийся на дне наш третий товарищ.

Толчок был так силен, что бот перевернулся, словно скорлупка, и все люди, бывшие в нем, посыпались в воду.

Но на борту «Сузи» уже, должно быть, заметили, что у нас что-то не ладится, и моментально спущенные боты подобрали всех нас и вытащили на палубу парохода.

Когда я пришел в себя, полное смятение царило на палубе моего судна.

Матросы толпились около расprostертого на палубе водолаза. Боцман Перазич тщетно пытался привести бедняка в сознание: водолаз был мертв.

Он не мог задохнуться, потому что в шлеме был постоянный приток воздуха. У него были здоровые легкие, как у

быка, и он не изошел кровью от слишком быстрого изменения давления окружающей среды.

И, однако, он был мертв...

Единственное предположение — он умер от разрыва сердца.

Почему?

Чтобы ответить на этот вопрос, было достаточно взглянуть на его лицо, искаженное самой ужасной гримасой, какую я только видел в жизни.

И достаточно было видеть его выпученные и налившиеся кровью, остеклевшие глаза, в которых ясно читалось выражение смертельного ужаса...

Он умер, потому что на него в упор взглянули глаза «Зеленой смерти», и я понимал это, и я думал, что если бы и со мною было то же, то есть, если бы меня не подняли раньше, а проклятому подводному чудовищу вздумалось бы вытягивать за мною шею и глядеть на меня зеленым огнем светящимися глазами, мои матросы увидели бы на палубе «Сузи» не меня, а только мое бездыханное тело, облитое липким потом...

Но второго водолаза не было. И оборванная, словно ножом перерезанная или зубами перегрызенная трубка для провода воздуха в шлем, оборванный канат, конец которого нам удалось выловить, ясно рассказывали о драме, разыгравшейся там, на дне: «Зеленая смерть» схватила своей гнусной отвратительной пастью нашего товарища.

Едва опомнившись, я вскочил на ноги и закричал неистовым голосом:

— Поднимай, поднимай пары! Скорее, скорее!

— Что случилось, командир? — испуганно допытывался боцман, передав мое распоряжение о поднятии паров в машинное отделение.

Но я не мог говорить.

— Пары, ради всего святого на свете, поскорее поднимайте пары! — кричал я. — Уйдем, поскорее уйдем из этого проклятого места!

— Машинист говорит, что пары подняты, но покуда еще ничтожно. Если сможем пойти, то только самым тихим ходом!

— Хоть по-черепаши, лишь бы выбраться из этой бухты!

— Ладно! — отозвался бледный как полотно Перазич.

И потом, видя, что от меня толку не добьешься, принял-ся самостоятельно командовать судном:

— Поднимай якорь!

Я стоял на палубе, машинально и совершенно безучастно глядя на все, совершавшееся вокруг меня.

Все мои мысли, все мои думы были прикованы к морскому дну. Я думал о том, что только что разыгралось там. Я думал о каком-то совершенно неведомом миру колоссальном ящероподобном подводном животном, пожравшем на моих глазах одного из моих товарищей и убившем одним своим взглядом другого.

— Скорее, скорее! — торопил я боцмана, еле шевеля пересохшими губами.

— Сейчас, сейчас, командир! — отвечал он.

И все матросы понимали, что случилось нечто ужасное, нечто такое, чему имени нет. Они все были смущены, бледны, растерянны, как-то жались, сбивались в кучки, робко перешептывались друг с другом, опасливо поглядывая на тихо катившиеся к пустынному берегу волны.

— Скорее, скорее! Ради Бога, поскорее! — кричал я.

И вот паровая лебедка подтянула к шлюзам на носу оба якоря. Машина пошла. Завертелся за кормою винт. Пароход стал тихо, медленно выбираться от берега в открытое море.

Я облегченно вздохнул, снял фуражку и отер проступивший на лбу пот.

Но в то же мгновенье фуражка выпала у меня из рук. Да, я ясно видел то же самое, что видел там, на дне морском: саженья в пятидесяти или шестидесяти от нас из вдруг яростно забурлившей воды вдруг высунулось огромное туловище.

Я не умею, опять-таки, сказать, какой величины было оно: мне была видна только длинная шея да часть спины. Но, во всяком случае, сама шея от основания до конца головы была не менее трех или скорее даже четырех сажен, а та часть туловища с передними конечностями, напомилавшими лапы тюленя, была вдвое или втрое длиннее шеи. И, кроме того, оставался еще бесконечно длинный хвост, конец которого мелькал далеко позади туловища...

В общем, я едва ли особенно ошибусь, если скажу, что все тело «Зеленой смерти», взятое вместе, вытянутое, так сказать, могло равняться саженям двадцати.

Но в данный момент было не до того, чтобы соображать, сколько будет от головы до хвоста, и сколько от хвоста до головы...

Крик ужаса огласил палубу.

Большая часть матросов в паническом страхе бросилась гурьбой бежать, прятаться, куда глаза глядят.

Люди, словно ослепнув, натыкались на мачты, на бухты канатов, на стоявшие на палубе бочки и ящики. Иные, не добравшись до люков, падали и, подобно змеям, ползли куда-то

Другие, добежав до люков, буквально скатывались вниз, и, конечно, жестоко разбивались.

— Пушку! Пушку! — кричал я вне себя.

Этот крик заставил опомниться нескольких из матросов.

Во мгновение ока около обеих наших пушек поднялась возня. За одно орудие взялся Перазич, за другое я лично.

Мне удалось очень скоро повернуть дуло моей пушки в ту сторону, где еще виднелось огромное и безобразное туловище «Зеленой смерти», и где вода яростно колыхалась, словно кипела.

Но в то мгновение, когда я собирался выстрелить, новый крик ужаса отвлек мое внимание.

— Змея! Морская змея! — кричал кто-то из матросов, забравшихся на ванты.

Но это не была пресловутая сказочная морская змея. Да, действительно, нечто чудовищное плыло с моря, отре-

зая нам выход из бухты. И оно, если хотите, походило на морскую змею или вообще на змею, потому что над водой было видно добрых три сажени скользкого, зеленою отсвечивающего гибкого тела с бочкообразной громадной головой, имевшей висячие усы.

Но я-то понимал, что значит все это!

У чудовища, погубившего одного, — нет, двух моих водолазов, — был компаньон. Это он теперь плыл к бухте...

И еще вопрос, был ли он один?

Может быть, мне мерещилось?

Может быть, у меня мелькало и рябило в глазах?

Но нет, я видел, я видел!

Здесь и там из волн моря высовывались, поднимаясь на большую или меньшую высоту, такие же безобразные бочкообразные головы.

И воды всей довольно обширной бухты вскипали, бешено крутились, потому что их приводили в движение колоссальные двадцатисаженные зеленые тела с могучими хвостами, бешено хлеставшими волны...

Тем временем машинистам удалось значительно поднять пары и пароход шел уже довольно быстро.

Рулевой направил его несколько в сторону, будто стараясь поставить под защиту береговых скаль. Маневр, как кажется, удался: по крайней мере, добрых десять минут «Сузи» бежала по берегу, и ни одно из чудовищ, переполнявших бухту, кувыркавшихся в ней, гулко шлепавшихся о воду, не обращал внимания на бегство судна.

Но это длилось, повторяю, не больше десяти минут.

И вот в то время, когда мы были уже близки к открытому морю, словно по кем-то данному сигналу пять или

шесть чудовищ с невероятной быстротой ринулись в погоню за нами.

Они плыли, держась друг около друга. Над водой были видны только лоснящиеся зеленоватого цвета круглые спины да тонкие длинные змеинообразные шеи, поддерживавшие бочкообразные головы.

Я видел, что головы эти были двух категорий: у одних, должно быть, у самок, как-то помягче, покруглее и без вишюлек-усов.

У других, по моему предположению — самцов, головы значительно большего размера, с более резко определенными чертами и с длинными, пожалуй, до сажня величиной, гибкими, словно резиновыми, усами.

Положительно почти не сознавая, что я делаю, я снова навел пушку на наиболее близко подплывшее к «Сузи» чудовище.

Миг — и пушка рывкнула своим медным горлом. Клубы порохового дыма окутали всю палубу.

Картечь, свистя и визжа, тучей понеслась навстречу гнавшемуся за нами «чудищу».

«Чугунная смерть» шла встретить «Зеленую смерть».

Сквозь дым я видел неясно результаты выстрела: часть картечи пролетела мимо змеиной шеи и пошла прыгать по волнам. Но часть, быть может, десять-двенадцать картечин, ударили в рыло «Зеленой смерти» и пониже, под головой, в гибкую шею. Голова обратилась в кровавую лепешку. Шея была изорвана в клочья, перешиблена, почти перерезана, словно ножом.

Колоссальное темно-зеленое туловище на мгновение все, во всю свою огромную величину, выскочило из воды, изогнувшись, словно пружина, потом упало, перевернулось вверх беловатым брюхом и поплыло куда-то в сторону.

Плывшая за усатым самцом, быть может, главарем этого фантастического стада, самка с оглушительным и жалобным ревом или, скорее, стоном крутилась около обезглавленного тела. Она выла, да, положительно выла, изгибая тонкую, гибкую шею и поднимая круглые глаза к небу. Она ласкалась, она обвиняла туловище убитого друга

шеей, словно рукой, и обнимала его своими огромными ластами.

В это мгновенье выстрелил Перазич.

Его пушка была заряжена не картечью, а гранатой. Граната перелетела группу из двух передовых чудовищ и с оглушительным треском взорвалась над несколькими плывшими поодаль ящерами, осыпая их осколками.

Не могу сказать, попали ли эти осколки, поранили ли они кого-нибудь. Но факт тот, что после взрыва гранаты чудовища моментально ушли под воду, попрятались. Миг — и воды бухты уже не кипели, не бурлили.

Правда, волны еще бежали к берегу и с тихим рокотом умирали у скал. Но темно-зеленых туловищ, но змеинообразных шей видно нигде не было.

Исчезло даже обезглавленное туловище «Зеленой смерти», убитой мною.

Я прямо не верил своим глазам!

И если бы не смертельно бледные лица моих матросов, да не крики о помощи, доносившиеся изнутри судна, куда свалилось человек пять-шесть моих «храбрецов», все происшедшее казалось бы мне отвратительным кошмарным сновидением.

По совести скажу, понадобились целые сутки пути, добрых четыреста километров расстояния от Безымянного острова, чтобы на судне у меня восстановился хоть кое-какой порядок.

Один из матросов, и вовсе не из робких малых, форменно спятил с ума.

Он запрягался на самом дне трюма, и на все наши угрозы выйти только щелкал зубами да кричал:

— Зеленая смерть! Зеленая смерть!

Другой лежал с остеклевшими глазами в моей каюте и что-то тихо бормотал. Голова его пылала, как в огне, от всего его тела так и несло жаром. Он умер, не приходя в себя, и мы похоронили его по морскому обычаю тут же, в море.

Два или три матросика ходили, словно пьяные, и не понимали самых обыкновенных вопросов, а при малейшем шуме или крике вздрагивали, озирались вокруг дикими

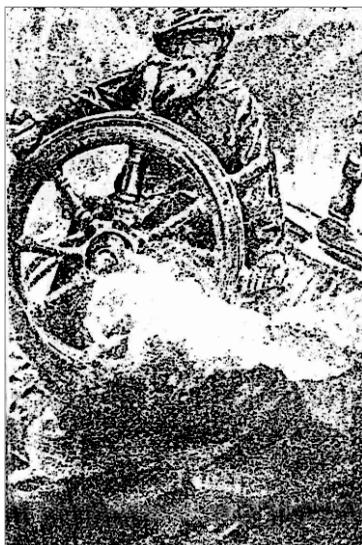
глазами и куда-то бежали. Словом, передрыга эта совершенно деморализовала мою команду, и не помогло даже прописанное Перазичем «океанское лечение», состоявшее в изрядных порциях рому.

Особенно тяжело было ночью: никто, ну буквально никто из матросов не хотел показываться на палубу.

Боялись!

И, знаете, у меня не хватает духу винить этих людей.

Я, Перазич и один старый матрос, Кит Китсон, мы втроем вели судно. Но и то Китсон предвзвешенно накачался ромом до такой степени, что, должно быть, не видел ровным счетом ничего. Только, как старый рулевой, он совершенно машинально вертел рулевое колесо, когда я командовал ему «право руля» или «лево руля». А к полуночи разыгралась буря, и волны иной раз перекашивались через палубу, грозя смыть рулевого.

Перазич, вооружившись парой револьверов и каким-то старинным карабином, расхаживал по палубе и, наклоняясь над перилами, всматривался во мглу.

Он все прислушивался к рокоту волн. Он ждал, не появится ли из воды чудовищная бочкообразная голова «Зеленой смерти»...

Но ночь прошла благополучно, и к утру буря стихла, судно оправилось, из трюмов мы выкачали набравшуюся туда воду.

Вскоре после рассвета вахтенный крикнул:

— Пароход по гакаборту!

С помощью зрительной трубы я разглядел, что это было средней величины военное судно, так, надо полагать,

крейсер третьего ранга, посланный в эти воды для борьбы с пиратами-туземцами. На судне развевался немецкий флаг.

Я сейчас же стал стрелять холостыми зарядами из обеих пушек и поднял сигнал:

— Имею важнейшие сообщения.

Крейсер изменил курс и пошел навстречу мне.

Час спустя я был на борту крейсера «Коршун», у капитана Грибница.

Я взял с собою Перазича и одного из водолазов, чтобы они могли подтвердить мои показания о пережитом нами у берегов острова Безымянного.

Но можете себе представить, что из этого вышло?

Капитан Грибниц, накрахмаленный немец, стал хохотать, как безумный!

Да, как безумный!

Он позвал в свою каюту лейтенанта, судового врача, еще кого-то из офицеров, заставил меня повторить мой рассказ, и потом опять принялся хохотать.

— Признайтесь, мистер Смит! — хлопал он меня по плечу. — Ну, признайтесь, что все вы, все, сплошь до последнего человека, были попросту... Ну, как бы это выразиться? Ну, были навеселе, что ли? Гэ? Под влиянием паров Бахуса? Ха-ха-ха...

Напрасно я клялся и божился. Напрасно предлагал опросить весь мой экипаж.

Слава Богу, на ногах держалось еще двадцать человек, кроме меня! Могли бы, кажется, поверить им, если не мне.

Но немцы потешались.

— Какой вы шутник, какой вы гениальный шутник, капитан Смит, — твердили они.

— Но это не знаменитый морской змей? — улыбаясь, спрашивал меня судовой врач. — Знаете, тот самый морской змей, который всегда появляется... на страницах газет и журналов, когда наступает мертвый сезон!

— Но ведь я не газетчик! — негодовал я. — Мне решительно незачем сочинять! Я ведь построчной платы не получаю! Кой черт?

Эта злополучная экспедиция таки дорого стоила мне: я извлек со дна моря только часть купленного от капитана Гинца груза, не больше, как на сто фунтов стерлингов. То есть вернул только то, что заплатил Гинцу.

А ведь поездка-то мне чего-нибудь да стоила? А наем водолазов? А простой судна?

В общем, хорошо, если мои потери в тот рейс определятся так в сто-сто двадцать фунтов стерлингов.

Конечно, я не жалеюсь.

Но, судите сами, если человек столько потеряет, до шуток ли ему?

До выдумывания ли ему каких-то сказок?!

Разозлившись, я сделал предложение командиру крейсера:

— Вот что, капитан! Уж если на то пошло, так идемте вместе!

— Куда это? — спрашивает он.

— Ну, туда! К Безымянному острову из группы Соломоновых островов!

— Зачем это?

— Посмотрим! Произведем расследование. Может быть, мы отыщем туловище убитого мною зарядом картечи чудовища. Ведь оно должно бы всплыть! Ну, и мы опросим туземцев. Там есть этот... ну, миссионерский ученик...

Но капитан сухо ответил мне:

— У меня есть более серьезные занятия, чем идти ловить пресловутую морскую змею!

— Да не змею, ради Бога! Это чудовище с массивным туловищем...

— Знаю! знаю! Голова, как стоведерный бак с водой, имеет висячие усы... Нет, покорно благодарю!

На том наши переговоры и закончились.

Словно побитая собака, вернулся я на мое судно.

И никогда не забуду, какими насмешливыми улыбками и косыми взглядами провожали меня проклятые немцы, покуда я шел к трапу по палубе.

А из капитанской каюты раздавался все время гомерический хохот...

Когда я уже садился в мой вельбот, кто-то с палубы крейсера крикнул мне:

— Кланяйтесь «Зеленой смерти».

— Смотрите, чтобы вам самим не пришлось поклониться ей! — ответил я.

На этом все и покончилось, джентльмены.

Вернувшись в Апию, я строго настрого приказал моим матросам не болтать о пережитом нами, потому что не желал подвергаться насмешкам.

Но это, разумеется, не помогло: кто-то из матросов проболтался и мне всюду жужжали в уши:

— А как поживает «Зеленая смерть»?

Все это было лет пятнадцать назад.

Теперь, слава Богу, эта история позабылась, надо мною не зубоскалят, и я могу без опаски подвергнуться насмешкам заходить в гавань Апии.

Ну, и вот я рассказываю вам о пережитом. И мне совершенно безразлично, поверите ли вы или нет, будете ли скалить зубы или нет. Но знаю одно: к Безымянному острову с тех пор я не подходил на сто километров, и во всю мою жизнь не пойду.

А теперь...

Эй, Иезекииль! У меня от такого долгого рассказа горло окончательно пересохло! Ну-ка, тащи кружку элю!

В. Обручев

ВИДЕНИЕ В ГОБИ

Рис. Ю. Бажанова

Геологическая экспедиция уже две недели находилась в Монголии, в Долине озер.

Эта долина отделяет обширное лесисто-степное нагорье Хангай, занимающее север Монголии, от цепей Гобийского Алтая, расположенных южнее. Долина имеет несколько сот километров в длину с запада на восток и от 40 до 60 км в ширину. С Хангая в долину сбегают речки. Менее крупные из них по выходе из гор быстро теряют воду, и их сухие русла исчезают в степи. Более крупные реки впадают в соленые озера, расположенные ближе к подножью Алтая. По этим озерам долина и получила свое название. В промежутках между речками предгорья Хангая часто вдаются в виде мягких увалов и цепей холмов довольно далеко в глубь долины, поверхность которой представляет собой сухую степь, местами переходящую в полупустыню. Долина озер в сущности является западным рукавом степи Гоби,

занимающей значительную и самую низкую часть Восточной Монголии.

Гобийский, или Монгольский, Алтай, окаймляющий с юга Долину озер, состоит из двух, местами из трех-четырёх параллельных горных цепей, между которыми расположены более или менее широкие продольные долины, кое-где с речками и озерами. Цепи эти нередко скалисты, достигают абсолютной высоты в 3000–4000 м, а в отдельных местах вершины их поднимаются выше снеговой линии и покрыты снегом и небольшими ледниками, которые видны издали и служат хорошими ориентирами. Монголы вообще любят обозначать термином «богдо» (великий) чем-либо замечательные горы, и эти высокие вершины Алтая носят имена Ихэ-Богдо, Бага-Богдо и Пасату-Богдо.

По Долине озер и между цепями Алтая пролегают большие караванные дороги, по которым в прежнее время ходили торговые караваны из городов Кобдо и Улясутай в китайский город Кукухото (или Гуйхуачен) на северной окраине Китая.

Реки, сбегаящие с Хангая в Долину озер, врезают свое русло в дно долины и поэтому окаймлены террасами. Вдоль речек растут разные кусты, местами рожицы тополей и тала, а по берегам озер зеленеют заросли камышей, желтеют сыпучие барханные пески, которые встречаются и в других частях долины. На террасах вдоль рек, где грунтовая вода залегает глубоко, поверхность иногда представляет собой черную пустыню, усыпанную мелкой галькой и щебенкой, совершенно черного цвета от пустынного загара — «лака пустыни», который покрывает тоненькой пленкой породы любого цвета и состава и блестит под лучами солнца подобно маленьким зеркалам. Эти участки долины почти лишены растительности: жалкие кустики полыни, колючки или перекати-поля отстоят один от другого на десятки шагов.

Дно долины вокруг озер, а также в промежутках между ними большею частью имеет вид более или менее обширных впадин, ограниченных одним, двумя или тремя уступами, подобными ступеням гигантской лестницы. Уступы

эти обычно разрезаны ложбинами и оврагами, иногда отрезающими от края уступа отдельный скалистый или округленный холм, который геологи называют «свидетелем». В обрывах уступов часто вскрыты пласты горных пород, слагающих дно Долины озер. Это грубые конгломераты с галькой и щебнем разных пород, песчаники, глины, редко мергели различных цветов — белого, желтого, зеленого, серого, шоколадно-бурого, кирпично-красного. Иногда красные цвета господствуют, и тогда под лучами восходящего или заходящего солнца уступы кажутся раскаленными или пылающими.

В слоях этих пород нередко заключены кости и даже целые скелеты позвоночных животных, которые некогда населяли обширные степи Центральной Азии. В верхних уступах находят кости лошадей, двукопытных, носорогов, хищников, грызунов, изредка птиц и черепах, вообще животных, характерных для третичного периода. В нижних уступах попадаются кости и даже яйца земноводных и пресмыкающихся, особенно разных ящеров верхнемелового периода. В самых нижних слоях залегают черные горючие сланцы, называемые «бумажными», потому что они делятся на тонкие слои, похожие на листы грубой бумаги. В них находят целые скелеты небольших рыб, остатки ракообразных, мелкие пресноводные ракушки, отпечатки растений. Возраст этих слоев определяют как еще более древний — нижнемеловой, даже переходный к юрскому.

На дне впадин кое-где встречаются площади кучевых песков, похожие на старые заброшенные кладбища. Они состоят из холмиков высотой до метра, чаще до полуметра, расположенных довольно тесно один подле другого. Каждый холмик неплотно покрыт длинными, тонкими и гибкими ветвями куста нитрария с мелкими листочками и красными, солено-сладкими ягодами, которые любят верблюды, козы и бараны. Под защитой каждого куста песок, переносимый ветрами, мало-помалу накапливается и удерживается, пока куст живой. А если его уничтожить, например на топливо, песок холмика опять будет развеян ветром и разнесен по соседним холмам.

Геологическая экспедиция прибыла в Долину озер, чтобы вести раскопки остатков вымерших животных третичного и мелового времени, захороненных в слоях уступов, окаймляющих впадины на дне долины.

Экспедиция состояла из трех ученых — геолога и двух палеонтологов — и двух препараторов, умеющих откапывать хрупкие кости, укреплять их на месте жидким клеем или гипсовыми оболочками, чтобы затем их можно было вынуть из слоев без повреждений и укладывать в ящики для вывоза этих ценных редкостей домой. Несколько рабочих для раскопок, шофер автомашины, пастух для верблюдов и лошадей также входили в состав экспедиции.

Ученые уже обследовали несколько впадин и выбрали одну из них, в уступах которой нашлось особенно много богатых костеносных слоев мелового возраста. Эти слои выходили в обрыве, который с утра до вечера освещался и накалялся летним солнцем.

Чтобы облегчить работу на солнцепеке, был установлен такой распорядок: вставали на восходе солнца и уже с шести часов утра начинали раскопки, пользуясь утренней прохладой. В 11 часов делали перерыв для обеда и отдыха в течение самых жарких часов, а с четырех часов до заката опять работали. Палатки экспедиции стояли на нижней террасе, недалеко от русла небольшой речки и в километре с лишком от места раскопок, на дне большой впадины.

В половине августа один день был особенно труден для работы. В Центральной Азии тихая погода бывает редко. Обычно с восходом солнца просыпается и ветер. Он дует сначала слабо, к полудню усиливается и продолжается до заката, мало-помалу ослабевая. Ночью большую часть тихо. Но в этот день стояла полная тишина, солнце светило сквозь какую-то дымку и представлялось красным кругом без лучей. По мере поднятия его над горизонтом духота усиливалась; пыль, которую вздымали кайлы и заступы, не уносилась ветром, как в другие дни, а висела густой пеленой в воздухе и затрудняла дыхание. Все обливались потом, хотя и сбросили рубашки.

А в этот день раскопки обнаружили особенно интересные окаменелости: не кости, а целое гнездо ящеров из 12 яиц, лежавших в буро-красном песчанике одно возле другого. Они отличались от птичьих яиц более удлинённой формой и имели 20 см в длину и 6-7 в поперечнике. Некоторые были разбиты поперечными трещинами на куски, и внутри них можно было рассмотреть косточки неродившихся ящеров. Следовательно, гнездо, согревавшееся солнцем 75 млн. лет назад, было уже близко к созреванию, когда какая-то катастрофа, может быть, песчаная буря, разлив реки или озера, на пляже которого самка ящера отложила свои яйца, занесла их толстым слоем песка и задушила пробуждавшуюся жизнь.

Когда вскрыли все гнездо и освободили яйца от песчаника, в котором они покоились, было уже почти 11 часов, и все изнемогали от духоты и пыли. Поэтому окончание раскопок решили отложить до вечера. Уходя на стан, гнездо покрыли брезентом, придавленным по краям камнями.

— Большой песчаный буран будет, — заметил монгол-рабочий, взглянув на небо.

«И эти драгоценности могут пострадать — их занесет песком или даже разбросает и разобьет», — подумал начальник экспедиции геолог Попов.

Вернувшись на стан и пообедав, все разошлись по палаткам на отдых. Днём полы палаток всегда немного поднимали, чтобы продувал ветерок; без этого в палатках, нагретых солнцем, было бы слишком душно. Попов занимал отдельную маленькую палатку. Он улегся на складную кровать и задумался.

Уже несколько дней участники экспедиции горячо обсуждали вопрос — какой вид Центральная Азия имела в то время, когда ее населяли различные семейства, роды и виды древних ящеров? Каков был климат этой обширной страны, ее растительность? Кости, находимые в изобилии, давали хорошее представление о животном мире, а состав меловых слоев указывал на условия их образования. Это были континентальные отложения, образовавшиеся на суше, в озерах, реках или на подножьях гор — в виде сило-

вых наносов из материала, вынесенного дождевыми потоками из ущелий. Здесь было довольно много конгломератов и грубых песчаников — значит, местность не представляла собой равнины, а была гористая: в озера сносился материал размыва окрестных холмов и гор.

Но почему же в меловых слоях совсем не попадались остатки растений?

По мнению палеонтолога Петрова, отсутствие пластов угля среди этих отложений доказывало, что на дне впадин вокруг озер не было болотистых лесов, которые могли бы превратиться в пласты каменного угля. Другой палеонтолог, Панов, говорил, что огромные, неуклюжие бронтозавры и другие крупные ящеры не могли бы жить в болотистых дремучих лесах и пробираться между стволами деревьев. Обилие костей ящеров, найденных учеными, показывало, что когда-то здесь были обширные пышные луга с отдельными кучами кустов и деревьев или леса, похожие на нынешние «галерейные» леса в Южной Африке, где свободно гуляют слоны и носороги.

«Окаменелые стволы деревьев, похожих на кипарисы, уже найдены нашими исследователями в Монголии, — вспомнил геолог замечание, сделанное недавно Петровым. — Значит, деревья здесь были».

«Но почему же в костеносных слоях нет отпечатков листьев или стеблей растений? — продолжал размышлять Попов. — Ведь эти огромные и многочисленные травоядные ящеры нуждались в большом количестве растительной пищи, чтобы существовать самим и доставлять пищу хищным ящерам, столь же многочисленным и разнообразным.

Остается предположить, — что эти прожорливые громадные травоядные съедали дочи́ста всю растительность, конечно, за исключением древесных стволов. Вот почему в отложениях вместе с костями совсем не попадались листья и стебли. Все было съедено и переварено. А в этой прожорливости, может быть, и кроется главная причина вымирания ящеров. Они вырождались и вымирали от недостатка

пищи, уступая место мелким и менее прожорливым млекопитающим...»

Мысли Попова возвратились к давно интересовавшему его вопросу: почему так обильны и разнообразны были семейства, роды и виды ящеров, вообще именуемых динозаврами, в меловом периоде и почему так быстро и загадочно исчезли они 70 млн. лет назад к началу третичного времени. Он вспомнил и о летающих ящерах, также разнообразных и обильных, и об отсутствии переходных форм от них к настоящим птицам, за исключением странного археоптерикса, жившего, впрочем, гораздо раньше. В отличие от голых птеродактилей археоптерикс уже был покрыт перьями, но он имел еще зубы в клюве и когти на крыльях...

В палатке было очень душно.

«Пойду лучше на воздух, пройду к раскопкам, проверю, хорошо ли укрепили брезент», — подумал Попов. Он надел шляпу и вышел из палатки. И сразу же ему бросилось в глаза изменение всего облика местности. Вместо сухой степи с пожелтевшими от летнего зноя кустиками и мелкой травкой перед ним расстился ярко-зеленый луг. Трава выше колен с обильными, но какими-то странными цветами волновалась под легкими порывами ветра. Кое-где среди луга виднелись кусты в рост человека и выше. Одни были похожи на огромные кочны капусты с отвисавшими сочными листьями, каждый из которых был величиной побольше дождевого зонтика. Другие кусты походили на кактусы, но без шипов и с алыми цветами. На третьих, более мелколистных, гроздьями висели пунцовые ягоды, похожие на крупные сливы.

Геолог шел по лугу, раздвигая траву. В воздухе реяли крупные синие, зеленые и красные стрекозы, проносились с громким жужжанием черные и бронзовые жуки с детский кулак.

Вдали на юге луг доходил до подножия Монгольского Алтая, поднимавшегося зеленой стеной, увенчанной рядом скалистых пиков, на которых белели пятна и полосы снега.

Несколько раз геолог оглядывался на ходу и замечал, что Хангай, ограничивавший горизонт на севере, сделался выше, круче и зеленее. Справа, среди луга, открылся вид на русло довольно широкой и полноводной речки, струившейся между невысокими берегами. Эта речка совсем не походила на жалкий ручей, журчавший по гальке среди широкого сухого русла, которое пролегало недалеко от стана экспедиции.

Еще сотни три шагов — и открылось устье речки у большого озера, гладь которого расстилалась почти до западного горизонта. На воде кое-где плавали какие-то крупные черные птицы с большими головами на тонкой шее и длинными клювами. Время от времени они ныряли головой вниз, как утки. Попов повернул по хорошо протоптанной дорожке вдоль берега озера налево, где в стороне виднелась группа пальм и каких-то остропирамидальных деревьев, похожих на кипарисы. Большая стрекоза, неожиданно с налету ударившая геолога по щеке, заставила его поморщиться.

Немного дальше его внимание привлек возвышавшийся среди зелени луга голый и гладкий зелено-серый холм с темно-зелеными полосами и пятнами.

«Какая-то странная порода. Не змеевик ли? Нужно посмотреть», — подумал Попов и направился к холму. И вдруг от холма отделилось нечто длинное, похожее на гигантскую змею с блестящими глазками, смотревшими на человека. Геолог инстинктивно прижался к кусту, похожему на огромный кочан капусты. Змея изогнулась, голова направилась к тому же кусту, раскрылась пасть, схватила плоскими резцами лист «капусты», дернула и оторвала его, подняла вверх, подбросила и, подхватив за мясистый черенок, начала пожирать зелень, размахивая листом, словно веером, вверх и вниз.

Попов с интересом наблюдал эту сцену. Он догадался, что холм был туловищем этого чудовищного животного, а змея представляла его шею и голову, совершенно непропорциональные телу.

— Это, конечно, бронтозавр, — прошептал он. — Этакая громадина! Но нужно ретироваться — он может нечаянно толкнуть, опрокинуть, растоптать, хотя по существу это совершенно безобидный великан.

Скрываясь за листом «капусты», геолог начал было осторожно подвигаться назад. Ящер заметил это движение. Голова человека в светло-зеленой шляпе среди темной зелени кустов привлекла внимание чудовища. Оно приняло ее, очевидно, за сочный бутон или даже плод растения. Выплюнув остаток листа, ящер потянулся к ученому, который вдруг увидел возле своего лица розоватые мясистые губы и желтые резцы. Из чуть приоткрытой пасти вырывалось мощное кислое дыхание; с губ стекала зеленая струйка «капустного» сока. И вот губы схватили шляпу, сдернули ее с головы человека, подбросили вверх, подхватили и затянули в пасть. Но фетр пришелся не по вкусу ящеру. Мотнув головой, он выплюнул шляпу и потянулся за новым листом «капусты».

Попов, невольно присевший, когда с него срывали шляпу, продвинулся под защитой куста на несколько шагов в сторону и, нагнувшись, побежал между кустами прочь от прожорливого великана. Местность в этом направлении немного повышалась. Остановившись через несколько минут и оглянувшись, геолог увидел, что бронтозавр продолжал объедать тот же куст. Его массивное туловище поднималось плоским бугром над всеми кустами, но темные полосы и пятна делали его малозаметным на фоне луга. Длинная шея с маленькой головой то поднималась высоко вверх, подбрасывая оторванный лист, то почти скрывалась в зелени кустов. Немного левее виден был второй бронтозавр, также пасшийся на лугу.

Попов поднялся еще немного выше по косогору и очутился на поверхности плоского увала. С него видна была другая обширная впадина с таким же лугом, кустами и рощами пальм и кипарисов. Вдали сверкала гладь большого озера. Одно место на его берегу сразу привлекло внимание. Там то и дело взлетали и кружились мелкие и крупные темные птицы, слышались пронзительный писк и гром-

кое кваканье. Полет этих существ напоминал неровный полет летучих мышей с частыми, мелкими взмахами крыльев. Вероятно, на берегу озера лежала какая-то крупная падаль. Над ней и летали эти крылатые ящеры — взлетали, кружились, садились на нее, дрались друг с другом, пищали и квакали.

Один из ящеров, кружившихся над падалью, повернул и полетел в сторону наблюдавшего за ним Попова, спланировал невысоко над его головой и сейчас же полетел обратно, издавая резкий свист. Можно было рассмотреть его голое, зелено-серое туловище, поджатые к нему снизу короткие ноги с длинными когтями, широкие голые крылья в виде перепонки между боками тела и длинными пальцами передних конечностей. Короткая шея заканчивалась большой головой с длинным зубастым клювом. Величина тела достигала примерно роста десятилетнего ребенка.

«Высмотрел меня и, должно быть, хочет мной поживиться, — подумал Попов. А теперь полетел за подмогой. Если парочка таких тварей нападет с двух сторон, — защититься от их когтей и зубов будет трудно. Нужно бежать».

Он повернул назад и пошел по увалу, спускаясь к первому озеру. Неожиданно перед ним открылась небольшая котловина, на дне среди кустов журчал ручеек. Дно котловины представляло собой площадку, усыпанную мелкой галькой. На площадке резвился десяток маленьких, величиной с кошку, ящеров. Они подбегали друг к другу, тыкались носами, припадали к земле, кувыркались. В общем это напоминало игру резвых щенят. Но вид их был довольно странный. Голое, желто-зеленое с пятнами туловище оканчивалось с одной стороны недлинным хвостом, а с другой — рогатой головой, окруженной высоким щитообразным воротником с зубчиками. Голова была как будто прилеплена к этому воротнику. Морда была клювообразной, над глазами выдвигался довольно длинный рог. В общем все это походило на шляпку странного гриба, приклеенную к туловищу. Ноги были довольно длинные, с когтями. Попов с интересом наблюдал повадки этих ящеров.

«Как будто это трицератопсы, — подумал он. — Неужели они успели уже вылупиться из яиц, которые мы сегодня откопали?»

Вдруг широкая тень промелькнула по котловине. Ящеры тотчас же разбежались: одни укрылись под кустами, другие припали к поверхности земли. Темные пятна на их желтых телах делали их трудно различимыми на площадке, усыпанной галькой.

Крылатый ящер, пролетевший над котловиной, быстро замахал крыльями и сел на гальку шагах в десяти от геолога, притаившегося между кустами на краю котловины. При первом взгляде на это животное Попов подумал с удивлением: «Но это же не ящер, а скорее настоящая птица». Действительно, сразу можно было заметить, что животное это было покрыто чем-то очень похожим на перья. Оно было высотой больше метра, т. е. крупнее орла. Шея была длиннее орлиной, клюв похож на клюв аиста и усажен мелкими зубами. Пальцы высоких ног были снабжены большими когтями. Это был, очевидно, крупный хищник, преследовавший мелких ящеров. Медленно поворачивая голову, он высматривал притаившуюся в котловине добычу. Один из ящеров, прижавшихся к гальке, пошевелился, хищник быстро прыгнул к нему и ударил клювом по спине; при этом он расправил крылья, и легко было заметить, что это не перепонка, как у ящеров, а длинные крылья из настоящих перьев, зелено-серого цвета. Пойманный ящер пронзительно пищал.

«Неужели это гесперорнис? — подумал Попов. — Тогда это одна из первых настоящих птиц, живших в конце мелового периода».

— Эй, Иван Петрович! Вставайте скорее! Ураган налетает, нужно крепить палатки, — послышался чей-то громкий голос.

Попов вздрогнул. Окрик товарища вернул ученого к действительности. Полотнища палатки надувались и хлопали; на полу валялась шляпа, которую недавно жевал бронтозавр. Попов поднял ее, нахлобучил и вышел из палатки.

Буря быстро приближалась. Вся западная половина неба была закрыта тяжелой буро-желтой тучей. Край ее уже скрыл солнце. Низ тучи все время клубился в виде круто наклоненных, крутящихся столбов. Гравий и песчинки дробью били по палаткам.

По земле извивались змейками струи песка, проносились сухие веточки, листья, прыжками передвигались желтые кустики перекати-поля.

Рабочие пригнали лошадей и верблюдов, которые паслись в степи недалеко от стана. На этих животных перевозили ящики с добытыми костями с места раскопок на стан и привозили воду в бочонках из чистого бочага в русле речки, найденного довольно далеко от стана. Лошадей привязали к грузовику с подветренной стороны, а верблюдов уложили на землю спиной к ветру.

Еще немного — и буря надвинулась на лагерь. Стало темно. Полотнища палаток прогибались от ветра глубоко внутрь и трепетали, песчинки сыпались на них градом и струйками стекали вниз. Казалось, что холст не выдержит давления воздуха, лопнет по швам, и палатка, разодранная на куски, улетит вместе с волнами бури на восток. Люди, стоя, подпирали руками вертикальные шесты, дрожавшие под напором ветра.

При одном из порывов бури Петров заметил своему товарищу Панову:

— Помните, как один географ утверждал, будто пыльные бури бывают только там, где имеются пахотные поля, с которых ветер и поднимает мелкую пыль? По его словам, в пустыне такие бури невозможны. Что сказал бы он сегодня здесь, в Гоби, где на сотни километров нет никаких пахотных полей? Нет даже колесных дорог, всегда пылящих при ветре. Откуда же тогда здесь столько песка и пыли?

— Бывают такие упрямые ученые, — ответил Панов. — Они упорно защищают свои слишком скоропалительно надуманные гипотезы, не считаясь с фактическими данными, которые их опровергают. Ему следовало бы посетить также пустыни в центральных штатах Северной Америки,

где никто не пашет землю, а пыльные бури нередки и уносят пыль до Нью-Йорка, за тысячи миль на восток.

Буря продолжалась часа полтора и закончилась коротким, но сильным ливнем с грозой — вообще довольно редким явлением в Гоби. Ливень встревожил ученых. С уступов впадины, на одном из которых были вскрыты костеносные слои, вода могла литься потоками и водопадами, снести брезент, разбросать и повредить только что вскрытые яйца ящеров. Следовало проверить место раскопок. Палеонтологи направились туда. Подойдя к берегу речки, которая утром была еще жалким ручейком, они увидели целый поток, шириной в десяток метров. Он с шумом катил свои волны, буро-желтые от грязи, перекачивая по руслу гальку и даже валуны. Очевидно, ливень захватил и склоны Хангая, откуда дождевая вода только теперь успела добежать до дна Долины озер.

На месте раскопок также видны были следы работы ливня. У подножия уступов во многих местах лежали смытые со ступеней конусы желто-красной грязи с галькой и обломками. В глубокой ложбине на дне впадины стояло озерко грязной воды. В озерке плавал брезент, снесенный бурей со ступени, на которой утром было вскрыто гнездо яиц. Само гнездо было покрыто слоем красной грязи в два-три пальца толщиной.

Осмотрев место, ученые решили не счищать сейчас грязь с яиц. Это могло повредить намокшую скорлупу. До утра грязь должна была застыть, и тогда ее будет легче снимать кусками, осторожно и не торопясь. Брезент вынули из воды и разостлали сушиться.

Тем временем Попов прошел на восток от стана, где он накануне нашел в барханных песках несколько палеолитических орудий и оставил их на песке, чтобы легче найти это место и начать правильную раскопку.

Орудия — грубые наконечники стрел, большое острие копья и несколько скребков — лежали, чуть выдаваясь из песка, на самой нижней части наветренного склона одного из барханов. Геолог скоро нашел это место и сначала не поверил своим глазам: вместо семи-восьми предметов, остав-

ленных накануне, он увидел целые десятки их. По-видимому, в этом месте когда-то была целая мастерская первобытного человека. В свое время мастерскую засыпал надвинувшийся большой бархан. Много веков медленно перемещался песок, перевеваемый ветрами. Накануне, когда здесь были геологи, наветренный склон бархана начал сходить с места, где была скрыта под песком первобытная мастерская. Прошедший ураган почти очистил от песка древние орудия и камни, частью уже расколотые, когда-то принесенные сюда первобытными мастерами. На гранях, созданных человеком при обивке орудий, видны были следы полировки их песком.

Попов захватил несколько образцов орудий, чтобы показать их товарищам и начать раскопки. Это было первое открытие остатков палеолитического человека в Гоби, и оно очень обрадовало ученого. Теперь и он привезет из экспедиции хорошую добычу.

Л. Д.

ЛЮБОПЫТНЫЙ ОПЫТ

Огромный эксперимент, величественный опыт, гигантская проба силы современной магии, кончилась неудачей. Взоры двух частей света были направлены на правую руку проф. Джотенсена из Кольгейта, которая костлявым указательным пальцем нажимала блестящую электрическую кнопку на большой распределительной доске. Трещина, проходил ток высокого напряжения по голубым, красным и фиолетовым проводам.

В инкубаторе, огороженном толстым стеклом, клубясь кипел шипящий пар.

Одна пара глаз в очках, испуганно, час за часом, следила за таинственным развитием зародыша.

Ртутные столбы, измеряющие давление и температуру, поднимались и падали.

«Ток включить!». — «Ток выключить!» — раздавалось изредка. Телефон, стоявший на маленьком столике посреди клубка из машин и аппаратов, не переставая звонил.

В Америке имеется человек. Зовут его Андрей Чапмен, который вбил себе в голову добыть статуи, книги и постройки, лежавшие в течение тысячелетий на дне песчаного моря пустыни Гоби.

Особенно хотелось иметь ему книги древних ассирийцев. Эти книги состоят из шиферных дощечек, в которые поэты, историки и фельетонисты того времени вдавили клинообразным шрифтом много мудрых вещей.

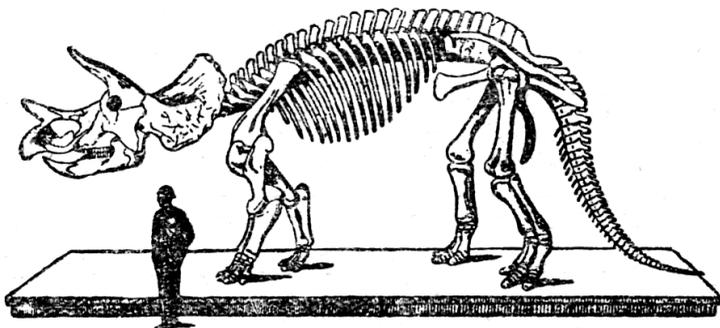
М-р Чапмен во главе большой экспедиции и с туго набитым долларами бумажником углубился в пустыню Гоби. Там он заставил несколько сот рабочих рыться в песке. Не найдя ни статуй, ни построек, ни книг, он наткнулся, однажды, на большое количество громадных яиц. При сравнении их со страусовыми, они были как циклопы перед лилипутами.

Яйца наполовину окаменели и были покрыты твердой коркой. М-р Чапмен сделал при этом открытие кислую физиономию. «Но все-таки лучше гигантские яйца, чем совсем ничего» — решил он немного спустя и перевез яйца в Нью-Йорк.

Собравшиеся ученые начали ломать голову над монстром, положившим такие яйца.

Этот вопрос бесконечно разбирался, пока не был разрешен: Андрей Чапмен нашел в пустыне Гоби яйца динозавра. И яйца эти принадлежали не обыкновенному динозавру, который снес их, чтобы 800 милл. лет спустя доставить удовольствие забавному американцу. Нет, они принадлежали страшнейшему и самому необычайному чудовищу, которое в те времена властвовало на земле над всем животным миром нашей планеты.

Извлеченные из земли кости ископаемого нам наглядно показывают его сложение и образ жизни *Titanosaurus rex* — так называют ученые этого короля ящеров, колосса весом в сорок тонн.

Скелет хищного динозавра.

М-р Чапмен продавал свой клад, как надлежит истому американцу, тому, кто больше даст; когда они почти что достались одному частному американскому музею, появляется проф. Джотенсен и энергично протестует.

— Это же преступление, — убеждал он, — поставить эту находку на показ в какой-нибудь коллекции, чтобы несколько любопытных пялили на них глаза, ничего не понимая.

Здесь, — говорил он, — открывается возможность осуществить дивный сон, разрешить изумительную задачу. Сле-

дует... не более, не менее как попытаться вывести из яйца маленького динозавра!

Осуществить свой план проф. Джотенсен задумал с помощью гигантского электрического инкубатора.

М-р Чапмен за два яйца потребовал кругленькую сумму в 30 тысяч рублей. С жаром принялся ученый разыскивать себе покровителя-мецената.

К счастью, нашелся вскоре фабрикант сардинных жестянок, который оценил возможное счастье быть «папой крестным» маленького динозавра и пожертвовал нужную сумму.

Профессор заперся с двумя яйцами в свою лабораторию, где ему удалось химическим путем смягчить и отчасти удалить окаменевшую скорлупу.

После того, как одно яйцо было положено в гигантский инкубатор, проф. Джотенсен схватился за голову и задал себе вопрос: сколько же времени употребляла мамаша динозавра, чтобы высидеть своих детей? Какая нужна для этого температура? Этого он не знал и ему в конце концов не оставалось ничего лучшего, как положиться на свое счастье.

Он принял для динозавра температуру, в которой высиживают свои яйца крокодилы, и принялся за свой эксперимент. Радио и телефон готовы были каждый момент оповестить весь земной шар о рождении допотопного животного. Но опыт потерпел полное фиаско. В яйце ничего не двигалось. Напрасно старались пар и электричество над ображаемым эмбрионом (зародышем) чудовища.

Природа не покорила и не допустила существования живого существа мелового периода среди небоскребов и молниеносных поездов двадцатого столетия.

Так и остался неосуществленным диковинный роман, где один гигантский динозавр мог вырваться из своей огромной клетки и попасть на улицы Нью-Йорка.

В гигантском городе умопомрачительная паника — сотни тысяч людей в ужасе спасаются в туннелях подземных дорог.

Предполагают убить из тяжелых орудий чудовище, которое в это время одним ударом лапы сбрасывает на землю «Статую свободы» и проламывает с разбегу бетонированную стену небоскреба на 5-м авеню.

Хотя общество против насилия, но бедный динозавр не вызвал жалости в сердце Нью-Йорка. Правда, жалко портить замечательный, покрытый броней костюм, но в нем так охотно будут щеголять...

Конец романа пусть составит уже наш читатель.

П. Литвинов

ГРОМОВАЯ СТРЕЛА

Рис. В. Владимирова

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

П. ЛИТВИНОВ

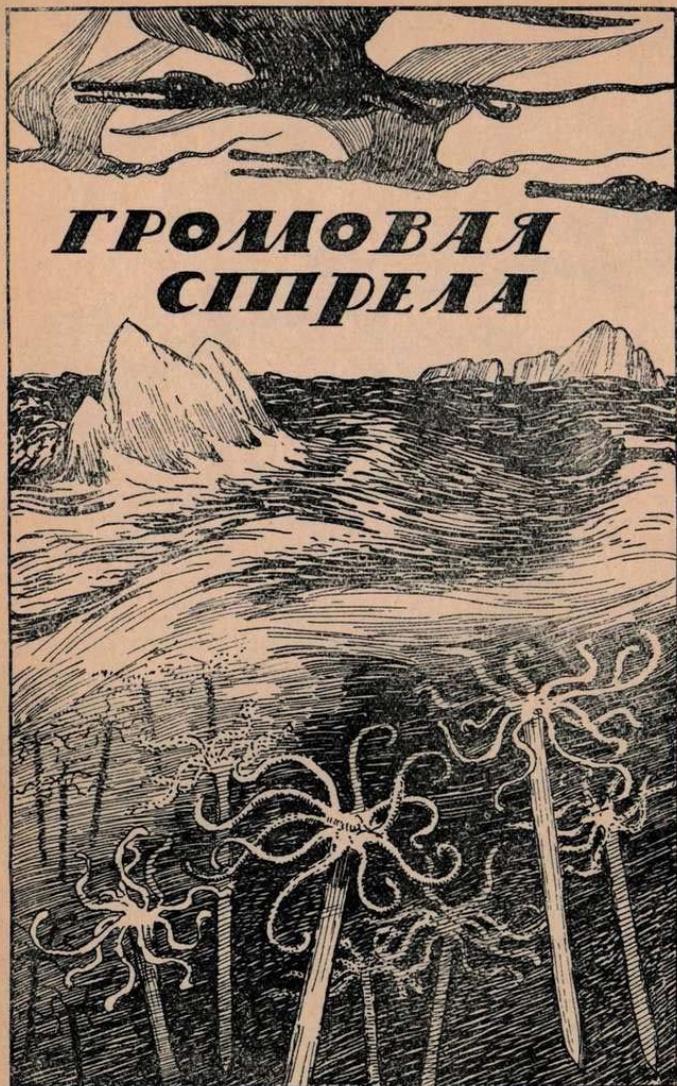
РИСУНКИ В. ВЛАДИМИРОВА

«Радуга»

МОСКВА

1925

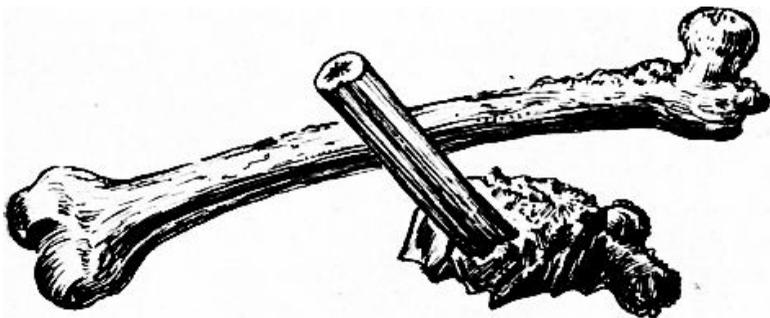
ЛЕНИНГРАД

На левом обрывистом берегу Волги расположилось большое село.

Петька с Колькой ходили по берегу и собирали пестрые камешки и раковины.

— Гляди, что я нашел! — крикнул Петька своему приятелю и принялся выкапывать из песка камень, похожий на осколок бутылочного горла.

— Это громовая стрела! — крикнул, подбегая, запыхавшийся Колька.

— Громовая? — удивился Петька. — Ты почему знаешь?

— Мне дед Трофим сказывал. У него такие есть. Говорит, где молния ударит во время грозы — там и стрела от нее останется.

Петька недоверчиво покачал головой.

— Я в школе такую же видел. Учитель говорит, что громовых стрел не бывает. Давай-ка откопаем да посмотрим.

Мальчики принялись разгребать рыхлый песок руками.

Когда образовалась ямка, Петька ухватился за конец камня. Понатужился и выдернул его из песка. К удивлению мальчиков, на остром конце громовой стрелы крепко сидел осколок кости какого-то зверя.

— Э, теперь я знаю, — сказал Колька. — Это не громовая стрела, а чертов палец. Вишь как он вцепился и палец об-

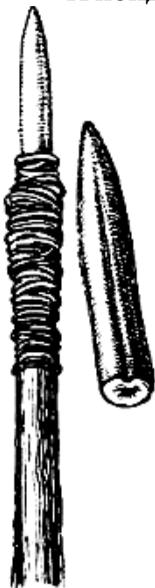
бломил. Давай-ка еще пороемся — всю чертову пятерню сыщем.

Петька засмеялся.

— Не ври — сказал он. — Чертей нет. Это все выдумки.

— Вот те и нет. Спроси деда Трофима. Он их не раз видел.

— А пойдем к учителю — скажет, что нет.

Так спорили мальчики и усердно продолжали разгребать песок. Получилась порядочная яма. Вдруг Петька нащупал что-то твердое и выдернул большую кость от человеческой ноги.

— Покойник! — с ужасом взвизгнул Колька и бросился бежать.

— Пстой! — крикнул ему вслед Петька. — Давай назад закопаем, а громовую стрелу возьмем.

Но Колька не подходил и издали боязливо озирался на яму с костью.

— Закапывай, коли не боишься. А я тут подожду. Дело нечисто — еще покойник по ночам ходить начнет, да и черт может прийти за своими пальцами. Так дед Трофим сказывал, а он все знает.

За разговором мальчики не заметили, как к ним подошел сельский учитель.

— О чем вы тут спорите? — спросил он. — Что за кость? Откуда взяли?

— Из песка выкопали, — бойко ответил Петька. — Колька говорит, что это чертов палец в кость впился — поглядите-ка.

И мальчик передал учителю громовую стрелу.

Учитель достал из кармана очки. Долго и внимательно рассматривал длинный камень, застрявший в кости. Потом вынул из ямы кость человеческой ноги и взвесил ее на руке.

— Это, ребята, замечательно редкая и ценная находка, — сказал он задумчиво. — Эта кость пролежала в земле око-

ло десяти тысяч лет. Она окаменела и стала тяжелой. Ее надо отправить в городской музей.

Мальчики с изумлением посмотрели на учителя.

— На что ее в музей? — удивился Колька.

— Ведь она покойницкая!

— Расскажите нам, откуда эти кости и громовая стрела взялись! — попросил Петька.

— Это, ребята, вовсе не громовая стрела. Науке теперь известно, что молния — это большая электрическая искра и камня в ней нет. Это и не чертов палец. Чертей ведь нет. Их выдумали необразованные, суеверные и трусливые люди. Это просто осколок длинной раковины давно вымершего морского животного. Теперь этих животных нет, называют же их белемнитами. Кости тоже редкие. Ученые их везде ищут и нарочно производят раскопки...

Маленькая кость, в которой так крепко засел белемнит, — это осколок позвонка из хребта большого медведя. Другая кость, вы угадали, от человеческой ноги. По этим костям ученые люди могут узнать, сколько тысяч лет назад жили люди, какие тогда были звери; какой у них был вид и чем они занимались.

Тут учитель замолчал и глубоко задумался.

— Расскажите же нам, — попросили мальчики, — про белемнита и человека, который жил так давно.

Учитель сел на песок рядом с мальчиками и начал рассказ.

Много миллионов лет назад на том месте, где теперь раскинулась Советская республика, было море.

Страшные ураганы и смерчи гуляли на его просторе.

Море было пустынно.

Ни один пароход не бороздил его бурливой поверхности. Тогда не было кораблей и некому было их строить. Короче были дни и ночи, потому что скорее вращалась земля вокруг своей оси. Жарче грело солнце.

Горячей была сама земля.

Морское дно было сплошь усеяно раковинами. Плоскими, круглыми и завитыми.

Заросли кораллов, словно деревья, тянулись вверх.

Местами их верхушки торчали из воды.

С шумом разбивались о них волны.

Шипели и пенились от злобы, что кто-то преградил им путь.

На кораллах сидели странные существа. Они походили на ящериц с крыльями летучих мышей. Клювы были полны острыми, как пила, зубами.

Это были первоптицы, которые населяли землю в те отдаленные времена.

Они сидели на кораллах и подстерегали добычу. Внимательно всматривались злыми глазами в морскую глубь и жадно щелкали костяными челюстями от нетерпения.

Вот что-то увидели, насторожились и замерли в ожидании.

Несколько десятков неясных, длинных теней медленно поднималось из зеленоватой, прозрачной глубины.

Тени эти очерганиями своими напоминали большие гвозди, толщиной в два пальца и длиною в метр.

Остриями они висели вниз. Из шляпок торчало десять длинных ног — щупальцев.

Они медленно гребли. То вытягивались, то укорачивались, точно нащупывали воду вокруг себя. Это были белемниты.

Не подозревая опасности, все выше всплывали белемниты. Среди них были и большие, и маленькие, как спички.

Съежились первоптицы. Втянули шеи в морщинистые плечи. Сидят неподвижно, как каменные. Зеленые глаза с узкими, змеиными зрачками жадно следят за добычей и намечают жертву покрупнее.

Несколько больших белемнитов коснулись щупальцами морской поверхности и словно прилипли к ней.

Расправили первоптицы длинные кожистые крылья.

Скользнули над водой и выхватили белемнитов.

Одной из них посчастливилось сцапать самого крупного. Она с трудом его подняла в воздух. Зачертила острым концом по воде, полетела к коралловому рифу.

Накинулись на нее другие первоптицы со злости, что им ничего не удалось поймать.

Завязалась драка в воздухе. Белемнит выскользнул из когтей и упал в море.

Он сразу погрузился на большую глубину.

А первоптицы так и остались ни с чем. Подрались, пошумели и опять заняли свои места на коралловом рифе.

А белемнит и не пробовал больше подниматься. Он знал, что там ему грозит опасность, и не торопясь плыл на глубине, перебирая в воде щупальцами и всасывая в себя воду с инфузориями, которые служили ему пищей.

Голод и нужда в кислороде заставляли его двигаться.

Бесперывными толчками он втягивал через жабры воду, насыщенную кислородом, и выталкивал ее обратно. Так он дышал и медленно передвигался на новые места.

В это время на море разыгралась буря и белемнит почувствовал легкое покачивание воды.

Это были слабые отголоски водяных гор, с грохотом катившихся на верху.

Белемнит быстро втянул через жабры воду и с силой вытолкнул ее вверх.

От толчка его известковая раковина разом погрузилась на несколько метров глубже.

Он несколько раз повторил этот маневр и опустился на глубину, где было спокойно, куда волны не достигали.

Здесь было темно и вода была прохладная.

Ему не нужен был свет. Осязание, сосредоточенное в щупальцах, и слух вполне заменяли глаза.

Он спокойно продолжал процеживать через себя воду и уверенно отыскивал в темноте водяные слои, напитанные кислородом и кишачие инфузориями.

Слабый шум в воде известил его, что приближается стая рыб. Он их не особенно боялся.

Не торопясь втянул в себя щупальца и стал ждать, неподвижно повиснув в воде.

Теперь он совершенно был похож на гвоздь.

Несколько рыб окружили его и пробовали раскусить.

Но белемнит пришелся им не по зубам.

Твердая, известковая оболочка не поддавалась и выскальзывала из зубов.

Поняли рыбы, что здесь ничего не выйдет, и взялись за голову, где скорлупа была потоньше.

Белемнит испугался и пустил в ход свое средство к защите: выдавил из чернильного мешка, что помещался сзади жабр, несколько капель черной жидкости.

Она быстро расплылась вокруг и окрасила воду в бурый цвет.

Шарахнулись рыбы в сторону, ослепленные едкой жидкостью.

Под защитой бурого облака белемнит с полчаса прислушивался. Кругом все было тихо. Рыбы ушли.

Он выпустил щупальца и опять поплыл за добычей.

Недолго ему пришлось спокойно плавать.

Сильный шум и содрогание водяных слоев принесли ему весть о большой опасности.

Белемнит проворно втянул в себя щупальца и вытолкнул на этот раз целую струю чернильной жидкости.

Она окрасила и отравила море на несколько метров вокруг.

А вода все сильнее и сильнее вздрагивала и шумела.

Враг приближался. Скоро он показался большущей черной тенью.

Это был ихтиозавр, крупное и хищное морское чудовище, каких теперь не водится.

У него были длинные, усаженные зубами, челюсти.

Он издали почуял белемнита, но едкая чернильная жидкость щипала глаза и он не мог рассмотреть свою добычу.

Взмахом могучего плоского хвоста он рассеял чернильную тучу.

Разинул челюсти и схватил белемнита за голову.

Хрустнула раковина, как скорлупа, и исчезла в пасти чудовища.

Только острый конец белемнита откололся и медленно стал погружаться на дно.

А хищный ихтиозавр поплыл прочь, наводя ужас и панику на мелких морских обитателей.

Обломок белемнита стукнулся о морское дно, усеянное живыми и мертвыми раковинами, и остался лежать неподвижно.

Проходили годы, века и тысячелетия.

Белемнит все лежал на прежнем месте.

Только сверху засыпали его толстым слоем песок, ил и раковины.

Каждый год этот слой становился все толще и тяжелее.

Умрет ли рыба или раковина — все падает на дно.

Понемногу вырастали целые горы из остатков морских животных.

Они плющились и сжимались под своей собственной тяжестью и превращались понемногу в серый камень-известняк, каким кроются панели в наших городах.

Так постепенно вырастали на морском дне известковые горы.

С каждым тысячелетием все выше и выше поднималось дно, мелело море, отступало в стороны и заливало острова.

А тут еще грозные, подземные силы выпирали морское дно снизу.

Выпучивали его вверх, как пузырь.

Дрожала первобытная земля от непрерывных подземных толчков.

Клокотало, волновалось море и медленно уступало место будущему материку.

Наконец он поднялся и его встретили горячие лучи солнца.

Они высушили мелкие соленые лужи морской воды.

А самые большие и глубокие остались и до сих пор под названием Каспийского и Аральского морей.

Внутри одной известковой горы нового материка затерялся маленький осколок белемнита, сдавленный со всех сторон плотным камнем.

Он пропитался известью и окаменел. Шли века бесконечной чередой и сменялись тысячелетиями. Выпадали на новый материк дожди из туч, занесенных ветром с моря.

Скоплялись озера и реки пресной воды.

Они не высыхали потому, что все время пополнялись проливными дождями.

А где появлялись реки и озера — там начинали расти трава и деревья. Их семена приносились ветром из отдаленных стран.

Прилетели птицы, но не те первоптицы, что охотились на белемнитов, а настоящие, покрытые перьями.

Первоптицы, ихтиозавры и белемниты давным давно все вымерли. От них и следа не осталось. Только кое-где, изредка, находят люди окаменелые кости и дивятся чудовищной их величине.

А суеверные дикари слагают сказки про великанов, живших в древние времена.

Широкая могучая река медленно катила свои воды в соленое море.

Ее берега заросли дремучими лесами, а в них поселились птицы и разный дикий зверь.

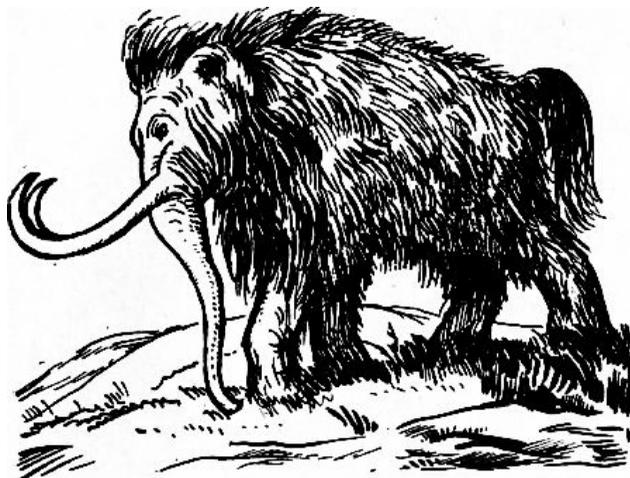
Огромный лось с зубчатыми рогами пробирался сквозь чащу на водопой.

На берегу, в каменной расщелине известковой горы, что когда то была на дне моря, поселился пещерный медведь.

В прибрежных камышах, хлюпая в вязкой трясине, переваливался с боку на бок свирепый носорог.

А в хвойных безбрежных лесах бродил могучий, косматый мамонт.

Он прочищал перед собой тропу к реке. С корнем выворачивал хоботом деревья и проламывал кривыми клыками заросли.

Вслед за мамонтом, озираясь на каждом шагу, крался человек, а рядом с ним его сын — мальчик.

За поясом человека торчало несколько каменных ножей, а в руке он сжимал деревянную рукоятку каменного топора.

Его бронзовое тело было прикрыто звериной шкурой.

Всклокоченные волосы связаны на затылке в пучок.

Длинная, спутанная борода, белые острые зубы и горящие, как уголья, глаза жадно и настойчиво смотрели вдаль из-под нависших, густых бровей.

Откуда взялся этот дикий, первобытный человек — нам неизвестно.

Уже несколько дней он шел по следу мамонта.

Питался по пути чем попало: лягушками, ящерицами и земляными червями.

Выкапывал съедобные корни.

Если же и этого не попадалось, то подтягивал живот покрепче сыромятным ремнем, чтоб как-нибудь обмануть голод и упорно шел вслед за зверем.

Это был первобытный, дикий человек, не умевший добывать огня.

Оружие его было сделано из камня и едва отесано.

Он вовсе не думал одолеть один на один грозного великана-мамонта, а просто выслеживал его, чтоб донести потом своему племени и сообща начать охоту за зверем.

Таков был план первобытного человека и он настойчиво шел по следу.

Он держался на таком расстоянии, чтоб зверь его не учуял.

Изредка останавливался и чутко прислушивался.

Глубоко втягивал ноздрями воздух и зорко всматривался вперед.

Мальчик следовал примеру отца и учился на деле охотничьему искусству.

Влажный ветерок пахнул в лицо человека и принес ему радостную весть.

В глазах дикаря промелькнул огонек торжества.

Наконец-то кончился его опасный длинный путь.

Влажный воздух предвещает близость воды и мамонт, конечно, поселится недалеко от нее.

К тому же кругом хвойный лес.

Молодая хвоя — любимое лакомство зверя.

Человек, крадучись, свернул с тропы.

Сделал большой обход и вышел на реку, около крутого, скалистого обрыва.

Красным заревом вечерней зари была залита западная сторона горизонта.

Верстах в полутора, на берегу реки, человек увидел едва заметную черную точку.

Она слегла колыхалась и двигалась.

Крепко стиснул дикарь рукоятку каменного топора.

Он радовался, что мамонт остался на берегу реки и на верное надолго.

Теперь он не уйдет от охотников.

Человек осторожно спустился с крутого обрыва известковой горы.

Отыскал небольшую расщелину и забрался в нее.

Здесь он решил переночевать, чтобы завтра, чуть свет, тронуться в обратный путь к своему племени и сообщить радостную весть о находке мамонта.

В расщелине было тесно для двоих, но зато сухо и никто не мог напасть врасплох.

Человек подобрал под себя ноги и укрылся шкурой.

Под голову положил каменный топор и заснул.

Ему снилось, как он приведет сюда воинов своего племени.

Они выроют глубокую яму на тропе, расчищенной мамонтом.

Ничего не чуя, зверь пойдет по ней на водопой и провалится в яму.

А, может быть, его нарочно пугнут, если захочет старшина племени, самый старый и опытный охотник.

Самое важное, чтоб мамонт попался в яму.

Тут уж его одолеют люди.

С гамом и гиканьем налетят они на яму. Окружат ее со всех сторон.

Градом посыпятся в мамонта глыбы камней, колья и что попало.

Когда вырвется из груди великана предсмертный рев и беспомощно осядет туша в глубь ямы, тогда начнется пир.

Заработают каменные топоры и ножи.

Лучшие куски съест старшина племени. Затем воины наедятся до одурения сырого, теплого мяса. Напьются горячей крови.

Потом женщины, дети и старики.

Старикам можно и не давать. Они пользы не приносят, а только лишние рты в племени.

Впрочем, мяса будет много.

Его хватит надолго всему племени.

А когда выйдет — опять пойдут на охоту.

Опять начнут подтягивать животы, пока не посчастливится. И так всю жизнь.

Сильный порыв холодного ветра прервал приятный сон голодного первобытного человека.

Он выглянул из расщелины.

Небо сплошь заволокло грозowymi тучами.

Весь горизонт пылал от зарниц.

Доносились отдаленные, глухие раскаты грома.

Человек со страхом всматривался в ночную темь.

Он не знал, что такое молния и гром, но чувствовал, что надвигается что-то грозное и непостижимое.

Налетел шквал. Застонали и затрещали деревья. Каскадами полил проливной дождь.

Грохотала тьма, озаряемая вспышками молний.

Человек в ужасе прижался к стене расщелины, а мальчик уткнулся лицом в складки звериной шкуры.

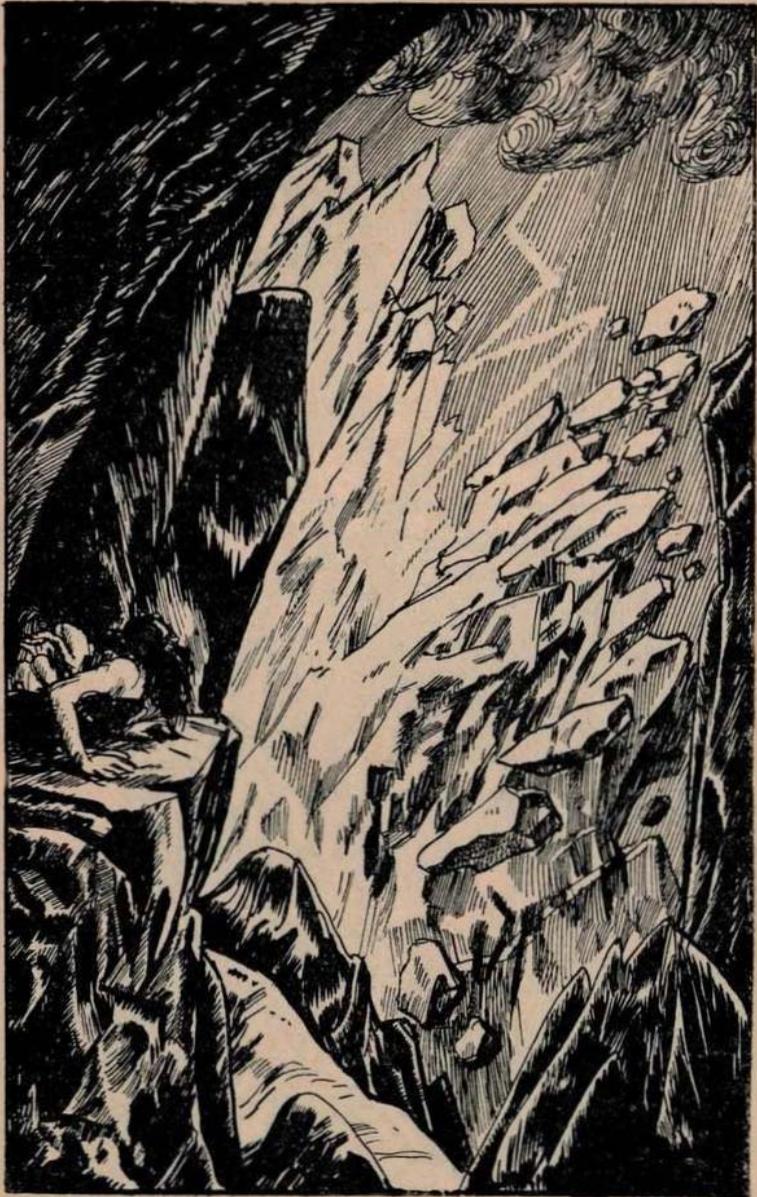
Вдруг яркий зигзаг прорезал тьму.

Он ударил в верхушку соседней скалы. Человек видел, как рассеклась она надвое и обрушилась вниз.

Дрогнула земля от потрясающего удара молнии.

После этого гроза стала быстро стихать. Тучи уносились вдаль. На небе засверкали звезды.

Долго стоял человек около стены, оглушенный.

В ушах у него звенело, а в глазах мерещилась огненная стрела.

Когда загорелась заря и выплыло из туманной дали лучезарное солнце, человек вышел из своего убежища.

Он пошел к разбитой скале, чтоб отыскать громовую стрелу.

И нашел ее под грудой обвалившихся камней.

Он радостно выхватил из-под них знакомый нам острый конец окаменелого белемнита.

Человек решил, что это и есть громовая стрела.

Он срубил топором крепкое, прямое дерево, счистил с него кору с сучками и насадил на него белемнит.

Получилось длинное, тяжелое копьё, с острым каменным наконечником.

Человек уже хотел пуститься в обратный путь, к своему племени, когда несколько мелких камешков скатилось к его ногам.

Он взглянул вверх и замер от ужаса.

Там стоял грозный, пещерный медведь с лобастой, косматой головой.

Их взгляды встретились.

И человек прочел мысли своего противника:

— Я голоден, — думал медведь.

— И я тоже, — подумал человек. — Поэтому согласен вступить в бой. Громовая стрела разбила каменную гору. Неужели она не уничтожит моего врага?

И потрясая в воздухе копьём, человек первый сделал шаг навстречу противнику.

Сердито заворчал медведь и поднялся на задние лапы во весь свой богатырский рост.

Человек с разбегу ударил копьём в грудь.

Удар был страшный.

Глубоко вошло древко. Пробило сердце и вонзилось в спинной хребет.

Рявкнул зверь и в предсмертной агонии облапил человека, не успевшего увернуться в сторону.

Хрустнули кости, и оба противника мертвые скатились с утеса в реку.

Там их затянуло зыбучими песками.

Покрыло сверху илом и засыпало камнями во время обвалов.

Так бы племя первобытных людей и не узнало, куда делся их храбрый воин, если бы не вернулся сын пропавшего.

Много дней мальчик блуждал по елсным дебрям. Днем шел, а по ночам спал на деревьях, чтобы не достали хищные звери.

Наконец попал на след своего племени. Отыскал его и рассказал воинам про виденную им реку, громовую стрелу и поединок отца с пещерным медведем.

Он навел их на след мамонта.

Им удалось его загнать в яму.

Целый месяц пировали охотники над тушей зверя.

Так справили первобытные люди тризну по погибшему воину.

Опять пошли бесконечной вереницей десятки, сотни и тысячи лет...

Креп понемногу разум человеческий.

Племена разрастались в многочисленные народы. Отвоевывали люди земли у зверей. Рубили леса. Строили деревни и города.

Прокладывали железные дороги сквозь непроходимые болота, леса и неприступные горы.

Бежали по рельсам стальные паровозы, оглашали свистками дебри, где когда-то ревел косматый их хозяин, мамонт.

Выдумали люди и настоящие громовые стрелы — пушки.

Все это было создано благодаря пытливому уму человеческому, при помощи научных знаний.

Если бы люди верили в чудеса и не пытались узнать правду, — то были бы и до сих пор дикарями.

Верили бы в чертей и громовые стрелы, а сами ходили бы пешком в звериных шкурах вместо того, чтоб ездить на поездах и одеваться в платье.

Так кончил свой рассказ учитель.

Мальчики помогли ему снести кость первобытного человека в школу.

Они не боялись теперь, что черт явится к ним за своим пальцем.

Они поняли, что наука говорит правду, а темный и суеверный дед Трофим ничего не знает.

И откуда ему знать, если он неграмотен и в школу никогда не ходил.

Ее ведь недавно в селе выстроили.

Н. Плавильщиков

БРОНТОЗАВР

Рис. Т. Лебедевой

60 коп.

Н. ПЛАВИЛЬЩИКОВ

БРОНТОЗАВР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1930

I. МИЛЛИОН ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Черное озеро

Лист, тихо кружась, упал на воду...

Иглы араукарий дрогнули и зазвенели на гибких ветвях...

Деревья чуть наклонились и снова выпрямились...

Едва заметны были розовые облака на горизонте. Солнце садилось.

В тинистой воде медленно поднимались большие пузыри. Они доплывали на поверхность воды, переливаясь красным, синим и желтым, и лопались. Мелкие круги разбегались от лопнувшего пузыря, бороздили воду и, сталкиваясь друг с другом, превращались в нежную рябь.

На смену лопнувшим пузырям поднимались все новые и новые.

Казалось — тинистая вода дышала.

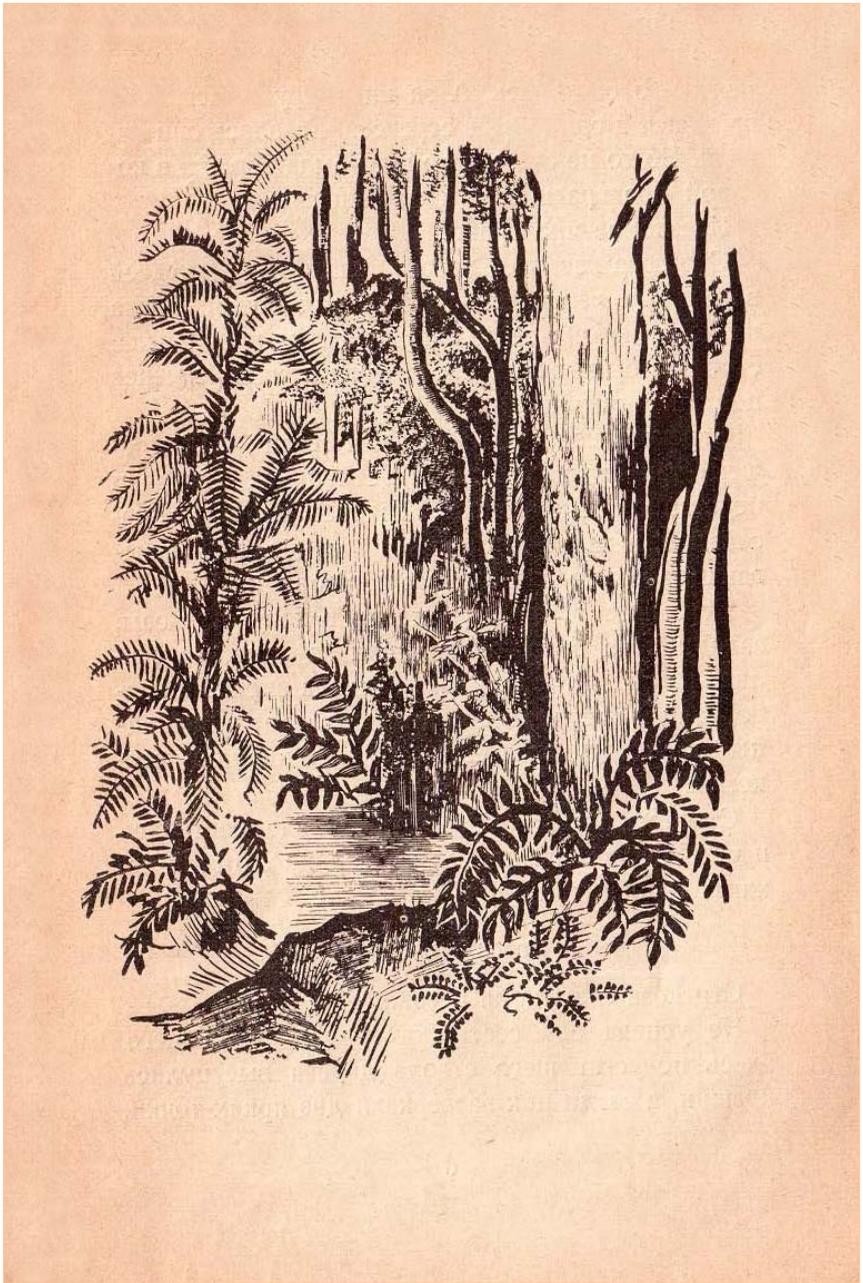
Толстый слой ила и отмерших частей растений устилал дно огромного болота-озера. В этой разлагающейся массе жили мириады бактерий брожения, и радужные пузыри, прорывавшие сонную гладь озера, говорили о непрерывной деятельности этих обитателей темного дна.

Высокие деревья отражались в черной воде. Их ветви свисали над заболоченным озером, странные двухдольчатые листья чуть шевелились на длинных черешках.

Ветер дул с озера и нес с собою запах гнили и тины.

В густых зарослях папоротников, хвощей и кустов было тихо. Ни одна птица не мелькала в зелено-бурых ветвях, ни одна бабочка не порхала в поисках за яркими и душистыми цветами, ни одна пчела не гудела в траве. Цветов не было — были только листья и ветви, только высокие стволы и ярко-рыжие лепешки лишайников на их темно-серой коре.

Лес молчал и казался спящим.

Стрекоза

Гигантская стрекоза, в полметра длиной, слетела с куста и понеслась над водой. Ее крылья громко шуршали, а на поворотах издавали резкий дребезжащий звук.

Пролетев над краем болота, стрекоза повернула и полетела обратно вдоль берега, поблескивая крыльями в лучах заходящего солнца.

С папоротника слетело большое насекомое. Стрекоза круто повернула...

Насекомое кружилось над водой, то поднимаясь, то опускаясь. А за ним — кружилась, поднималась и опускалась стрекоза. Казалось они играли. Но то не было игрой, то была борьба, в которой проигравший платил — жизнью.

Насекомое проиграло.

Стрекоза взвилась кверху, упала и — с добычей в сильных челюстях — уселась над водой. Ветка, на которую она села, чуть дрогнула и провисла: стрекоза была очень тяжелой, она весила не менее полукилограмма.

Стрекоза медленно жевала, и ее вид был страшен — так велики были челюсти и так быстро и неустанно они двигались. Казалось, что это не насекомое, а какая-то странная машина, перемалывающая что-то сказочными жерновами.

Огромные глаза охватывали голову стрекозы, заходили на бока, прикрывали затылок, спускались на лоб. Стрекоза сразу видела вправо и влево, назад и вперед, вверх и вниз. И этот чудовищный кругозор делал еще страшнее хищное насекомое.

Стрекоза жевала. Ее глаза тускло светились и чуть поблескивали в лучах солнца сотнями нежных граней.

Оторванная нога

Стрекоза слетела на песок...

Не успела она сесть, как из-под лежавшего здесь полу-сгнившего ствола дерева высунулись клешни, а сзади них засверкали две ярких точки.

Сухопутный краб устался своими стебельчатыми глазами на стрекозу. Он медленно высовывал голову из-под ствола и пристально глядел.

Его глаза были так блестящи, что казались не глазами, а кусочками стекла.

Стрекоза опустилась на песок.

Ее прозрачное слюдяное крыло прикоснулось к стволу дерева почти над входом в нору краба. Медленно высунулась голова, блеснули глаза, протянулась клешня...

Громко затрещав крыльями, рванулась стрекоза, схваченная за ногу. Она рванулась так сильно, что наполовину вытащила краба из его норки. Но клешня успела сжаться, нога стрекозы была захвачена крепкими тисками. Трещая крыльями, ярко сверкавшими в красных лучах солнца, стрекоза пыталась подняться на воздух, а краб не разжимал клешни и цеплялся членистыми ножками за кору ствола.

Вторая клешня раскрылась и протянулась к стрекозе. Но...

Насекомое порывисто взлетело, словно подброшенное на воздух.

В клешне краба остался обрывок ноги стрекозы. Клешня поднесла этот кусок ко рту, челюсти задвигались было, но тотчас же перестали жевать — роговой кусок был несъедобен.

Краб выронил ножку стрекозы и спрятался в норку.

Краб и скорпион

День шел к концу. Солнце почти скрылось там, на другом берегу озера, сев за рощу саговников. Их перистые листья теперь отчетливо выделялись на красном фоне заката. Изредка всплескивалась вода — рыба, играя, выбрасы-

вася из озера. Мелкие насекомые, похожие и на мух и на комаров сразу, закружились у прибрежных зарослей. В чаще папоротников кто-то прошуршал, под кем-то мягко хрустнули полусгнившие ветви.

Лес и озеро казались мертвыми — так было тихо...

Из-под камня, лежавшего невдалеке от норки краба, вылез большой скорпион. Он расставил клешни и высоко загнул над кольчатым телом длинное брюшко с ядовитым крючком на конце. Держа наготове свое оружие защиты и нападения, он проворно побегал по песку. Добежал до ствола дерева, побегал вдоль него.

Краб вылез из норки. Он услышал шорох, увидел бегущего скорпиона. Скорпион не был врагом, он был добычей. Краб расставил клешни и замер на месте...

Скорпион бежал и бежал вперед. Краб повернулся и быстрым прыжком — это был не прыжок, но иначе этого не назовешь — нагнал скорпиона. Тот остановился, и тотчас же клешня схватила его за ногу.

Ядовитый крючок замелькал в воздухе. Скорпион размахивал им, как цепом. Удар за ударом падали на краба. Но тонкий и острый крючок не мог пробить толстой брони краба. Яд не проникал в тело краба, и крохотные капельки его растекались по известковой скорлупе.

Крючок повис — краб крепко сжал кончик брюшка скорпиона, сжимал его все сильнее и сильнее. Тонкий панцирь скорпиона не выдержал — из места, прорезанного клешнями краба, выступили капельки мутной жидкости — скорпион был сильно ранен.

Много минут кружились по песку краб и скорпион. Все слабее и слабее отбивался скорпион, все сильнее и сильнее сжимал его клешнями краб. Конец брюшка скорпиона упал на песок — краб оторвал его.

Скорпион неуклюже заковылял, спасаясь от краба, но тот догнал его, схватил, и снова на песке закопошились два тела — круглое и длинное, мягкое и жесткое.

Наконец краб изловчился, схватил клешней переднюю часть туловища скорпиона, сдавил и уже не выпускал.

Он не ждал, пока скорпион умрет — в живого краб запустил свои челюсти и принялся жевать, сначала ноги, а потом и брюхо...

Эта битва не нарушила молчания ночи. И краб и скорпион были немые — они не издавали никаких звуков и сражались молча. Они дрались на песке, и ни треска, ни шороха не было слышно. Ночь молчала по-прежнему, и ее тишины не нарушил ни жалобный крик побежденного, ни торжествующий голос победителя.

На поверхности озера лопались пузыри...

Вспыхнул один пузырь, другой...

Над болотом заплясали огоньки, заметались из стороны в сторону, понеслись то к лесу, то от леса. Они прыгали и кружились, то вспыхивая десятками, то в одиночку. То сплетались в пестрые узоры, то исчезали. То быстро неслись по ветру, то медленно плыли, то замирали на месте.

Огоньки плясали над водой. И это было единственным движением, нарушавшим теперь мертвую неподвижность, охватившую мрачный болотистый лес.

II. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Яйцо лопнуло

На утренней заре на песчаном острове посреди болота раздался громкий треск. В невысокой траве, чуть прикрывавшей ярко-желтый песок, что-то зашевелилось.

Из треснувшей скорлупы огромного яйца высунулась небольшая серая головка на длинной шее. Моргнула глазами... Спряталась... Снова высунулась, испуганно заморгала, и — снова ушла в скорлупу.

Яйцо лежало не одно. Возле него было еще несколько яиц, сквозь редкую траву они казались большими белыми

камнями. Темная гора заслоняла яйца от солнца, поднявшегося над горизонтом.

Гора зашевелилась, тень дрогнула и передвинулась. Над горой поднялась длинная шея. Небольшая голова повернулась в одну сторону, в другую... Пасть раскрылась, животное протяжно зевнуло.

И тут же, оборвав зевок, оно взглянуло вниз, круто изогнув шею. Там, внизу, где тень покрывала песок, снова раздался треск. Еще одно яйцо лопнуло, еще из одной трещины на миг высунулась небольшая головка.

Теперь растрескалось уже несколько яиц. Из нескольких яиц высовывались и прятались головки на длинных шеях.

Яйцо развалилось. Скорлупки рассыпались в стороны, словно лепестки внезапно распустившегося цветка. И в середине остался — он.

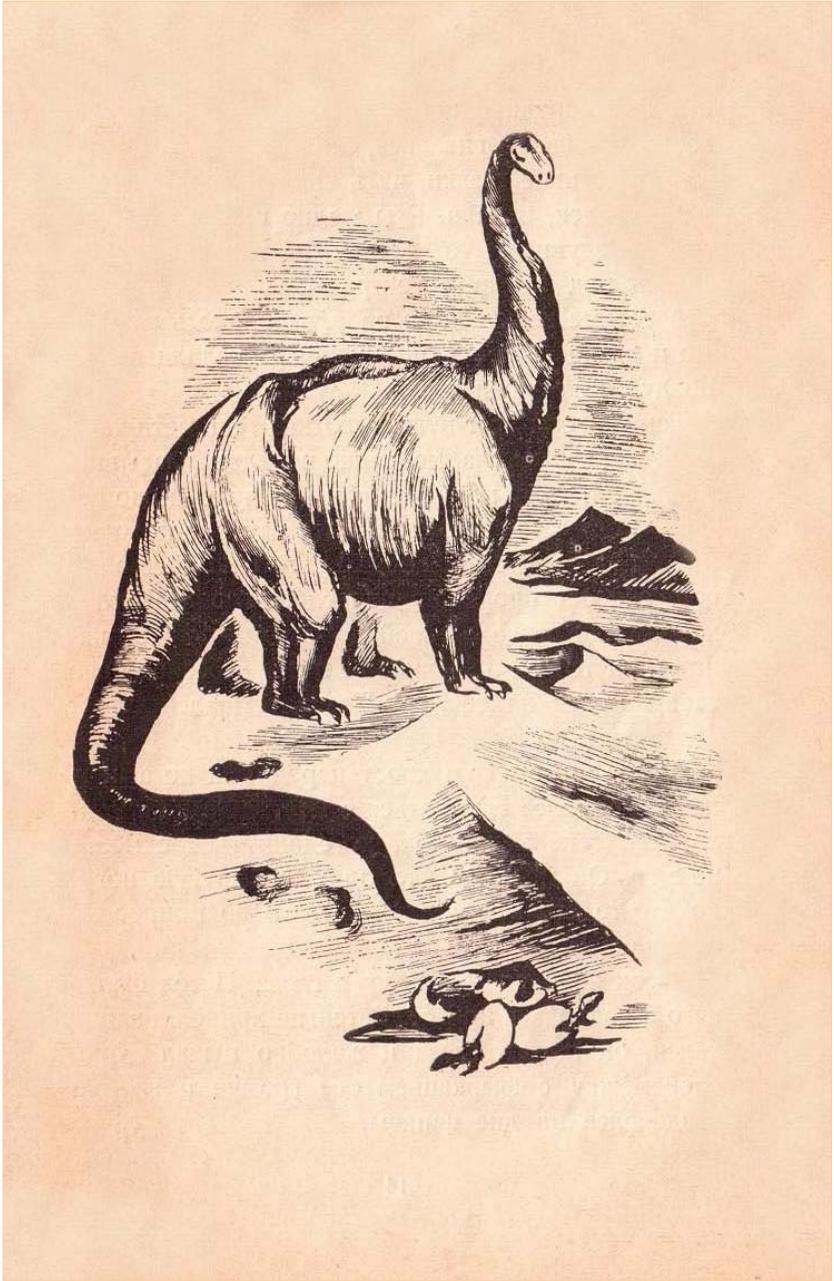
Испуганный внезапным простором, светом и легким ветерком, он прижался к песку, как бы ища тех спасительных скорлуп, которые его так предательски покинули. От его движений скорлупки раздвинулись еще шире, и детеныш оказался совсем неприкрытым. Тогда он приподнял голову, шевельнулся, вытянул шею и вдруг сразу встал на ноги. Среди белевших на песке скорлуп он казался почти черным и очень неуклюжим.

Темная гора чуть сдвинулась с места. И тотчас же лучи солнца — словно они только этого и дожидались — заиграли в траве. Солнце грело детеныша, яркие пятнышки прыгали по его бокам и спине, перескакивали со скорлупы на песок, с песка на траву.

Еще одна скорлупка развалилась, еще один сказочный цветок раскрыл свои лепестки, и еще один детеныш припал к песку.

На песке, возле темной горы, теперь виднелось несколько маленьких холмиков среди белых скорлуп.

Это было потомство бронтозавра.

Дети бронтозавра

Тень, лежавшая на песке, становилась короче и короче. Скоро она стала совсем короткой. Солнце поднялось высоко, оно стояло теперь выше спины бронтозавра, оно поднялось над темной горой. Теперь лучи его падали почти отвесно. Они уже не ласкали, не нежили, они — жгли и кололи.

Среди скорлупок началось движение. Один за другим поднялись серые холмики, вытянулись длинные шеи, легли на песке длинные хвосты.

Детеныши были очень неуклюжи. Их ноги были слабы, а длинные хвосты — тяжелы. Голова никак не хотела держаться на длинной шее и упорно склонялась к земле. Зато хвост был послушен — как ему и полагается, он тащился за туловищем.

Они спотыкались и переваливались с боку на бок. Они то припадали на передние ноги, и тогда их шеи далеко вытягивались вперед, а головки ложились на песок; то приседали на задние и тогда передние ноги беспомощно повисали в воздухе, а шея извивалась, словно ища точки опоры. Маленькие глазки, чуть видневшиеся в узкие прорезы век, мигали. Рты жадно глотали воздух. Слабые звуки, не то сопенье, не то хрип, раздавались над песчаным островком.

А солнце катилось по небу, забиралось все выше и выше. Его отвесные лучи раскалили песок. Воздух стал зноен и сух.

Темная гора дрогнула. Короткая тень метнулась по песку, запрыгала, медленно передвинулась вперед. Бронтозавр поднялся. Он был чудовищно велик. Он был так громоздок, что даже не походил на животное. Его ноги тяжело вдавливались в песок, а хвост прорыл в нем глубокую канаву. И когда один из детенышей доковылял до этой канавы, он тотчас же свалился в нее и беспомощно забарахтался на ее дне. Песок осыпался, хвост путался в песке, путался меж ногами.

Детеныш встал на хвост передними ногами и, пыхтя, пытался сдвинуться с места. Он не проваливался теперь в песок, но сдвинуться с места не мог. Он поднимал то одну, то другую ногу, но что-то его не пускало. Он словно прирос ко дну канавы.

Песок набился детенышу в глаза. Песок был у него в ноздрях и во рту. Детеныш хрипел и задыхался, он шурил глаза и жалобно мычал. Хрип попеременно с фырканием все громче и громче раздавался на дне канавы.

Другой детеныш свалился в яму — след ноги матери. Он так завяз в ней, что не мог даже пошевелиться. Детеныш чуть ворочался в яме, так плотно обхватил его желтый песок. Он ворочался до тех пор, пока не осыпались края ямы. Только тогда, кое-как цепляясь неуклюжими ногами, он выбрался наружу и тут же чуть было не свалился в соседнюю яму. Их в песке было много.

Пыль окутала островок. А над этой пылью, среди хрипа и возни, молча и мрачно возвышалась темная гора — мать.

Вперед!

Эта возня продолжалась очень долго. Песочная пыль, поднятая детенышами, все гуще и гуще окутывала бронтозавров. И мать не выдержала пыли и зноя. Ветерок, донесшийся с болота, принес с собой не только запах гнили и тины. Он принес влагу и прохладу. И, словно вспомнив, что есть болота и озера, мать шевельнулась, подняла ногу, другую и двинулась вперед.

Она шла прямо, не глядя под ноги. Ей, такой большой и тяжелой, не были знакомы преграды на пути. Деревья были для нее травой, кустарником. Она сметала их в стороны, даже не вздрагивая, когда наталкивалась на них на всем ходу грудью или тяжело задевала их боком. Ствол отлетал в сторону, словно подхваченная вихрем соломинка.

Так бывало в лесу. А здесь, на песчаном острове, — кто мог здесь встать на ее пути?

Земля глухо дрожала под поступью чудовища, уродливо-большая тень прыгала по песку. Далеко впереди горы-туловища виднелась крохотная головка на вытянутой шее. Тяжело волочился по песку длинный и толстый, как огромное бревно, хвост.

За ней ковыляли детеныши. Мать не звала их с собой, не дожидалась. Она даже не соразмеряла своих шагов с их шажками. Она шла. Что и кто сзади нее — это ее совсем не интересовало. И меньше всего ее интересовали ее собственные детеныши.

Только раз она остановилась и прислушалась. Там, позади, громко затрещали заросли, оттуда донесся шум борьбы, и хриплые крики прорезали воздух. Мать остановилась, протянула шею в небо. словно с вершины сторожевой башни смотрели вдаль небольшие глазки.

Мать стояла и слушала. А детеныши, ковыляя и спотыкаясь, падая и снова вставая, обогнали ее. Они не остановились, не оглянулись на мать. Они прошли дальше, словно то была не мать, а гора, холм.

Мать снова шагнула. И первый же ее шаг стоил жизни одному из детенышей — ведь она не смотрела себе под ноги. Нога-колонна тяжело опустилась на детеныша и вдавила его в песок. Когда мать прошла, — даже не заметив случившегося, даже не почувствовав, что она на что-то наступила, — так ничтожен был детеныш по сравнению с ней, — в песке осталась яма, чуть влажная и грязноватая. Детеныш исчез.

У воды

Далеко впереди блеснула вода. Высокий кустарник, отдельные папоротники и заросли хвощей окаймляли озеро и болото. Туман висел над озером, и сквозь этот туман тускло поблескивала грязная вода, покрытая тиной и водорослями. Высокие, словно бамбуки, хвощи торчали из воды, большие зеленые листья неподвижными лепешками

лежали на ее сонной глади. Вдали, далеко-далеко от берега смутно виднелись над водой черные холмы.

Под ногами бронтозавра захлюпала болотистая почва. Ноги все глубже уходили в нее, он вытаскивал их с громким чмоканьем, брызгая илом и грязью. Огромные ямы оставались на следу бронтозавра, и в них тут же просачивалась вода.

Вытягивая вперед шеи, тыкаясь головками то в траву, то в кочки, то в ямы с водой, детеныши не то шли, не то ползли по трясине.

Вода... Бронтозавр вытянул шею, высоко поднял голову и на миг остановился. Он обвел тусклыми глазами горизонт и отвернулся. Взглянул на воду, повернул голову и глянул себе за спину, изогнув шею. А потом протяжно и громко заскрипел. И тотчас же на этот густой и ржавый скрип донесся ответ. Он несся от воды, от тех черных холмов, что виднелись вдали, среди зеленых листьев водяных растений.

Черные холмы зашевелились, приподнялись над водой. Длинные шеи вытянулись в сторону берега. Ржавый скрип еще раз пронесся над озером и болотом. А потом шеи опустились, холмы погрузились в воду, и снова стало тихо.

На озере паслось целое стадо бронтозавров.

Бронтозавр двинулся вперед. Ни на минуту не замедляя поступи, он вошел в озеро. Волны побежали по воде. Казалось, что все озеро выплеснется на берег — так велико было чудовище, вошедшее в воду.

Вода поднялась, залила бронтозавра до спины. Словно остров, подымался он теперь над грязной водой. Хвоста видно не было, но позади бронтозавра вода бурлила и кипела, разбегаясь двумя большими валами. Это хвост волочился по дну, вздымая ил и тину.

Первая еда

Детеныши, подойдя к воде, попятнулись. Одного из них

залило волной, и он отряхивался, подергивая хвостом. Другой упал, волна перекатилась через него, перевернула его, положила на бок. Волны, поднятые бронтозавром, остановили детенышей. Они не испугались, они просто не могли устоять на ногах. Волны сшибали их на мох, перекатывались через их тела. И только когда мать отошла далеко от берега и волны улеглись, детеныши осмелели. Вытянув шеи, они опустили головы к воде. Поднялись, огляделись узенькими глазками, снова пригнулись...

Трава, росшая у берега, щекотала их морды, попадала в глаза, лезла в ноздри. Детеныш фыркнул, и словно нарочно — трава попала в раскрытый рот.

Этого было достаточно.

Губы сжались, мышцы напряглись, челюсть дрогнула. Детеныш передвинул челюсть и зажевал. Он не умел, да и не мог жевать толком, он шевелил челюстью, тер одной губой о другую. Трава не разжевывалась, она только мялась во рту. А потом, когда челюсть устала, детеныш натужился и проглотил траву. Он задергал шей, когда по пищеводу проходил непрожеванный комок, вздрогнул и тотчас же потянулся за новым пучком травы.

Челюсти жевали, губы хватали траву. Не входя в воду, детеныши ели.

Трава была жестка. Водоросли были гораздо сочнее. Но детеныши не знали, что водяные растения мягче и вкусней, и жевали невкусную и жесткую болотную траву, царявавшую им рты.

Холодно...

Солнце давно уже перешло на запад. Тени сгустились. Откуда-то донесся громкий рев, всполошивший бронтозавров, — над озером сразу поднялось до десятка голов на длинных шеях.

Рев испугал детенышей. Мгновенно прижались они ко мху, вытянули шеи и пригнули головы. Рев кончился, а

детеныши продолжали лежать. Потом поднялся один, другой...

От озера повеяло холодком, туман еще гуще окутал его и скрыл в своей белесой пелене черные холмы далеких бронтозавров. Еще быстрее залетали над озером стрекозы, заплескалась вода — рыбы выпрыгивали из нее, пытаясь схватить кружившихся над водой насекомых.

В зарослях хвощей завозились большие болотные черепахи, чмокала тина и чуть шелестели папоротники.

Детеныши начали зябнуть.

Их сердца бились слабо. Тепла в их теле вырабатывалось мало, его не хватало на то, чтобы прогреть всю эту гору мяса и костей. Солнце, которое грело их днем, исчезло. Вместо него показалась бледная луна. Она слабо светила и совсем не грела.

Детеныши зябли...

Но они не дрожали от холода, они просто становились все менее и менее подвижными. Они давно уже перестали жевать, перестали бродить по трясине. Остановились... И, наконец, прижались ко мху, такому сырому, сбились в кучу. Легкая тень легла на мох от этой кучи, а луна чуть играла на влажных, покрытых росой спинах.

Ночь

На озере далеко от берега стояли в воде взрослые бронтозавры. И им было холодно, и они коченели. Но в воде было теплее, чем на суше. Их не охватывал пронизывающий туман ночи — они были в воде. Их чудовищно большие тела не сразу отдавали накопленное за день солнечное тепло. Они спрятали в воду шеи, и только головы виднелись поверх воды.

Бронтозавры не спали, но они и не двигались. Чуть вырывался из ноздрей тепловатый пар, и только поэтому можно было догадаться, что бронтозавры живы.

Ночь, прохладная и сырая, была для них чем-то вроде временной смерти. Каждую ночь они погружались в оцепенение, каждую ночь утрачивали подвижность. Они не могли даже раскрыть глаз — настолько ослабевали их мышцы. И если они не тонули, не спускались на дно озера, то только потому, что их тела поддерживали четыре массивных ноги и тяжелый хвост. Подпертые этими ногами и хвостом, они стояли на дне озера так крепко, словно вросли в него.

Большая саламандра вылезла из воды. Взобравшись по хвосту бронтозавра, она поднялась ему на спину и пристроилась на бугре, выдававшемся из воды.

Стрекоза полетела к саламандре, повисла над ней в воздухе. Саламандра резко повернулась, подняла голову. Стрекоза шевельнула крыльями и улетела к берегу. Мошкара кружилась над листьями водяных растений.

Бронтозавры неподвижно стояли в озере.

Только заря могла разбудить их, вывести из оцепенения, сделать снова сильными, не знающими преград и препятствий. В солнечном тепле была их жизнь. Нет солнца — нет тепла — нет жизни.

Детеныши неподвижной кучей лежали на мху. По ним бегали какие-то небольшие животные, ползали жуки. Около них проползали черепахи, на них садились стрекозы.

III. ВОДА – СПАСЕНИЕ!

Пора завтракать

Солнце поднялось во всем своем блеске.

Оно катилось над озером, разгоняя клочья тумана. Оно катилось над трясинной, забираясь в тину и осушая небольшие лужицы. Оно принесло с собой радость утра и тепло.

Вода озера казалась теперь не такой тяжелой и грязной. Солнечные лучи заискрились среди островков и кочек трясины, серебристыми полосами легли на зарослях хвощей, ярко заиграли на больших зеленых листьях водяных растений.

Заря разбудила озеро и болото.

Стало тепло, и бронтозавры зашевелились. Приподняли головы, вытянули шеи, лениво переступили затекшими за ночь ногами.

Солнце грело все — воду, трясины, воздух, бронтозавров.

И чем быстрее текла кровь в их телах, пригретых солнцем, тем сильнее хотелось бронтозаврам есть. Они всегда ели много. Ели лениво, не торопясь, но — почти весь день. Огромное тело требовало много пищи. По утрам же голод был особенно силен.

Бронтозавры медленно двинулись вперед.

На том месте, где они провели ночь, есть было почти нечего — все было съедено вчера. Вразброд, как попало, но они двигались в одну и ту же сторону. Они шли туда, где на воде виднелись ярко-зеленые листья растений, такие веселые в солнечных пятнах и лучах.

Волны побежали по озеру, сталкиваясь и образуя водовороты. Хвощи у далекого берега закачали своими верхушками, зеленые листья запрыгали по воде. Ил, взрытый хвостами, клубами поднялся со дна и замутил воду.

Мегалозавр

Бронтозавры на ходу опускали голову глубоко под воду. Их длинные шеи скрывались тогда в воде почти до самых плеч. Там, на дне, росли водоросли. Они были сочны и нежны, и хотя в них было больше воды, чем твердого вещества, бронтозавры ели их очень охотно.

Но еда не поглощала их внимания целиком. Они то и дело останавливались, приподнимали головы, вытягивали

шей, присматривались и прислушивались. Они словно чего-то ждали, кого-то боялись.

Громкий треск раздался вдали, в роще цикадей. И тотчас же бронтозавры повернули головы в сторону шума. Треск становился все громче и громче. Качнулась одна из цикадей, склонилась, исчезла в зеленой чаще. Качнулась и исчезла другая...

Через рощу ломилось какое-то животное.

На берегу озера появилась массивная фигура. Бронтозавры взглянули на нее и — словно по команде — отвернулись. Это был только бронтозавр.

«Свой»...

Выйдя из леса, бронтозавр остановился. Из чащи доносились какие-то звуки. Они были смутны, в них смешивался и шорох ветвей, и треск кустарников, и шаги какого-то животного.

Бронтозавр поспешно зашагал по болоту. Подойдя к воде, он громко заскрипел. С воды донесся ответный скрип. И тотчас же грузное тело вошло в воду, волны ударились о берег и покатались, ломая хвощи, по болоту.

Кусты громко затрещали, раздвинулись.

Из леса на опушку выскочило огромное неуклюжее животное. Оно мчалось уродливыми прыжками. Его задние ноги были очень длинные, а передние короткие. Длинный и толстый хвост подпирал сзади туловище, и животное, отталкиваясь им и задними ногами, прыгало вперед на несколько десятков метров сразу.

Мегалозавр поглядел на озеро, увидел вдали бронтозавра и замер. Скакнул, ощерил страшные острые зубы и снова замер. Гора мяса манила его, но — мясо было недоступно.

Прыжок, другой, и мегалозавр скрылся в кустах.

В кустах добычи не оказалось. Хищник запрывгал дальше, вдоль лесной опушки. Он прыгал все быстрее, его прыжки становились длинней и длинней. Скоро болото и озеро остались далеко позади. Впереди — заросли, за ними — луг. Мегалозавр сунулся было в заросли, но они были очень густы. Тогда он запрывгал вдоль зарослей, поглядывая по

сторонам и ища прохода сквозь разросшиеся непроходимой стеной папоротники.

На лугу

На опушке зарослей древовидных папоротников паслось несколько животных. Они стояли на задних ногах, опираясь на длинные и толстые хвосты, пригибали передними короткими лапами ваи папоротников и обгладывали их. Они ели спокойно и не торопясь, словно ни один враг не угрожал их благополучию. Опасностей и врагов для них как будто не существовало.

Объев один папоротник, игуанодонт огляделся и лениво скакнул, чуть упершись хвостом в землю. У следующего папоротника он остановился, вытянул передние лапы, схватил ими ваю папоротника, пригнул ее и потащил в рот.

...Вдали на лугу ярко сверкали в лучах солнца гребни двух стегозавров. Невысокие и неуклюжие, они были страшны на вид. Ряд больших треугольных пластинок высоким гребнем поднимался на их спине, а хвост был усажен длинными и толстыми шипами. Они походили на причудливую смесь свиньи, дикобраза и сказочного дракона.

Стегозавры громко чавкали, поедая сочную траву.

Наевшись, они уселись друг против друга. Они били один другого передними лапами в грудь. Били так сильно, что костяные пластинки, прикрывавшие грудь, громко гудели. Но то не было дракой, нет. То самец ухаживал за самкой.

Мегалозавр показался вдали, среди зарослей. Он увидел добычу и скрылся в кустах. Игуанодонты не видели хищника, но когда тот начал продираться сквозь заросли, они слышали треск.

Игуанодонты насторожились и перестали есть. Сидя на хвосте и задних ногах, они прислушивались и напряженно вглядывались вдаль.

Вдали ничего видно не было, но кусты трещали, слышался не то крик, не то громкое сопенье.

Один из игуанодонтов не выдержал — напряжение было слишком велико. И как только кусты затрещали особенно сильно, он выпрямился, оттолкнулся от земли и быстрыми прыжками понесся вдоль опушки. Вид бегущего испугал остальных игуанодонтов. Один за другим помчались они по опушке и скоро скрылись в зарослях цикадей.

Удачная охота

Стегозавры так увлеклись своим занятием, что ничего не замечали. Они не заметили, как промчались по опушке игуанодонты. Они не услышали шороха кустов и папоротников. Они не услышали громкого топота...

А папоротники все сильнее и сильнее раскачивали своими верхушками, вздрагивали ваями. Кусты шелестели, трещали сухие ветви, слышалось сопенье.

— Гу-ууууууу... — гудела грудь от удара.

— Гу-ууууууу... — отвечала ей другая.

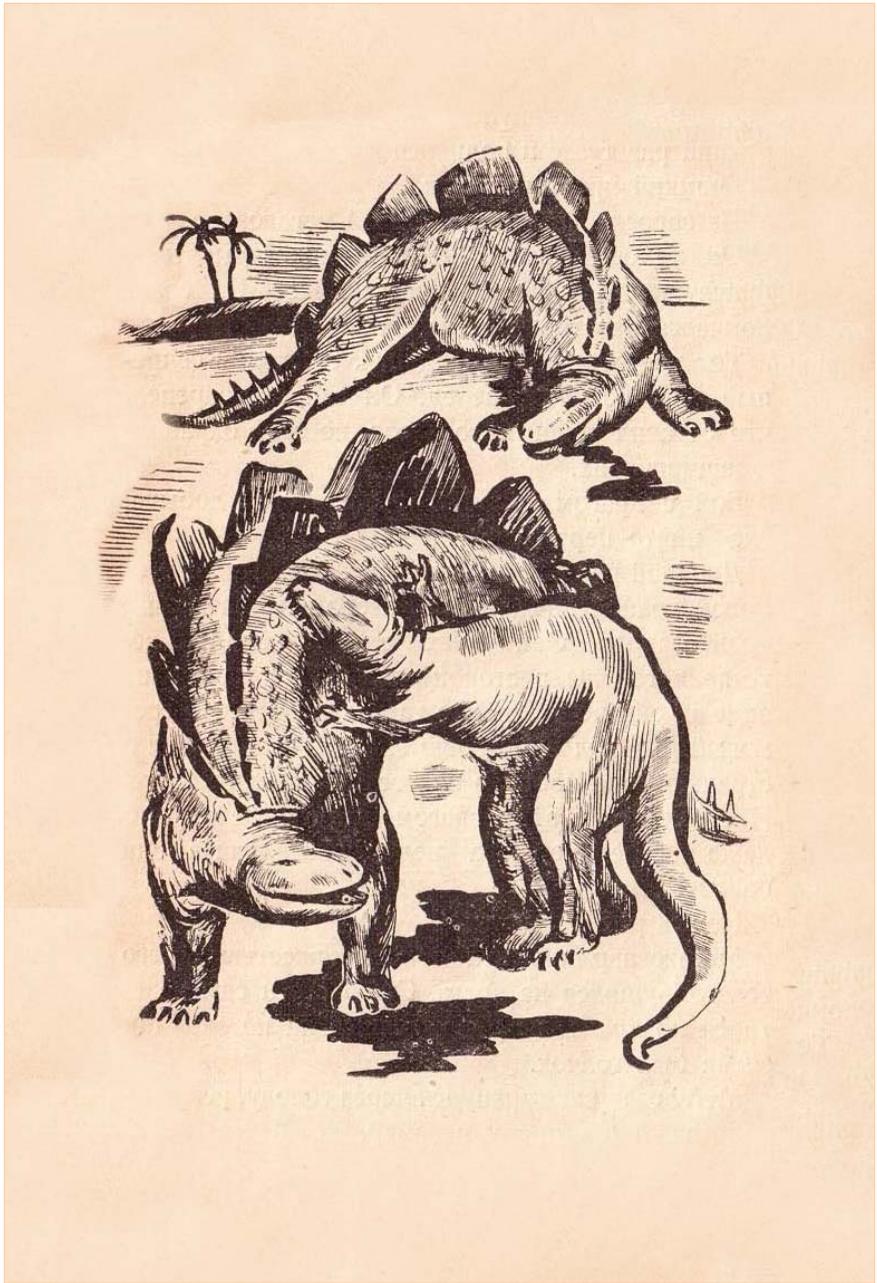
Из-за кустов выскочил мегалозавр. Он не стал подкрадываться, а помчался открыто, не прячась.

Прыжок, другой, и он — рядом.

Только теперь очнулись стегозавры, услышали шум и топот и почувляли беду. Они вздрогнули, шевельнулись... Было поздно.

Самец не успел отскочить от самки, самка не успела опуститься на передние ноги. Мегалозавр обхватил их обоих сразу своими передними лапами. Это объятие было крепко, очень крепко. Костяные грудные пластинки затрещали — так сдавил добычу мегалозавр.

Громкий рев хищника, торжествующего победу, прорезал воздух, пронесся над лугом, прокатился по лесу, отозвался на болоте. Эхо повторило его, понесло дальше и дальше. Все кругом слышали этот рев, все узнали, что мегалозавр вышел на охоту. И все насторожились.

Жалобное мычание было ответом мегалозавру. Мычание оборвалось — самец-стегозавр не успел дотянуть последней ноты. Самка не замычала совсем — так крепко придавил ее хищник к груди самца. Она умирала молча.

Мегалозавр разжал лапы, и оба стегозавра повалились на траву. Они были еще живы, но бежать, сопротивляться не могли. Их ноги чуть дергались, чуть ерошились длинные шипы на хвосте, пена, смешанная с кровью, выступила изо рта.

Клыки хищника сверкнули и врезались в добычу. Мегалозавр рвал стегозавра, отрывал от его тела большие куски и глотал их, почти не жуя. Он отшвырнул в сторону большой костяной треугольник из спинного гребня стегозавра, взвизгнул, напоровшись на острый хвостовой шип, и продолжал жадно есть.

Два хищника

Высоко над землей ветер нес тучи. Внизу, над лугом, воздух неподвижно висел, знойный и пряный. Пахло травой и чуть-чуть мускусом. Это был запах мегалозавра.

Из папоротниковых зарослей донесся шорох... Еще... Еще...

Мегалозавр оглянулся, торопливо рванул в последний раз тушу и поднялся на ноги.

Громкий яростный крик...

Из зарослей выскочил второй мегалозавр.

Он не остановился, не стал приглядываться, прислушиваться, примериваться. Нет! Он сразу помчался навстречу противнику.

Тот не дожидался нападения. Смелый и свирепый, он бросился вперед. Он так рассвирепел, что оставил туши стегозавров, не стал охранять и защищать их.

Бой с врагом — дороже всего. Даже добыча, еда — ничто перед сражением.

Двойной рев раздался на лугу. Прокатился громовой волной над далеким озером и всполошил бронтозавров. Они долго стояли неподвижно, уставив головы в сторону луга. Они ничего не видели, они не знали, что там случилось. Но громовый рев был им хорошо знаком. Он говорил о страшной опасности, о близости свирепого врага. И страх перед этим врагом был так велик, что даже посередине озера — недоступные врагу — они боялись.

Новый рев...

Мегалозавр прыгнул и всей тяжестью своего тела обрушился на врага. Сшиб его и сам покатился по траве, не удержавшись на ногах, — так силен был толчок.

Мегалозавр кувыркнулся через голову, вскочил, отпрыгнул в сторону и замер.

Нападавший поднялся, оглянулся и сразу же прыгнул. Он не рассчитывал прыжка, а просто прыгнул вперед. И снова, — пролетев с десятков метров по воздуху, — опустился на землю около врага. На этот раз он не промахнулся — еще на лету вцепился клыками в шею мегалозавра и сжал челюсти.

Удар хвоста, и оба покатались по траве. Передние лапы мегалозавра били по воздуху, царапали кожу врага. Острые когти прорезали кожу, кровавые полосы легли на боках и груди нападавшего. Тяжелыми каплями повисла кровь.

Новый удар, теперь в живот. Враг откинулся назад, но зубов не разжал. Он ответил на удар — распорол когтями бок мегалозавру. И тут же поскользнулся, свалился на бок и открыл врагу сразу и грудь и горло.

Нога уперлась в живот, другая поднялась, ударила, рванула...

Зубы нападавшего разжались, он выпустил шею мегалозавра.

«Мегалозавр – смерть!»

Враг опрокинулся, упал на спину. Его ноги били по воздуху, хвост извивался в траве. Из раскрытой пасти текли слюна и кровь, выпущенные кишки волочились, путаясь, по траве. Глаза тускнели, но силы еще были — он корчился в траве, пытаясь встать на ноги, ответить противнику новыми и новыми ударами.

Поздно...

Хрип, струйка крови... В последний раз судорожно взмахнул хвост, запутался концом в кишках, рванулся, потащил кишки за собой. Хвост так и остался полусогнутым, опутанным бурыми петлями кишок.

Мегалозавр вскочил. Он взглянул на врага и снова бросился на него, снова запустил зубы ему в горло.

Он так рассвирепел, что даже неподвижность врага не могла ослабить его ярости. И он продолжал рвать, грызть и кусать врага, терзал его лапами и таскал по траве до тех пор, пока тело врага не превратилось в бесформенную груду красных и бурых лохмотьев.

Только теперь мегалозавр успокоился.

Он встал на задние ноги, уперся в землю хвостом и оглянулся. Вдали на лугу виднелись туши стегозавров.

Ярость сменилась голодом — мегалозавр помчался к стегозаврам.

Через час он доел и вторую тушу. Он был сыт; кровь, разогретая борьбой и солнцем, быстро текла по телу, сердце билось резко и часто. Подвижной и сильный, неуклюжий и в то же время ловкий, он большими прыжками понесся по лугу, поглядывая по сторонам и время от времени издавая негромкие хриплые звуки. И те, кто слышали этот хрип, оглядывались, приподнимали головы и поспешно бежали в сторону.

Лес и луг, болото и озеро знали мегалозавра. Это был страшный враг.

«Это — смерть», — могли бы сказать животные, если бы они умели говорить и знали, что есть на свете смерть. Они

молчали, они были немые, они не знали слова «смерть». Но они бежали от мегалозавра со всей скоростью, на которую были способны. И этот безумный бег, этот ужас, который вселял в них рев мегалозавра, говорил лучше всяких слов:

«Мегалозавр – смерть».

«Вода – спасенье!»

Стадо игуанодонтов, спугнутых с опушки мегалозавром, помчалось по лугу. Они бежали долго, и едва оставились, как до них донесся двойной рев — на лугу началась драка между мегалозаврами. Снова помчались игуанодонты, прыгая через невысокие кусты и рытвины, огибая сплошные заросли папоротников.

Пробежав вдоль опушки леса цикадей, саговников и араукарий, они выбежали на окраину болота. Новый рев подогнал их, и они, перепуганные ревом и охваченные непреодолимым стремлением бежать, снова помчались вперед. Они бежали до тех пор, пока перед ними не засветилась вода болота, а под ногами не захлюпала грязь.

Ноги вязли, хвост тонул в грязи и не давал нужного для прыжка толчка. Болото и трясина остановили игуанодонтов.

И тут же они натолкнулись на молоденьких бронтозавров, со вчерашнего дня еще не покинувших болото.

Пригретые солнцем детеныши вперевалку бродили по трясине, скусывая траву, протягивая к воде шеи и кое-как вылавливая из воды водоросли. Они были совсем молоды — и звуки леса и луга, шум болота и озера еще не были им знакомы. Но громкий звук испугал их своей силой.

Услышав топот и хлюпанье, услышав прерывистое дыхание и хрип, они побежали к воде.

Они не знали воды, они не знали, что в воде — спасенье. Они побежали к ней потому, что шум шел сзади, а вода была впереди. Шум приближался, приближалась и

вода. И вот впереди вода, а сзади — сзади все нарастал и нарастал шум.

Вдруг, как от резкого толчка, проснулся дремавший инстинкт.

«Вода — спасенье!»

Детеныши не остановились на берегу озера, вошли в воду. Побрели по воде, уходя все дальше и дальше от берега. Волны чуть плеснулись — бронтозавры были еще очень малы.

Игуанодонты не были врагами бронтозавров, но детеныши не знали этого. Они ничего еще не знали. Весь их житейский опыт пока сводился к одному: они умели кое-как жевать траву. И страшные чудовища, прыгавшие по болоту, перепугали их.

Бронтозавры замерли в воде. Они было попрятали под воду даже головы, но задохнулись и высунули их из воды. Зато шеи они опустили в воду до самого затылка.

А с трясины неслошь хлюпанье, чмоканье грязи, слышался хрип и громкое сопенье. Один из игуанодонтов громко замычал. И тотчас же головки спрятались в воду и долго-долго не показывались оттуда.

В этой встрече бронтозавров с игуанодонтами была хорошая сторона — детеныши пошли в воду. Им понравилось в воде, они уже не вышли в тот день на берег. И на ночь они остались в озере, подняв над водой — подобно взрослым — головы, и всю ночь простояли, опершись на длинные хвосты.

IV. ОЗЕРО ВЫСОХЛО

Они растут

Много кругов на небе описала луна.

Много раз показывалось на востоке, катилось по небу и пряталось на западе солнце.

Много раз на смену длинным дням и коротким ночам приходили короткие дни и длинные ночи.

Много раз сменили свои вай папоротники, и много раз роняли араукарии одряхлевшие иглы.

Много раз линяла саламандра, и много раз над озером кружились в воздухе только что появившиеся на свет мухи и комары.

Прошло несколько лет. Лет однообразных и монотонных, без белых хлопьев зимы, без радостной весны и мутной осени. Не было и лета. Только разница в длине дней говорила о смене времен года.

Детеныши бронтозавра понемножку росли.

Быть может, они росли бы скорее, если бы ели побольше. Но озеро, на котором они жили, было для них слишком глубоко. Только у самого берега они могли бродить в воде и кормиться.

Они ели подряд все — водоросли, траву, нежные побеги молодых хвощей. Сначала они съедали то, что было повкуснее, потом начинали есть более грубые побеги. Но и этих побегов становилось все меньше, все больше приходилось бродить вдоль берегов, чтобы найти еду. Трава, росшая на трясине возле озера, была редка. Детеныши ели так много, что взамен съеденной и вытопанной травы не успевала вырастать новая.

Иногда, когда голод особенно сильно мучил их, они пытались уйти подальше от озера, уйти за ту трясину, которая подходила к озеру. Но далеко уйти им ни разу не удалось. Стоило им отойти на сотню-другую шагов от озера, как их кто-нибудь пугал. То доносился рев из соседних рощ и лесов, то слышался топот, то — это случалось всего чаще — они пугались, сами не зная чего. И всегда они поспешно шли к озеру, залезали в воду по самые головы и часами стояли так, уставившись на берег.

Страх не отпускал детенышей от озера. Голод гнал их от него.

«Прощай, озеро!»

Вдруг озеро начало мелеть. Там, в земной коре, глубоко под дном озера, что-то произошло. Вода начала уходить из озера. Оно мелело с необычайной скоростью, берега все дальше отступали от трясины. С каждым днем, с каждым часом озеро становилось все мельче и мельче.

Наконец озеро так обмелело, что взрослые бронтозавры его покинули. Молодым бронтозаврам теперь было доступно все озеро — они могли свободно бродить даже по его середине. Еды было много, и они ели, ели, ели. Они так наедались, что нередко уже среди дня едва могли ходить. Их животы низко провисали между толстевшими с каждым днем ногами, спины округлились, а бока выпятились. Исчезли складки кожи — она была туго натянута слоем подкожного жира.

Еды было много. Но озеро продолжало мелеть.

С каждым кругом луны по небу, с каждым кругом солнца, оно мелело. Оно покрылось множеством островков и отмелей, оно превратилось в ряд больших луж.

Несколько мелких луж, вода которых не закрывала бронтозаврам живота, — вот все, что осталось от озера.

Начался голод.

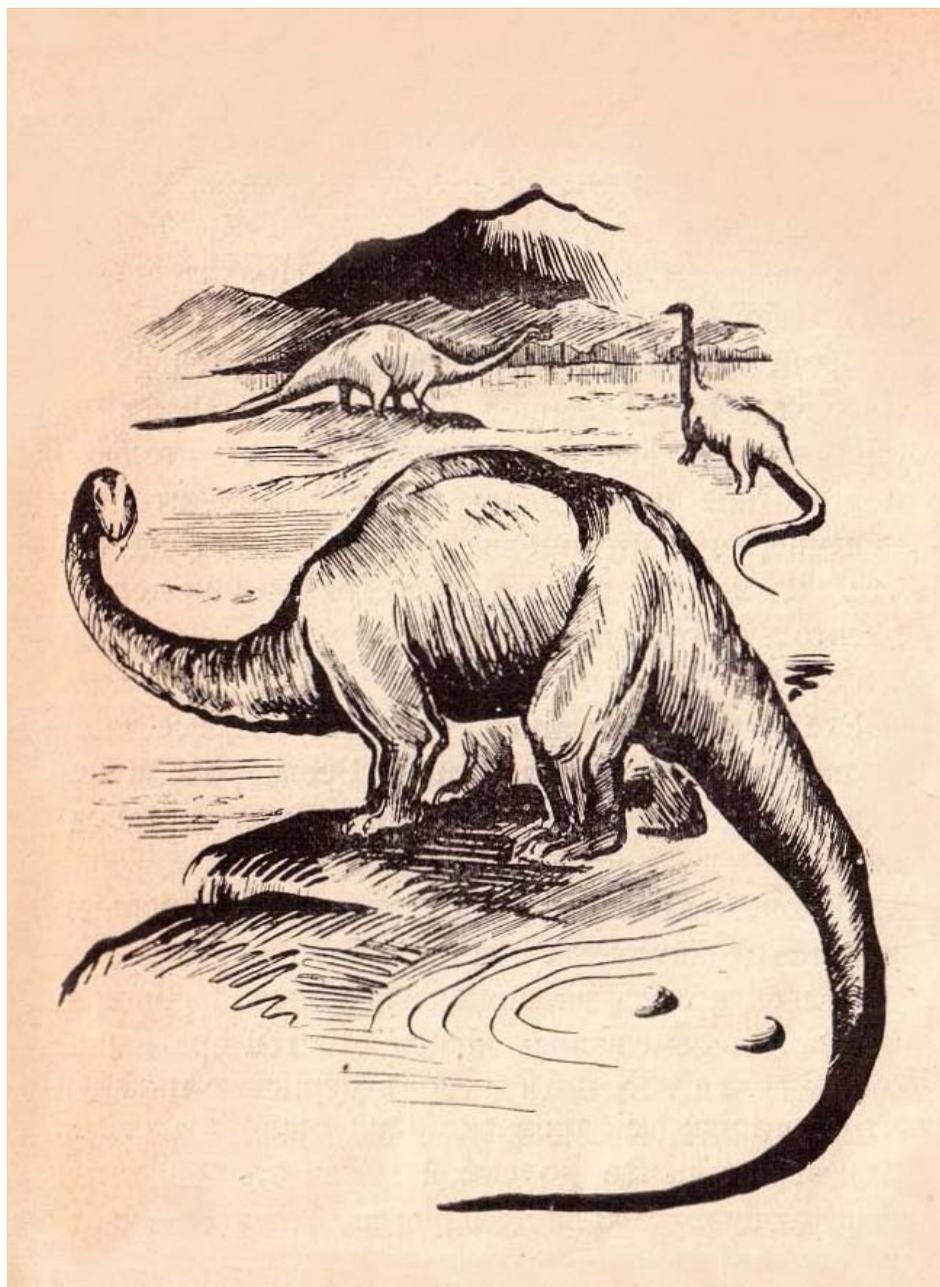
Водяные растения быстро гибли, только совсем небольшие водоросли могли жить и расти в таких лужах. Но и они исчезали с каждым днем — солнце выпивало воду, и водоросли бурели, сохли и превращались в тонкий слой буроватого войлока на дне высохших луж.

Голод гнал детенышей с озера. Страх удерживал их на месте, но в конце концов голод пересилил страх.

Детеныши ушли с озера.

Топь, по которой несколько лет назад бродили детеныши, исчезла, исчезли лужи, мох высох, и голые кочки торчали между ям и рытвин.

Впереди показались отдельные высокие цикадеи. Прямые, покрытые словно войлоком стволы несли наверху венцы длинных перистых листьев. Молодые ветви высоко

поднимались в небо; старые бессильно свисали вдоль стволов, а иные – валялись на земле и гнили.

Ночь без одеяла

Солнце спускалось все ниже. Бронтозавры забеспокоились. Они привыкли проводить ночь в воде, закутавшись в нее по ноздри, как человек кутается в холодные ночи в одеяло. Теперь «одеяла» не было.

Беспокойство росло. Они вытягивали шеи и озирались по сторонам. Они подставляли ветру то один бок, то другой. То брели вперед, то поворачивали назад. То толклись на месте, обходя группу цикадей, то шли прямо, не сворачивая ни на шаг в сторону. Они искали.

Вода, озеро — вот, чего не хватало бронтозаврам.

А солнце опускалось и опускалось, заканчивая свой дневной круг. Впереди — круг луны...

Прохладнее и прохладнее становилось в воздухе, длиннее и длиннее ложились тени от деревьев.

Темнота несла с собой страх. Прохлада несла с собой оцепенение.

Бронтозавры шли меж деревьев, но теперь их походка была медленнее. Они часто останавливались, как бы засыпая на месте. Потом — толчок, и животное подвигалось вперед. Победит оцепенение, победит прохлада — они замрут на месте. Потом напоминал о себе страх, и они делали десяток-другой шагов.

Борьба была неравной.

Все реже становились толчки страха, все чаще бронтозавры останавливались. Все короче и короче становились промежутки между остановками.

Наконец, бронтозавры остановилась и больше уже не сдвинулись с места.

Это случилось на опушке небольшой рощи, в которой перемешались колючие ветви араукарий с плакучими вет-

виями гингко, а перистые цикадеи чередовались с древовидными папоротниками.

Свисавшие почти до самой земли тонкие ветви гингко образовали настоящую палатку. Под сквозным навесом листвы было темней, но теплее. Лес еще дышал накопленным за день теплом, и из него чуть тянуло теплым ветерком.

Солнце скрылось. Тени побледнели и растаяли. Красный закат чуть горел вдаль, но под навесом ветвей было уже совсем темно. С равнины потянуло прохладой.

Бронтозавры сбились в кучу. Чуть заметное облачко пара поднялось над их головами. Глаза закрылись, длинные шеи легли на спины. Донесшийся издали рев заставил бронтозавров на миг приоткрыть глаза. У них уже не было сил подняться, вытянуть шеи, окинуть взглядом окрестность. Они не могли бежать, не могли идти.

Победило оцепенение. Прохлада ночи была сильнее страха.

Охотник утренней зари

Когда на утренней заре мегалозавр вышел на охоту, он вскоре встретился с грудой оцепеневших тел. Он жил в этом лесу, этот лес и соседние рощи и луга были местами его охотничьих приключений. Мегалозавр заметил странную грудку под ветвями гингко и тотчас же запрыгал к ней. Его скачки — уродливые и громкие — будили лес. Хриплое дыхание смешалось с шорохом ветвей и листьев, хвост прижимал траву, и она, выпрямляясь, шелестела. Но никто не слышал прыжков, шелеста травы и шороха ветвей и листьев: оцепенелые бронтозавры еще не успели отогреться.

Мегалозавр на несколько мгновений остановился перед навесом ветвей.

Его обоняние было очень слабо, и он не мог различить запаха бронтозавров. Его зрение было остро, но — мегалозавр привык к тому, что добыча шевелится, двигается. А

здесь — темные лоснившиеся груды были неподвижны. Что-то знакомое было в цвете кожи бронтозавров, что-то давно известное напоминали темные груды. Но воспоминания были так смутны и неясны. К тому же — и это главное — груды были неподвижны.

Неподвижность смутила мегалозавра.

Вместо того, чтобы быстрыми прыжками броситься на добычу, — как он делал обычно, — мегалозавр медленно и осторожно подобрался к завесе ветвей и листьев. Приподнявшись на задние лапы, он вытянул вперед голову и пристально поглядел на груды темных тел.

Бронтозавры не шевелились. Солнце еще не прогрело воздуха, роса крупными каплями лежала на траве.

Мегалозавр смотрел. Он чуть заметными шажками подвигался все ближе и ближе к бронтозаврам. Они и манили его и смущали. Манили знакомым цветом и очертаниями, смущали неподвижностью.

Долго приглядывался к бронтозаврам хищник. Потом нерешительно повернул и запрыгал в сторону.

Как их разбудили

Лучи солнца проникли наконец и под ветви гингко. Солнечные пятна кружевом легли на темные спины и бока. Бронтозавры начали отогреваться.

Мегалозавр прыгал по опушке, поглядывая по сторонам. Один из бронтозавров пошевелился. Мегалозавр насторожился, взглянул и уже не спускал глаз с темной груды.

Солнце катилось по небу, забираясь все выше и выше. Розовые облака постепенно белели, а побелев — исчезали в синеве неба. Роса высохла, туман рассеялся. Воздух теплел с каждой минутой.

Бронтозавр зашевелился, переступил ногами...

Мегалозавр бросился вперед. Прыжок, и он врезался в середину темной груды. Сильные короткие лапы охватили шею бронтозавра, острые клыки впились в горло.

Груда рассыпалась, перемешались громоздкие тела, переплелись длинные шеи, перепутались хвосты. Бронтозавры сбросили с себя оцепенение — толчок страха был слишком силен. В паническом ужасе громоздкие тела заворочались на влажной земле. Они пытались приподняться, сбивали друг друга с ног, наступали один другому на хвост.

Мегалозавр не обращал внимания на ворочавшихся вокруг него бронтозавров, а продолжал грызть горло добыче. И только когда перегрызенная шея вдруг исчезла — передняя часть ее просто упала на землю, и зубы мегалозавра куснули воздух, — он оторвался от добычи и оглянулся.

Бронтозавры с треском и грохотом ломались сквозь лесную чащу. Они проложили широкую дорогу среди зарослей, и эта дорога издали показывала направление, в котором ушла добыча. Мегалозавру незачем было их преследовать — перед ним лежала большая туша, целая гора свежего мяса. И он принялся за еду.

Солнце катилось по небу все дальше и дальше. Оно осветило бронтозавров, безостановочно шедших через заросли. Они были так напуганы неожиданным нападением, что даже на ходу не срывали ветвей или травы, но шли, шли и шли. Вытянув вперед шеи, ломались напрямки через заросли, сметая в стороны кусты и молодые деревья, натыкались на старые толстые деревья, обдирая об их жесткую кору бока и грудь, царапали хвосты об острые края пней, и — шли, шли, шли.

Там, позади, остался страшный враг. Инстинкт кричал теперь: «Вода — спасенье!» Они шли и искали эту воду. Воды не было.

Солнце докатилось до зенита. Уже много часов шли бронтозавры. Голод все сильнее и сильнее мучил их. Они начали понемногу замедлять шаги, останавливаться, срывать то ветку, то кустик травы. Они жевали еще на ходу, но с каждым шагом шли все медленнее и скоро остановились совсем.

В лесу

Косые лучи солнца побежали по лесу. Среди узких и длинных теней деревьев легла короткая тень. Это была тень мегалозавра.

Он догнал по следам ушедших бронтозавров. Его инстинкт хищника требовал еще добычи, мегалозавр не мог уйти, отказавшись от охоты. Он был сыт, но разве охотник бьет дичь только из-за голода? Охотничьи инстинкты заставили мегалозавра преследовать бронтозавров. Ему нетрудно было найти их след, нетрудно было мчаться большими прыжками по широкой дороге, проложенной громоздкими ящерами в лесной чаще.

Он догнал бронтозавров.

Раздался громкий рев, треск сучьев и ветвей. Тени запрыгали, перемешались.

Мегалозавр прыгнул...

В момент прыжка ему под ногу подвернулся обломок ствола. Хищник поскользнулся и хотя и прыгнул, но не туда, куда хотел.

Вместо одного бронтозавра он наскочил на другого. Он прыгнул ему не на спину, не на бок, а на — хвост.

Раскрытая пасть закрылась, клыки лязгнули, впились. Но только кончик хвоста остался в страшных челюстях.

Раненый бронтозавр взмахнул хвостом, ударил им мегалозавра по голове, попал ему по глазам. Хищник на миг зажмурился...

Когда мегалозавр открыл глаза, он увидел впереди нескольких уходящих бронтозавров. Яростно заревев, он прыгнул и сбил одного из них...

Раненый бронтозавр ломился сквозь чащу. Боль в хвосте так подгоняла его, что он ни на миг не остановился, чтобы передохнуть. Он прошел без остановки весь лес, прошел заросли папоротников и хвощей, прошел низкорослые кустарники и вышел на большую равнину.

Далеко впереди виднелись темные зубцы. До них — равнина, однообразная и унылая, поросшая редкой травой и

низенькими кустиками папоротников, жестких и побуревших. Направо темные зубцы незаметно переходили в полосу леса. Налево они тянулись вдаль и скрывались на горизонте.

Бронтозавр пошел по равнине. Вскоре он остановился, оглянулся. Позади никого не было.. Из лесу не доносилось ни звука. И все же... Бронтозавр зашагал вперед.

Он шел все дальше и дальше от леса, вглубь равнины, к тем темным зубцам, что виднелись далеко на горизонте. Шел потому, что оттуда временами налетал легкий ветерок, в котором чуялось дыхание влаги.

V. КРЫЛАТЫЙ ЯЩЕР

Куча лохмотьев

Там, где кончался лес, громоздились буро-желтые скалы. Их острые зубцы врезались в небо, а глубокие ущелья и пропасти были черны и из них несло холодом.

На уступах скал виднелись неподвижные темные массы. Они казались большими кучами лохмотьев.

Солнце сверкало на утесах, пробегало по кучам лохмотьев, и в этих кучах что-то играло и переливалось всеми цветами радуги. Но стоило набежать облаку и скрыть солнце, как куча становилась мертвой и тусклой, грязной и чуть заметной на серо-буром фоне уступа.

Одна из куч вдруг зашевелилась. Она сделалась ниже и шире, потом приподнялась и поползла. Она не была теперь темной и мрачной, а стала яркой и пестрой.

Птеродактиль медленно пополз по скале, цепляясь за нее когтистыми пальцами. Он выбрасывал далеко вперед передние ноги, цеплялся когтями за трещинки и уступы и

подтягивал вперед свое тело, окутанное, словно плащом, огромной кожистой перепонкой.

Он медленно вполз на уступ, сел здесь и, высоко приподнявшись, вытянул шею. Большая голова с ярко-красным гребнем и длинными челюстями, похожими на чудовищный клюв, повернулась в сторону моря. В полураскрытой пасти виднелось множество длинных и острых зубов — словно зубья большой пилы. Маленькие глазки тускло смотрели вдаль.

Далеко позади тянулась равнина, кое-где поросшая папоротниками. На самом горизонте мутно переливался туман — там было большое болото. Впереди сверкали и шумели волны моря. Ничего живого не было видно, ни один крик не нарушал тишины, ни одно движение не привлекало взгляда. Кругом было мертво и пустынно. Так, по крайней мере, казалось.

Приподняв голову и широко раскрыв пасть, крылатый ящер издал громкий скрипучий звук. И словно в ответ на этот зов, зашевелилась еще одна куча лохмотьев. Вскоре на соседнем уступе показалась фигура второго ящера. Раскрыв пасть, он глядел на первого.

Оба ящера неподвижно сидели на скалах. Они смотрели друг на друга, то закрывая, то раскрывая пасти, и грелись в лучах солнца. И чем дольше грелись ящеры, тем ярче сверкали их глаза, тем чаще раскрывались и закрывались пасти, и тем чаще из этих пастей вырывались скрипучие звуки.

Крик, другой — и кожистые перепонки расправились. Они засверкали всеми цветами радуги; тут смешались красный и синий цвета, зеленые и оранжевые полосы, желтые и черные пятна. Перепонки были очень пестры, и когда, взмахнув ими, ящер поднялся, то казалось, что летит сказочный ковер-самолет, расшитый ярким рисунком.

Ящер был очень велик — между его крыльями было не меньше трех метров. Поднявшись над скалой, он взмахнул перепонками и плавно полетел вдаль.

Рыболов

Птеродактиль летел очень легко, так легко, как будто он не был очень большим животным. И действительно, он был очень легок. При своих чудовищных размерах он весил всего несколько килограммов. Его кости были пусты внутри, а стенки этих костей-трубок были так тонки, словно их сделали из папиросной бумаги. Скелет этого гиганта весил чуть больше скелета ястреба.

Второй птеродактиль неподвижно сидел на утесе. Он следил за первым, и когда тот, сделав поворот, понесся над морем, повернул голову, как бы не желая выпускать из поля зрения летавшего ящера.

Птеродактиль летел над морем. Он медленно махал крыльями и несся над водой, словно какой-то странный летательный аппарат.

Мизинец его передних ног был вытянут в длинную и тонкую кость. И от этой кости шла перепонка, тянувшаяся вдоль всего бока ящера и переходившая на задние ноги. Остальные пальцы передних ног были свободны, свободны были и пальцы задних ног. Бесхвостое туловище придавало ему сходство с летучей мышью.

Новый крик донесся с моря, и оставшийся на скале ящер приподнялся, взмахнул крыльями-перепонками и полетел. Теперь над морем сверкали в солнечных лучах два ящера.

Сверху хорошо было видно, как в морской воде проплывали рыбы, как сверкала серебристая чешуя, когда рыба делала резкий поворот, как мелькали темные спинки. Ящер зорко присматривался к воде, паря над самыми волнами. Он летал так низко, что волны обдавали его брызгами.

Долго кружились над волнами птеродактили. Их тени прыгали по воде и спугивали рыб, быстро уходивших в глубину.

Вот один из них ринулся книзу, схватил рыбу и взмыл над волнами. И сейчас же второй ящер, быстро замахав перепонками, подлетел к нему, раскрыл пасть и издал громкий крик. Этот крик не был приветствием, не был позд-

равлением с удачной охотой. Услышав его, птеродактиль кинулся в сторону, плотнее сжал челюсти и быстрее замахал перепонками. Крик был сигналом нападения. Это было требование — «Отдай!»

Грабитель

Счастливым рыболов из всех сил спешил к берегу. Он с такой быстротой махал перепонками, что они слились в одно сплошное серое пятно. Пойманную рыбу он крепко зажал в челюстях, и отдельные чешуйки ее падали вниз, кружась и сверкая, словно капельки жемчужного дождя.

В нескольких метрах от рыболова неся преследователь. Он не сжимал челюстей — они были пусты. Его пасть была широко раскрыта, и из нее вырывались скрипучие звуки.

«Отдай! Отдай!»

И всякий раз, как раздавался крик, еще сильнее махал перепонками рыболов. Еще крепче он сжимал челюсти, и новый дождь жемчужинок сверкал на солнце и исчезал в пенистых волнах.

Берег смутно вырисовывался вдаль, когда грабитель нагнал рыболова.

Он напал на него сзади, ударил на лету, не удержался и тяжело перевернулся в воздухе. Чуть коснувшись воды, он выровнялся и снова взмыл кверху. Но рыболов уже успел улететь вперед и теперь летел еще быстрее. Вид ускользавшей добычи разгорячил грабителя. Он громко вскрикнул, с удвоенной силой замахал перепонками, и не успел рыболов опомниться, как новый удар показал ему, что враг рядом.

Тяжело обернувшись, ящер на лету ткнул врага сжатыми челюстями. Тот увернулся от удара, метнулся в сторону, залетел вперед. Рыболов поднялся кверху, но грабитель не отставал и упорно держался между ним и берегом.

Воздушный бой

Они кружились один возле другого, то поднимаясь, то опускаясь почти к самым гребням волн. Но все время между рыболовом и берегом был грабитель. Рыба, зажатая в челюстях, не позволяла рыболову пустить в ход это страшное оружие. Он мог только увертываться и пытаться оттолкнуть врага сжатыми челюстями.

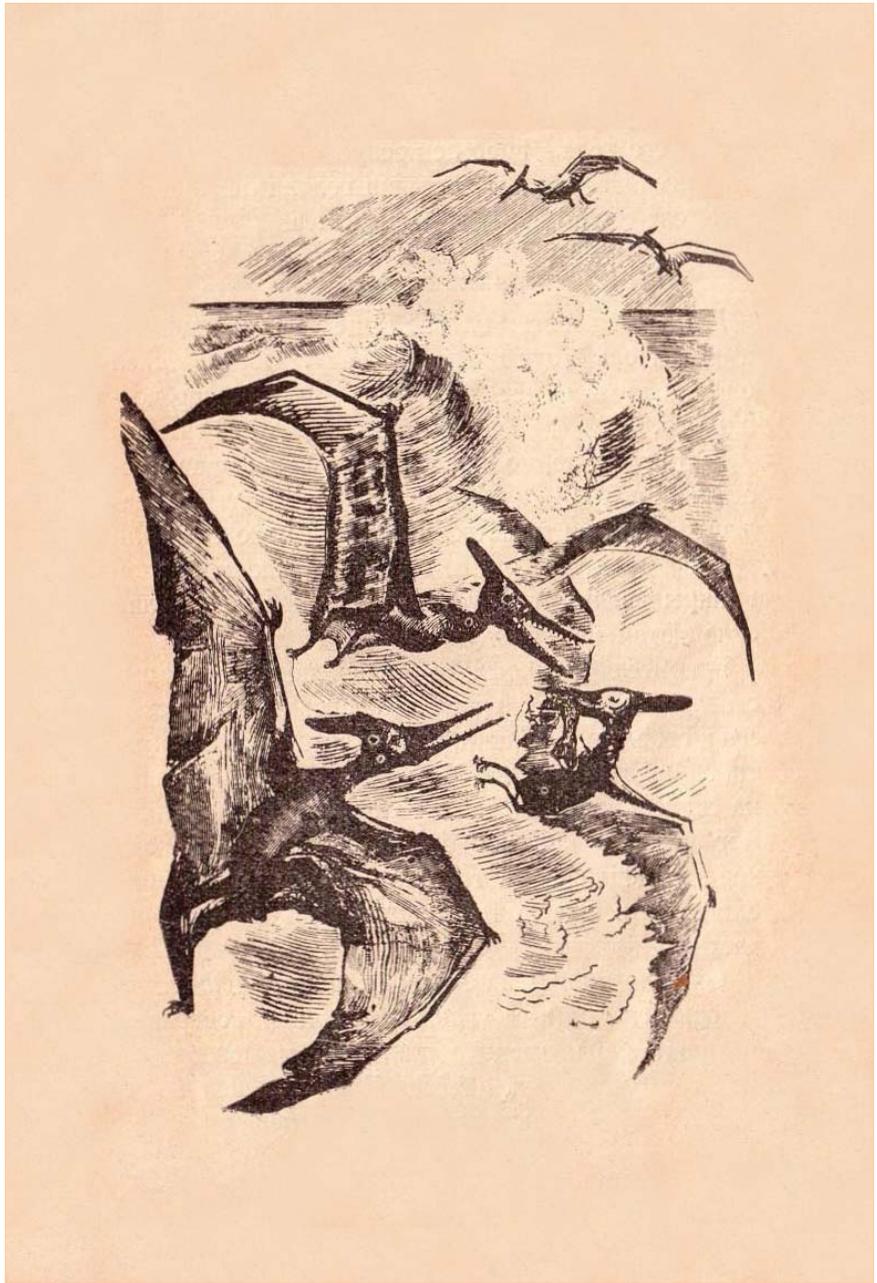
Челюсти врага были свободны, и он наносил удар за ударом. Он не мог подлететь к противнику вплотную — мешали паруса перепонки. В этом было некоторое спасение для ящера-рыболова: страшные удары челюстей врага не достигали его тела, они только рвали края перепонки. Прошло с четверть часа, и перепонки ящера превратились по краям в вырезанную причудливыми фестонами бахрому. Но рыболов не сдавался, и хоть лететь становилось все труднее, по-прежнему крепко сжимал челюсти и старался прорваться к берегу.

Над морем раздавались громкие крики борьбы. Эти крики донеслись до скал. И скоро над скалами поднялся еще один птеродактиль.

Теперь ящер-рыболов должен был увертываться от ударов, посыпавшихся сразу с двух сторон, — прилетевший ящер присоединился к нападавшему. Один из ящеров поднялся над рыболовом и ударил его в спину, другой, в это же время, ударил его сбоку. Рыболов перевернулся и начал медленно спускаться на воду. Кружась, он падал вниз, а один из ящеров летал вокруг него и пытался вырвать рыбу из крепко сжатых челюстей побежденного рыболова.

Челюсти разжались. Не успела рыба упасть, как ее подхватил враг.

Другой ящер не сразу заметил пропажу рыбы и продолжал налетать на падавшего рыболова, ударяя его челюстями. Но едва он увидел, что к берегу летит ящер с рыбой, как резко вскрикнул и пустился в погоню.

Ящер-рыболов падал все ниже и ниже. Он не мог уже управлять перепонками, они обвисли по бокам его тела. Ящер не коснулся воды — из волн на миг показалась небольшая голова на длинной шее, сверкнули зубы, и ящер исчез.

«Моя рыба!»

Берег был совсем близко. Еще десяток взмахов, и грабитель опустился на скалу. Но не успел он положить на нее рыбу, как — второй ящер догнал его.

Вытянув шею, подняв голову и скрежеща челюстями, ящер пытался отстоять добычу. Его маленькие глазки налились кровью и ярко сверкали зеленым огнем. Красный гребень, словно шлем, прикрывавший голову, стал еще краше. Голая складчатая шея раздулась.

Грабитель прикрыл рыбу перепонками и, выставляя на встречу врагу челюсти, не подпускал его к себе. Нападавший, не рассчитав удара, опустился слишком низко. И тотчас же — распластался на скале: сильный удар в голову сшиб его. Он не мог взлететь, но борьбы не оставил. Ползком, кое-как цепляясь за трещины и уступы, он приближался к ящеру, торопливо рвавшему рыбу на части.

Они схватились на скале. Страшные челюсти — теперь свободные — громко стучали, сверкали длинные зубы, змеиное шипение вырывалось из широко раскрытых пастей. Длинные шеи извивались, увертываясь от зубов противника, — каждый из ящеров старался перегрызть шею врага.

Из разорванной кожи разбойника вытекали крупные капли темной крови. Он хрипел и задыхался, его когти судорожно цеплялись за скалу, а одна из перепонок, смятая и разорванная, волочилась по скале. Длинная кость, подерживавшая ее, была перебита сильным ударом челюстей, и конец этой кости торчал наружу, цеплялся за перепонку, рвал ее на разноцветные клочья.

Удар в голову... Ящер подогнув шею, свалился на бок. Его пасть широко раскрылась, глаза закатились и чуть мерцали. Пальцы задних ног впились в трещину скалы, а передние — царапали камень.

Последний удар...

Побежденный ящер затих. Только шея чуть вздрагивала, да дергалась задняя нога.

Победитель доел рыбу, расправил перепонки, сильно потрепанные в борьбе, потянулся и медленно пополз со скалы. Он спустился в расщелину, добрался до уступа, ярко освещенного солнцем, и, закутавшись в широкий плащ перепонки, затих. Он был утомлен борьбой и был сыт. Осталось одно — греться на солнце и дремать.

«Куда я попал?»

В то время, как птеродактили сражались из-за рыбы, бронтозавр-детеныш шел через поросшую папоротниками равнину. Он никак не мог остановиться — мегалозавр, так напугавший его, словно мерещился ему там, позади. И он спешил все вперед и вперед. Казалось, он хотел убежать как можно дальше от страшного ящера-хищника.

Скоро впереди показались утесы. Они громоздились на горизонте, закрывая собой небо. Здесь бронтозавр никогда еще не был. Он никогда не видал утесов. Издали они походили на лес — темная зубчатая полоса. Но чем ближе подходил бронтозавр к этому «лесу», тем резче вырисовывались пики и зубцы скал. Влажный ветерок подул ему навстречу, но он не принес с собой запаха преющей листвы и гнили. Ветер нес с собой запах моря.

Все же бронтозавр не остановился. Влажный ветер — признак болота, озера. И он пошел навстречу этому ветру, несшему такой странный запах.

Птеродактили давно заметили неуклюжее животное, медленно продвигавшееся по равнине. Хорошие летуны, они мало боялись врагов, — кто мог догнать их в воздухе?

Даже сам мегалозавр не смог бы справиться с ними. Но все же они насторожились. Недавняя драка сильно раздражила их, они и теперь еще то и дело угрожающе щелкали челюстями и шипели друг на друга. Дралось только двое, но раздражены были все: много птеродактилей было свидетелями драки, и если они не приняли в ней участия, то только потому, что драка кончилась слишком скоро. Но возбуждение, вызванное видом драки и запахом крови, не улеглось.

Бронтозавр подошел к скалам. Идя вдоль их гребня, он то и дело высоко вытягивал шею и, задирая кверху голову, старался заглянуть за скалы, точно так же, как он глядел через кусты в зарослях.

Эти движения раздражили птеродактилей. В голове бронтозавра они видели скрытую угрозу. В длинной шее его было странное сходство с исконным врагом птеродактилей. Этот страшный враг скрывался в морской глубине, они никогда не видели его целиком и знали только его длинную шею с маленькой головой на конце. Эта голова вдруг высывалась из морских волн, пасть раскрывалась, хватала зазевавшегося птеродактиля и утаскивала его в воду.

Испуг, вызванный таким сходством, быстро прошел — ведь шея высывалась не из воды. Но вместо испуга появилось раздражение, а раздражение перешло в ярость.

Один за другим снялись со скал и утесов летающие ящеры и закружились над бронтозавром. Тот от неожиданности замер на месте — появление в воздухе странных существ сильно его смутило. Но вскоре он успокоился — криков не было, ящеры летали молча. А только крики и боль могли вывести бронтозавра из состояния того невозмутимого спокойствия, в котором он обычно находился. Бронтозавр пошел вперед, продолжая вытягивать шею и заглядывать через вершины утесов.

Новые враги

На одной из невысоких скал был уступ. На нем сидело несколько детенышей птеродактилей. Они уже умели кое-как летать, но делали это очень неуклюже, а потому и проводили большую часть своего времени на скале. Уступ был невысоко над землей, и бронтозавр, вытянув шею, достал до него головой и ткнулся мордой в птеродактиля, дремавшего под своими перепонками.

Птеродактиль резко вскрикнул.

И тотчас же воздух наполнился резкими звуками и скрежетом челюстей. Словно сотни ржавых петель заскрипели над скалами, словно тысячи пил врезались в сталь. Туча птеродактилей взвилась над утесами. Разъяренные криками, раздраженные беспрестанным мельканием соседей, толчками и ударами перепонки, они свирепели с каждой минутой. Крики становились все громче. Тут и там поднялись драки между столкнувшимися в воздухе ящерами.

Бронтозавр остановился. Он вытянул было шею вперед, но сейчас же пригнул ее к самой земле, так что кончик его носа уперся в камни: резкий удар показал ему, что кругом — враги. Бронтозавр не пытался бежать, словно знал, что ему не спастись бегством от подвижных летунов. Он замер, протянув шею к земле. Спрятать голову и раненый хвост он не мог, и на них посыпались удар за ударом.

Хвост взметнулся, сшиб птеродактиля. С широко раскрытой пастью, тот бился на земле — одно из крыльев было разбито, летать ящер уже не мог.

И тут же на упавшего наскочили несколько ящеров и принялись рвать его острыми зубами.

Для птеродактилей не было своих и чужих. Все слабое — добыча. Ящер на земле, ящер с разбитыми перепонками, ящер, не имеющий возможности защищаться — добыча. И они дрались над еще живым куском мяса, дрались ожесточенно и свирепо. И вскоре еще несколько птеродактилей корчились на земле, ползали, волоча за собой лохмотья перепонки, лежали на боку, раненые, умирающие, но сви-

репые и хищные. А над ними шла борьба за новые и новые куски мяса.

Бронтозавр продолжал размахивать хвостом. Боль сильно раздражила его, и он утратил свое спокойствие. Он даже перестал бояться, так разозлился. Он бил хвостом, как тяжелым цепом, и сметал им ящеров с земли, расшвыривал раненых далеко в стороны, сбил еще несколько летавших ящеров на землю. Это разогнало врагов — куски мяса, из-за которых сражались птеродактили, оказались разбросанными. Враги рассеялись по равнине. Но бронтозавр не спасся этим от ящеров — многие продолжали кружиться около него, шипеть и скрипеть, рвать его шею, бока, спину.

Чего они испугались?

Толстая кожа бронтозавра не выдержала ударов острых челюстей, не выдержала укусов страшных зубов. Местами, на коже, просеченной зубами, выступила кровь. Кровь раздражала ящеров, они свирепели и бились уже не из-за мяса, а из-за этих капель темной, чуть теплой крови.

Бронтозавр попытался отступить. Он сделал несколько шагов, вытянул шею и раскрыл пасть. Но не его пасти было испугать зубастых врагов — они набросились на его голову, и удар за ударом посыпались на бронтозавра. Взмах хвоста сбил еще несколько врагов, но один из птеродактилей успел ударить бронтозавра в глаз. Глаз заплыл, закрылся. Огромный кровавый волдырь вскочил на месте удара.

Тогда бронтозавр поднял голову и вдруг оглушительно заревел. Первый раз за все время драки он заревел, и его голос показался громовым по сравнению с резкими криками птеродактилей. Крылатые ящеры отступили оглушенные, они растерялись и на миг прекратили нападение.

Момент был благоприятный. Бронтозавр не знал военного искусства, он никогда еще не сражался с таким множеством врагов сразу. Но он не упустил этого момента — повер-

нулся и быстро зашагал по той равнине, откуда только что пришел, спасаясь от мегалозавра.

Птеродактили погнались за ним — их оцепенение быстро прошло. Но эта погоня длилась недолго. От скал неслись громкие крики. Они означали, что над валявшимися на земле живыми и полуживыми ящерами снова началась драка.

Преследователи повернули назад и ввязались в общую свалку.

Бронтозавр шел по равнине. Капли крови застывали одна за другой на его израненной спине, глаз ничего не видел — он был закрыт кровавым желваком. Хвост был сильно изранен, а конец его, уже обкусанный мегалозавром, превратился в сплошные лохмотья.

С этого дня бронтозавр никогда не подходил близко к скалам. А если он издали слышал крики птеродактилей, то тотчас же испуганно озирался и готовился к бегству.

VI. ВУЛКАН

Озеро близ горы

Далеко, на горизонте, поднялась и выросла большая гора. Она тупо врезалась в небо, а над ее вершиной висело темное облако. Ветер изменился — он приносил с собой теперь какой-то странный запах. Но вместе с тем он становился все более и более влажным. Это гнало бронтозавра вперед, это отвлекало его внимание от странного запаха ветра.

Бронтозавр не знал, что это запах серы. На горизонте поднимался вулкан, и к нему-то и шел бронтозавр в поисках воды, в поисках безопасного места.

Чаще и чаще встречались небольшие болотца, больше и больше влаги нес ветер. Гуще и гуще ложился по вечерам туман над равниной.

Вода близка...

Вечером бронтозавр услышал далекий ржавый скрип. Этот скрип говорил — озеро близко, а на озере — бронтозавры.

На следующий день, пройдя несколько тысяч шагов, сквозь хвои и папоротники он увидел блестящую поверхность воды. Скоро под ногами задрожала трясина, ноги зачмокали, вырываясь из вязкой почвы, а растения стали сочными и нежными.

Скрипучий крик раздался над озером, понесся по зарослям...

Бронтозавр стоял на берегу, готовился войти в воду и громко скрипел. С озера донесся ответ. Этот ответ бронтозавр слышал много раз давно, в детстве, во время своих странствований, всегда, когда встречался с бронтозаврами. Это было нечто вроде привета, которым обменивались громоздкие ящеры.

Плеснулись волны. Бронтозавр вошел в озеро.

«Вода — спасенье!»

Теперь он мог не бояться мегалозавра. С наступлением ночи бронтозавр ушел в воду и, высунув наружу только голову, погрузился в привычное оцепенение.

Враг пришел

Озеро кормило и защищало бронтозавра. Резкий запах серы его не беспокоил — он успел привыкнуть к нему. Не беспокоил он и других бронтозавров, не беспокоил игуанодонтов и стегозавров, приходивших к озеру на водопой. Все они выросли на этом озере и в его окрестностях, и для них запах серы был так же привычен, как запах тины, ила и водорослей.

Бронтозавр много ел и быстро поправлялся. Исчезли складки кожи на боках, спина стала гладкой, живот округлился, ноги потолстели, шея снова стала круглой. Он быстро рос, словно наверстывая потерянное время.

А вулкан дымился все сильнее и сильнее. По ночам над ним повисала багровая туча, и тогда красные отблески играли на воде озера. Иногда раздавалось глухое рокотанье, вулкан словно пробовал свои силы. Тогда бронтозавры настораживались. Они не знали врага, который рокотал бы таким густым голосом, но — звук был силен. Значит, враг был опасен. Но сколько бронтозавры ни вытягивали шеи, сколько ни вертели головами — ни разу не увидели они этого незнакомого рокочущего врага.

Катастрофа разразилась в одно солнечное утро.

Бронтозавр приподнял голову над водой — со дна он достал пучок сочных водорослей. В этот миг раздался грохот, и не успел ящер повернуть головы, как рядом с ним в воду что-то упало.

Резкое шипенье, столб пара...

Бронтозавр вздрогнул, выронил водоросли, покачнулся и чуть не упал. Он с недоумением поглядел на то место, откуда послышалось шипенье. Там ничего не было — только круги разбегались по воде, облачко пара таяло в воздухе, да запах серы стал сильнее.

Новый грохот, и на озере сразу в нескольких местах взметнулись столбы пара...

Вулкан грохотал...

Вперемежку с глухим грохотом раздавались оглушительные взрывы, свист, шипенье. По воде вперегонки бежали круги.

Бронтозавры вытянули шеи, огляделись и снова опустили головы — врагов не было ни на берегу, ни на воде.

Камни вылетали из вулкана и падали в озеро. Они вылетали то поодиночке, то сразу десятками. Взлетев высоко-высоко, они на миг скрывались в черной туче, окутавшей вершину вулкана, а потом сыпались вниз, на склоны вулкана, на заросли, на воду.

Один из камней упал в воду у самой головы бронтозавра. Он упал так близко, что пар обжег бронтозавру нос и щеку. Врага не было видно, но боль была сильна. Бронтозавр шевельнулся, переступил ногами и, разметывая хвостом ил и заросли подводных растений, двинулся прочь от странного места и еще более странного врага.

«Скорей, на сушу!»

Камни падали всюду. Незримые враги шипели в воде, кусали, жалили...

Огромный камень упал бронтозавру на спину. Камень был очень велик и весил не меньше тонны. Тело гиганта качнулось от удара, осело, повалилось на бок. Столб пара смешался с брызгами, поднятыми упавшим бронтозавром.

Ящер тяжело заворочался на дне, высовывая из воды голову, бил хвостом, поднял весь ил со дна, и вода стала коричневой и густой, как кисель.

Бронтозавры всполошились. Они с такой поспешностью бросились в сторону от упавшего, что на озере поднялась настоящая буря.

А камни падали, шипели, свистели, обдавали бронтозавров то каскадами брызг, то струями горячего пара...

Еще один бронтозавр заметался и упал, сшибленный с ног раскаленным обломком скалы...

Стадо двинулось к дальнему берегу. Берег у подошвы вулкана был ближе, но там камни сыпались, не переставая. Бронтозавры вышли на середину озера. Здесь было глубоко, и, подняв шеи, они едва-едва удерживали головы над водой. Камни падали и тут. Стадо медленно двинулось вперед, направляясь к далекой суше.

Над вулканом низко нависла черная туча. Из этой тучи неся грохот, словно тысячи мегалозавров ревели сразу. Над озером стояли столбы пара. В озеро падало столько камней, что не успевал столб пара растаять, как на его месте поднимался новый.

Почва заметно дрожала. Дно озера уходило из-под ног бронтозавров, и даже им — таким большим и тяжелым — трудно было удерживаться на ногах. У берега почва дрожала еще сильнее, трясина словно вырывалась из-под ног.

По берегу озера промчалось стадо игуанодонтов. Они мчались, делая огромные прыжки и ни на миг не останавливаясь. Они спешили на равнину, подальше от озера, вулкана и черной тучи, осыпавшей их раскаленным пеплом и камнями.

Трясина не задержала их. Падая, спотыкаясь и громко хрипя, они миновали ее и скоро исчезли за зарослями низкорослых папоротников.

Рыбы плескались у берегов. То тут, то там они выбрасывались на берег, подпрыгивали и бились в траве, сваливались обратно в воду и через несколько минут снова выплескивались на берег. Саламандры вылезли из воды и чрепахи покинули свои заросли.

Вода в озере кипела и бурлила. Озеро было похоже теперь на огромный котел, в этот котел падали камни, а поверхность воды тонким слоем затягивал пепел, который волны тут же сбивали в полосы, несли к берегу и оставляли там, словно слой грязной пены.

Бегство

Пустынная равнина наполнилась животными. Из трясины и прибрежных зарослей, с озера и из роц и лесов, росших по склонам вулкана, бежали на равнину все обитатели этих мест.

Прыгали игуанодонты, большие и маленькие. Они спибали друг друга, катились по траве, перепутывались в живой клубок, распутывались, поднимались и, оттолкнувшись от земли хвостом, снова прыгали. Прыгали до тех пор, пока опять не падали, столкнувшись то в воздухе, то на земле с соседом.

Быстрой рысцой, наклонив головы к самой траве, словно разнюхивая путь, бежали стегозавры. Их высокие гребни торчали над травой и кустарниками, а шиповатые хвосты били по зарослям, обламывая ветки и сшибая листья. Маленькие головы, оканчивавшиеся не пастью, а чем-то вроде клюва, упорно глядели вниз. Невероятные обжоры, стегозавры забыли теперь о еде и даже на ходу не пытались схватить пучок травы или покрытую молодыми листьями и душистыми почками ветку кустарника.

Небольшие динозавры бежали, словно стадо перепуганных овец. Они не смотрели себе под ноги и бежали напрямки, натываясь на кусты, падая в рытвины и ямы, спотыкаясь о кочки и ломая себе ноги и даже спины. Жалобные крики висели над этим стадом, словно облако пыли.

Мегалозавры бежали в одиночку. То тут, то там были видны их огромные тела, вперемежку с игуанодонтами, динозаврами и стегозаврами. Они были так напуганы грохотом вулкана и так захвачены общим паническим бегством, что забыли об охоте. Кругом них кишела дичь, равнина была полна живым мясом, но мегалозавры не глядели на это мясо. Один из игуанодонтов наскочил на мегалозавра, сшиб его и сам упал рядом с ним. Хищник вскочил и помчался дальше, даже не взглянув на того, кто сшиб его на землю. Игуанодонт тоже не поглядел на мегалозавра — он так и не узнал, кого он сшиб.

Бронтозавры были слишком тяжелы для бега. Но и они ускоряли свой шаг, насколько было возможно. Вытянув шеи, они быстро переступали массивными ногами. Их хвосты волочились сзади, и не один игуанодонт упал, наткнувшись на этот тяжелый и длинный хвост.

А под ногами всех этих гигантов кишели крохотные ящеры. Иные были величиной с собаку, иные — с кошку, но все они казались крошечными рядом с игуанодонтами, мегалозаврами и стегозаврами. Сравнить же их с бронтозаврами было бы так же странно, как сравнивать трехэтажный дом со спичечной коробкой.

Конец озера

Громовый удар прокатился над равниной. Земля задрожала, побежала из-под ног.

Животные замерли...

Там, далеко позади, раздалось шипение. Огромное облако пара поднялось вверх и закрыло собой озеро, трясину и болото, скрыло самый вулкан.

Широким потоком поползла лава...

Она скатилась по склонам вулкана, сжигая на пути заросли саговников и араукарий, гингко и цикадей. Хвощи, словно соломинки, подхватывались раскаленным потоком и исчезали в нем. Саговники и гингко склоняли свои вершины, на миг замирали, потом вспыхивали ярким огнем. Некоторые из них горели стоя, словно факелы. Громко трещали охваченные пламенем смолистые араукарии.

Лава доползла до озера, смела по пути заросли хвощей...

Пар, оглушительный свист, шипенье, и — вода исчезла. На ее месте теперь пузырилась и дымилась лава, висели клубы пара и сернистых газов.

Озера больше не было. А лавовый поток рос и рос, поднимался все выше и выше. Озеро наполнялось лавой.

Не прошло и часа, а озеро было уже полно до краев. Потом лава начала выливаться из берегов, потекла, разлилась и ринулась на трясину. Трясина была залита в несколько минут. Последняя преграда была сметена — лава разлилась по равнине.

Опять мегалозавр

Горячий вихрь, несшийся впереди надвигающейся лавы, словно отряд разведчиков перед армией, обжигал кожу, жег глаза. Едкие газы несли с собой удушье. Маленькие динозавры один за другим падали на землю, корчились и

умирали. Стегозавр чихал, и при каждом чиханьи громко звенели гребни на его спине, а шипы хвоста терлись друг о друга и шуршали, словно тысячи высоких бамбуков.

Давился от кашля мегалозавр, припав к земле; один за другим начали чихать и фыркать игуанодонты.

Газы стелились по земле. Бронтозаврам, при их росте и длинных шеях, они не были так страшны, как другим ящерам. Но у них сверлило в носгах, и им ело глаза, и они дышали с все большим и большим трудом.

Меньшие животные по одиночке выбирались из облаков пара, дыма и газов; они качались, спотыкались и пытались уйти подальше, на равнину. Но тут же падали и оставались на месте. Сернистые газы сжигали им легкие, и тот, кто подышал ими несколько минут, был приговорен к смерти.

Громко топоча ногами, тронулись вперед бронтозавры. Они шли не останавливаясь, давя и сметая с пути и живых и мертвых игуанодонтов, стегозавров и мегалозавров. Они даже не замечали, когда под их ногами с хрипом и стонами умирали растоптанные ими динозавры. Они не слышали, как хрустели раздавленные ими щиты огромных черепах.

Мегалозавр лежал обессиленный и скалил зубы. Он задыхался, и его ярость росла с каждой минутой. Он пытался встать и не мог. Это его раздражало, и он хватал зубами все, до чего мог дотянуться, лежа на боку. И когда около него опустилась нога бронтозавра, он повернулся и впился в нее страшными зазубренными клыками. Бронтозавр повернул в сторону, но не замедлил походки. Он рванул ногой и потащил за собой мегалозавра.

Бронтозавр шагал, а мегалозавр, судорожно сжавший челюсти, волочился за ним по земле. Обломанные стволы поросли царапали его бока, спина колотилась о камни и обломки, и боль приводила его в иступление. Он все крепче и крепче сжимал челюсти, словно рассчитывая, что это поможет ему избавиться от бесчисленных ударов, толчков и царапин.

Задняя нога бронтозавра наступила на хвост мегалозавру и придавила его к земле. Передняя нога поднялась... Мегалозавр не разжал челюстей. Нога шагнула... Тело мегалозавра вытянулось.

Передняя нога бронтозавра тащила его вперед, а задняя, придавившая хвост, не пускала. Мегалозавр вытягивался все сильнее и сильнее.

Всего несколько секунд прошло после того, как бронтозавр наступил хищнику на хвост.

Кожа на ноге бронтозавра была очень толста. Даже зубы мегалозавра не могли прорезать ее. Мегалозавр был прикован к передней ноге бронтозавра своими сжатыми челюстями. Но его растягивало, и хвост не выдержал — оторвался у самого туловища.

Кровь залила траву и забрызгала ноги бронтозавра. Мегалозавр захрипел и разжал челюсти. Он упал меж ног бронтозавра, и тут же на него наступила задняя нога, вдавила в землю, смешала с ней. А потом по хищнику проволокался тяжелей хвост.

Когда бронтозавры прошли, на земле осталось несколько кучек грязи, от которых пахло мускусом и цвет которых был странно красен.

Остался один

Тучи затянули небо, солнце давно скрылось. Но вечерней прохлады не было. Жаром несло сзади, от потоков лавы, все дальше и дальше продвигавшейся по равнине.

Когда пришло время луны — бронтозавры не окоченели.

Им никогда еще не было так тепло днем, как в эту странную ночь, когда темнота светилась красным заревом, когда сзади грохотало и шипело, когда мрак ночи нес с собой не холод и сырость, а сухость и тепло.

Бронтозавры шли до тех пор, пока их не перестал подгонять запах серы и жар лавы. И только тогда они почувствовали ночь, только тогда они встретились с кругом луны.

Холоднее и холоднее становилась кровь, медленнее и медленнее текла по сосудам. Медленнее становились и движения бронтозавров, и наконец они застыли на месте, окаменели на открытой равнине, не защищенные ничем.

Эту ночь они могли не бояться — врагам было не до них.

Луны не было — небо покрыли тучи. Но позади ярко светило зарево и красными отблесками пятнило спины бронтозавров.

Они простояли на месте недолго. Лава ползла вперед, неся с собой смерть и — тепло.

Бронтозавры очнулись, подняли головы, осмотрелись. В красном полумраке виднелась равнина, на западе ярко сверкали залитые лавой озеро и трясина. Жаром дышала равнина, и жар становился все сильнее и сильнее. Лава двигалась вперед. Снова сильно запахло серой, снова дышать стало трудно, снова поднялись ноги, ступили...

И снова — впереди бронтозавры, далеко позади — лава. Ящеры шли вперед, лава текла за ними...

Утром солнце тускло светило сквозь тучи дыма и паров. Этот тусклый свет придавал странный вид равнине, покрытой лавой. Лава сверху застыла, затянулась тонкой корочкой. Но то тут, то там корочка лопалась, и из нее били огненные ключи. Казалось, что лава дышит, смеется. А на самом деле она остывала. Ключи были последним усилием, последней борьбой огня с холодом, последней встречей жидкого с твердым.

Корка становилась толще и толще. Но под этой коркой лава была жидкая и горячая. Вулкан не прекратил своей деятельности. И медленно, чуть заметно, лава продвигалась вперед, а из жерла вулкана лились и лились новые потоки, новые подкрепления огню и смерти.

Бронтозавры шли по равнине.

Теперь это было не все стадо, вышедшее с озера. Несколько бронтозавров погибло на равнине, а один отбил от стада. Это был тот самый, которого укусил за ногу мега-

лозавр. Вспыхнул страх перед хищником, снова как будто заболел раненый когда-то хвост, ему отозвалась прокушенная нога. Бронтозавр повернул в сторону и пошел один.

Он долго шел; потом, ночью, несколько часов простоял на месте, и снова в одиночку тронулся в путь, когда его согрел жар лавы. И теперь он шагал один по равнине, забирая все больше и больше к югу. Остальные бронтозавры пошли на восток.

VII. ГОЛОС ИНСТИНКТА

Река

Дальше и дальше от грохочущего вулкана, дальше от потоков лавы, несущих с собой смерть, дальше от клубов дыма и газа!

Игуанодонты и мегалозавры, бронтозавры и стегозавры, динозавры и другие животные бежали от вулкана. Кто на юг, кто на восток. На запад и на север не бежал никто. Оттуда шла смерть.

Чем дальше отодвигался к западу вулкан, тем медленнее шли животные. И когда огненная туча слилась с ярко-багряным закатом, когда нельзя стало отличить зарева вулкана от пожара зари, когда запах серы исчез, а ночь снова повеяла прохладой, — бегство кончилось. Жизнь взяла свое, и первыми это показали мегалозавры. Громкий рев, прыжок, и — стегозавр беспомощно шевелил шипами хвоста, а хищник грыз ему горло, брызгая на траву свежей кровью.

Бегство кончилось... Кончилось перемирие между хищниками и дичью, кончилась совместная жизнь и ночевки бок о бок. Вернулось старое — снова мир разделился на два отряда. Охотники и дичь. И снова стоны побежденного смешались с криками победителя...

Равнина привела бронтозавра к реке.

Река катила свои волны к морю, пробежав через леса и болота, рощи и равнины. В ее мутной воде смешались прозрачные воды ключей и родников, железистые источники пещер, ил болот и потоки дождевой воды. Тесными вереницами столпились деревья по берегам реки. Саговники и гингко, араукарии и цикадеи то склоняли свои ветви и листья над мутными струями, то поднимали их ввысь, дальше от воды, ближе к небу. Кусты и папоротники купались в брызгах реки, а хвощи, словно не утерпев, влезли в самую воду, по широким и тихим затонам.

Река была быстра. Но чем дальше шел по ее берегам бронтозавр, чем чаще валились под напором его тела хвощи, папоротники и цикадеи, тем медленнее и шире становилась река. Чаще и чаще встречались отмели. Заросли начали выбегать на воду, врзались в реку, разбивали своими стеблями мутные волны.

Еще день пути, и река разбилась на рукава, потерялась в зарослях и отмелях, островках и заливах. И вот — она исчезла. Сеть рукавов перемешалась, покрытая хвощами и болотными растениями, с заливами и болотами. Теперь река походила на большое подсыхающее озеро.

Бронтозавр огляделся. Он подошел к воде, глянул вперед, глянул на воду и заскрипел.

Никто не отозвался...

Бронтозавр не привык ступать по твердому дну. Он привык к тому, чтобы ноги вязли в иле и тине, вязли в мягком, податливом дне озер и больших болот. Он привык, чтобы его хвост путался в водорослях, чтобы кругом него была муть и клубилась илом вода. Здесь — галька чуть поскрипывала под ногами, ила не было, а хвост легко и свободно волочил позади тела. Вода не поднялась до спины, она закрыла ноги, и только.

И еще раз остановился бронтозавр: эта вода совсем не походила на обычную воду озер. Снова он оглядывался и скрипел. И снова было тихо, и он шел дальше.

«Где же водоросли?»

Весь день бродил бронтозавр по рукавам и заливам, ища глубоких мест, ища илистого дна и подводных зарослей. Он ничего не находил — ни зарослей, ни ила, ни глубины. Галька и песок, чистая вода, мели... Только раз он на что-то натолкнулся и потащил из воды. Это была ветка гингко, застрявшая у гальковой гряды. Ветка с полусгнившими листьями...

Он ел молодые побеги хвощей в затонах, объедал ветви гингко, жевал траву. Он ел все это потому, что был голоден, но он предпочел бы другое. Водоросли, нежные и сочные, с запахом болота и тины, водоросли, с которых бежали струйки, когда он поднимал их над водой и жевал, — их не было.

Снова пошел бронтозавр по воде, забирая все дальше и дальше от отмелей и берегов.

Солнце вспыхнуло в последний раз, зажгло облака и скрылось. Ярко-зеленый луч осветил закат, мелькнул, словно стрела, на миг вылетевшая откуда-то снизу, и погас. На востоке поднялась и стала расти темно-синяя тень. Она ширилась и охватывала небо.

Закат потух, прохлада окутала реку, туман поднялся над хвощами. Черепахи поджали ноги и спрятали хвосты и головы под щиты, саламандры вылезли из чащ, раки поползли по отмелям, громко стуча клешнями. Галька перекатывалась и тихо шуршала под их жесткими коленчатыми ногами.

Вода плескалась около ног бронтозавра, огибала его струйками и спешила слиться снова в одно течение, тихое и ленивое...

На следующий день бронтозавр двинулся вниз по реке. Рукав был неглубокий, и он шел по воде, брызгаясь и плескаясь так, что его было слышно издали. Но услышать его было некому — ни на реке, ни в зарослях, ни на далеких лугах не было видно ни одного животного.

В середине дня бронтозавр добрался до огромного залива. Вода в нем была чуть соленая — сюда забегало на час-другой море во время бурь и высоких приливов. По берегу залива сплошной стеной тянулись заросли хвощей, а на середине было глубоко и здесь были заросли водорослей. Тинистое дно чуть опускалось под ногами ящера — тина лежала на гальковой подкладке.

Водоросли, тина...

«Вода — спасенье», — шепнул инстинкт. Бронтозавр пристально посмотрел на широкую гладь залива, словно ища на ней черных холмов.

Холмов не было, вода залива была гладка, и только кое-где нежная рябь указывала на подводные заросли.

Струйки воды переливались на солнце, брызги ярко сверкали, облачко радужной пыли окутало голову бронтозавра. В его пасти был пучок водорослей, только что вытащенных из воды...

Опять не так

Залив был похож на озеро: он был так же велик, его водоросли вкусны, а вода тепла и глубока. И все же, бронтозавру чего-то не хватало. Он был один, и ему нужна была пара.

Инстинкт размножения, инстинкт сохранения рода требовал пары. Но ни одного бронтозавра не было видно на заливе, ниоткуда не доносился громкий скрип, нигде не поднимались над водой темные холмы с длинными шеями и маленькими головами.

Все чаще выходил бронтозавр из залива и бродил по соседним зарослям, выходил на луга и болота, напряженно всматривался в туманную мглу дали. Все чаще он едва успевал вернуться к ночи на воду. Но нигде в окрестностях не было видно бронтозавров.

Тогда он вышел из залива, прошел через заросли, миновал топкие болота и очутился на лугу. Этот луг тянулся до самого горизонта, и, только там, где синее небо сливалось с бурой зеленью луга, темнели леса. Бронтозавр повернул и пошел параллельно реке, к туманному сиянию, видневшемуся вдаль, над морем. Болота и трясины, ручьи и речки, путаная смесь воды, зарослей и трясин, — вот его путь.

В болотах, незаметно переходивших в морской залив, он остановился. Здесь было столько воды и зарослей, что бронтозавр никак не мог разобраться в них сразу. Как высоко ни поднимал он голову, ничего, кроме зарослей и островков, воды и отмелей не было видно.

Переходя с рукава на рукав, с болота на болото, с озера на озерко, он шел много дней. И к концу недели он услышал где-то далеко-далеко знакомый скрип. Он даже не услышал его, а только почувствовал, так слабы были звуки. Но инстинкт подсказал ему то, чего не разобрало ухо.

«Здесь»...

И бронтозавр громко заскрипел, подняв голову и напряженно всматриваясь вдаль. Он скрипел до тех пор, пока у него не перехватило дыханье. Прислушался — но не услышал ответного скрипа. Ничто не нарушало тишины.

Бронтозавр шагнул в одну сторону, потом в другую, повернулся, пошел назад. Остановился, заскрипел и снова зашагал. Он не знал куда идти, а инстинкт повторял: «здесь», «здесь», «здесь». Это «здесь» тянулось на десятки километров, убежало к горизонту, сливалось в мутную мглу болот и озер, зарослей и рукавов.

Где-то, на каком-то рукаве, озере, болоте... Но — где?

Он бродил и скрипел. Он делал сотню-другую шагов, останавливался, вглядывался в заросли и болота.

«Здесь», — говорил инстинкт, и бронтозавр брел дальше, шурша зарослями и громко чвакая в трясинах.

«Здесь», — и бронтозавр перебирался с рукава на рукав.

«Здесь», — и он ломился сквозь заросли хвощей.

«Здесь», — и он проваливался до живота в трясину, вяз в ней ногами и хвостом.

«Здесь», — и он шел по отмели, разметывая песок и перемешивая его с галькой.

«Здесь»... но наступал вечер, солнце пряталось, и бронтозавр окоченевал с тем, чтобы на следующий день снова начать поиски.

VIII. СОПЕРНИК

Прилив

Приливно́ная волна в полнолуние была высока, и море пошло на землю.

Словно неприятельские отряды ворвались в страну врага — волны пошли приступом на берег, низкий и пологий. Они проникли в болота и озера, вошли в рукава реки, осолонили воду заливов и затонов. Хво́щи согнулись под напором моря, а водоросли перепутались и комьями всплыли, оторванные от дна, на поверхность мутной воды.

Вместе с волнами пришли и жители моря.

В большом затоне, залитом приливом, занесшим морские волны на много километров вглубь страны, закопошились странные существа. Вода затона, всегда пресная, а теперь солоноватая, не была для них подходящей средой. И все эти губки и медузы, морские ежи и звезды, черви и моллюски, осьминоги и каракатицы, — медленно умирали. Их тела, пропитанные солью моря, жадно впитывали в себя пресную воду затона, разбухали и росли, растягивались, становились большими и словно раздутыми. Животные пили воду кожей, пили так старательно, словно хотели выпить весь затон. А потом — они погибали и опускались на дно, где их заносил навсегда тонким слоем ил.

Гигантские осьминоги беспомощно шевелили щупальцами — круглыми присосками, вытягивали их, обвивали

ими стволы хвощей, росших в прибрежной воде, обвивали друг друга, переплетались студенистыми телами. Их рты раскрывались и громко щелкали челюсти, похожие на клювы попугаев. Глаза ярко сверкали в мутной воде, а запах мускуса становился очень сильным. А потом — глаза тускнели, щупальца обвисали, тело разбухало, и осьминог тяжело ложился на дно.

Словно спасаясь от неведомого врага, выпускали клуб за клубом черную жидкость каракатицы, скрываясь в чернильной мути. Но муть не спасала их: враг — пресная вода — был везде.

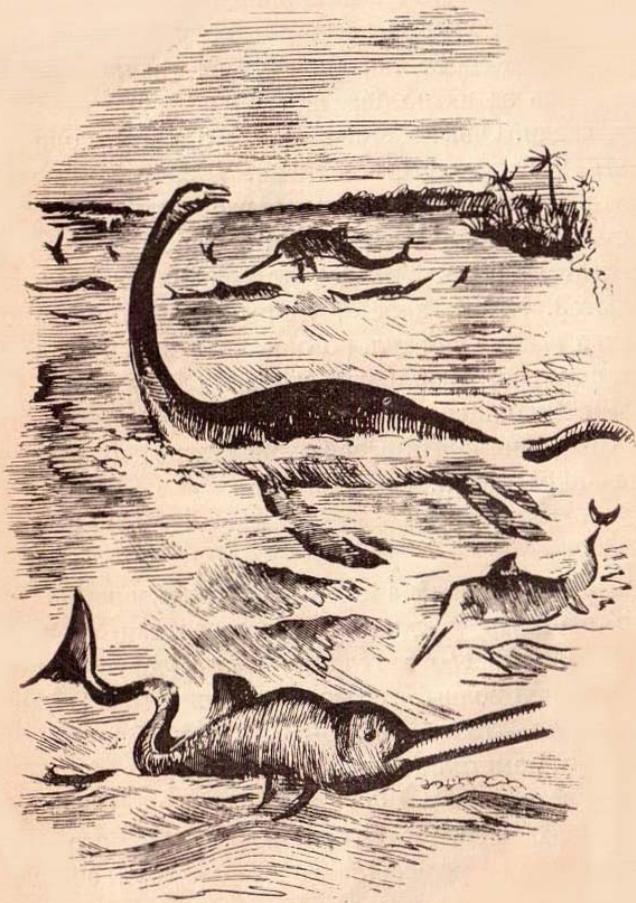
Море принесло и гигантов морской волны. Они были сильны и живучи, пресная вода не могла сразу погубить их тела, одетые то толстой кожей, то крепким панцирем чешуи. И в рукавах реки — как в морских волнах — они боролись за жизнь, нападали и защищались.

Похожие на дельфинов ихтиозавры разрезали волны реки высокими спинными плавниками, а их большие хвосты рассекали воду с резким шумом паровых винтов. Большие акулы стаями гонялись за ихтиозаврами, нападали на них сбоку, сзади. Они избегали только одного — подплывать к ихтиозаврам спереди. Длинные челюсти ихтиозавра были усажены множеством острых зубов, и прожорливые рыбы кружились около него, старательно увертываясь от ударов сильных челюстей. Удары хвоста, удары плавников ихтиозавра разгоняли акул, но они тут же собирались в стайку, снова нападали, снова на ходу рвали зубами бока ящера.

Сражение почти всегда кончалось одним и тем же — пиром акул.

Ошибка

Приливная волна застала бронтозавра, когда он пробирался сквозь густые заросли хвощей. Для его тяжелого тела не был страшен напор приливной волны, а высота при-

лива была для него ничто, — так высок был он сам. Бронтозавр даже не заметил как поднимается вода.

Но зато он заметил другое.

Далеко впереди, среди зарослей и немного молчания, вдруг мелькнула голова на длинной шее. Эта голова поднималась над серединой одного из затонов реки. Издали она так походила на голову бронтозавра, поднятую над водой, что бронтозавр направился к ней. Он вытянул шею и протяжно заскрипел. Голова исчезла, она ничем не ответила на призыв. Бронтозавр проскрипел еще раз и пошел напрямки через заросли, давя хвоци и не спуская глаз с затоны, на котором только что мелькнула голова.

Длинная шея с маленькой головкой то появлялась, то исчезала. Бронтозавр подошел к заливу, заскрипел... И снова — ответа не было.

Голова исчезла и через несколько мгновений появилась на противоположном конце затоны. Поднялась, оглянулась и снова скрылась.

Бронтозавр остановился!

«Нет!» — шепнул инстинкт. — «Нет, нет, нет...»

Бронтозавр ошибся. Голова принадлежала не бронтозавру. Это был плезиозавр, занесенный приливом из моря в реку. Его длинная шея с маленькой головкой обманула бронтозавра, он принял морского ящера за «своего».

«Соперник!»

Бронтозавр понемногу забрел в такие заросли, что даже он едва мог продираться сквозь стоявшие сплошной стеной хвоци.

И вот, совсем недалеко послышался скрип. Он доносился с большого озера-залива, обросшего хвоцами.

Услышав скрип, бронтозавр остановился. Он словно окаменел на несколько секунд, а потом сразу бросился вперед.

В скрипе не было призыва, в нем слышался голос соперника-самца.

Ярость охватила бронтозавра. Его тусклые глаза засверкали, шея раздулась и стала уже не серой, а темно-фиолетовой. Он ломился сквозь заросли, громко плеская водой, топтал хвоци и спешил вперед, навстречу врагу. На ходу он то и дело скрипел, и в его скрипе слышались злоба и вызов.

Скрип с озера донесся снова, и бронтозавр еще раз остановился. Он высоко поднял голову и широко раскрыл пасть. Раздался громкий звук... Такого скрипа бронтозавр еще не издавал никогда — настолько громок и неприятен он был.

И снова с озера донесся ответ — соперник звал на бой.

Громко затрещали хвоци — соперники спешили навстречу друг другу.

Заросли хвоцей вдруг разбежались в стороны. Впереди показалась большая топкая поляна. Не успел бронтозавр выйти на эту поляну, как на ее противоположном конце показалось массивное туловище.

Соперник!

Бронтозавр заревел так, что ближайšie хвоци колыхнулись, как от порыва ветра. Раскрыв пасть и поблескивая желтыми зубами-граблями, он медленно двинулся вперед, шипя и сверкая глазами.

Они подрались

Бронтозавры были слишком велики и тяжелы для того, чтобы броситься друг на друга прыжком. Они сходились медленно, и только сверкавшие глаза да дрожь, пробегавшая по огромным туловищам, показывали раздраженные ящеров.

Последний раз раздался скрип. Враги встретились.

Они не могли сражаться лапами — туловище не устояло бы на одних задних ногах. Они могли только кусать друг друга, толкаться боками и, тяжело ворочая хвостом, ударять им врага по ногам.

Соперник не пошел на бронтозавра прямо. Он шел то боком, то пятился, то выдвигался вперед. И подойдя к нему совсем близко, он вдруг сразу двинулся вбок, надавил на бронтозавра своим туловищем, толкнул его, и тот едва устоял на ногах. Он был слишком велик и тяжел, чтобы упасть от такого толчка, но зашатался, переступил ногами и на миг утратил равновесие. Этого замешательства было достаточно — соперник вытянул шею, раскрыл пасть, и желтые зубы глубоко врезались в шею врага.

Он не перегрыз горла бронтозавру, но все же рана была глубока, и кровь закапала на втопанную в грязь траву. Бронтозавр захрипел, оскалил зубы, приподнял хвост, но соперник уже отступил на несколько шагов и достать его было нельзя.

И снова соперник боком подвигался на бронтозавра, а тот, словно зачарованный, смотрел и чего-то ждал. И снова — толчок в бок, снова — укус.

Бронтозавр-соперник — это был старый ящер — немного ошибся и подошел к врагу не боком, а грудью. И тот, несмотря на свою молодость и неопытность, не упустил этого момента. Длинная шея протянулась, обвилась, перепуталась с шеей противника. Оба ящера обхватили один другого, как бы обнялись шеями. Их головы оказались одна против другой, глаза смотрели в глаза, и пар, вырывавшийся из ноздрей одного, смешивался с паром другого. Но ни тот, ни другой не могли достать друг друга зубами — шеи так переплелись, что двигать головами соперники не могли.

Упершись один в другого грудью, они стояли неподвижно и громко хрипели. Вдруг старик немного попятился, передвинулся. Толчок — и молодой бронтозавр не устоял, зашатался, приподнял одну ногу, потом другую и грузно упал на бок.

Неожиданный спаситель

Упавший бронтозавр ворочался, лежа на боку, и пытался упереться ногами в землю, чтобы встать. Его гибель была неминуема — ее несли с собой ноги врага. Бронтозавр не понимал этого и продолжал яростно хрипеть, вытягивал шею и старался укусить соперника...

Громкий рев прокатился над хвощами... Треск... Прыжок...

Между бронтозавами мелькнула тень — туловище мегалозавра.

Хищник промахнулся, его прыжок был неудачен, но этот-то прыжок и спас жизнь молодому бронтозавру.

Соперник поднял голову и громко заревел. Мегалозавр прыгнул снова — на старика-бронтозавра.

Старик был опытен не только в боях с соперниками. Он умел защищаться и от нападений мегалозавра. Громоздкое туловище быстро повернулось, шея вытянулась, и — летевший по воздуху мегалозавр был сшиблен на землю тяжелым ударом шеи бронтозавра. Хищник упал, вскочил, заревел и снова прыгнул. И опять он упал на землю...

Мегалозавр расвирипел. Он не ел уже несколько дней и был очень голоден. Гора мяса мелькала перед его глазами и раздражала его. Он утратил всякую осторожность и стал прыгать, как попало. Он бросался бронтозавру прямо на шею, прыгал навстречу тому страшному цепу, который сбивал его на землю.

Тем временем молодой бронтозавр успел встать. И когда около него тяжело рухнул снова сбитый на землю мегалозавр, он поднял ногу и придавил хищника.

Мегалозавр захрипел, забил по земле хвостом...

Старик-бронтозавр, увидев соперника, снова бросился на него. Но теперь бронтозавр не принял боя. Он попятился, повернулся и быстро зашагал прочь от поляны. Громовый рев понесся ему вдогонку, но он не ответил на вызов, даже не оглянулся. Он — бежал.

Соперник остался на поляне. Его ярость нашла выход — он набросился на мегалозавра и принялся топтать его. Он топтал его до тех пор, пока от мегалозавра не осталось и следов. Тогда он поднял голову и заскрипел. Беглец не ответил, хотя и слышал вызов, — он пробирался сквозь заросли, чтобы уйти подальше от опасного соседства.

IX. БЕГСТВО

«Ой, как страшно!»

Небольшой зверек промелькнул меж листьев цикадеи, пробежал по длинному черешку и перебрался с листа на лист. Он был величиной с крысу, его тело покрывала реденькая шерстка, небольшие глазки смотрели бойко и лукаво. Когда к цикадее подошел бронтозавр, зверек на миг замер, притаившись на листе, а потом снова побежал по черешку. Ящер задел боком ствол цикадеи, дерево вздрогнуло, черешки качнулись, и зверек упал на бронтозавра. Он уцепился коготками за толстую кожу, повис на ней, а потом побежал по спине ящера.

Бронтозавр вздрогнул. Он не видел того, кто бежал у него по спине, но ощущение чего-то копошащегося на коже было неприятно. Потом страх охватил гиганта, он вздрогнул еще раз, встряхнулся и быстро зашагал вперед. Зверек еще крепче вцепился в кожу, притих на несколько минут, а потом побежал к шее, перебрался на нее...

Громкий рев вырвался из пасти бронтозавра — рев страха. Его ноги подогнулись, хвост взметнулся, шея задергалась... Зверек повис на коже, цепляясь за шею ящера изо всех сил... Тогда бронтозавра охватил такой ужас, что он упал на песок, повалился на бок и принялся елозить шеей

по песку, стараясь сбросить с нее то, что цеплялось, царапало, щекотало.

Зверек тотчас же соскочил на песок. И тут-то перед глазами бронтозавра на миг мелькнуло крохотное тельце. Бронтозавр встал и зашагал прочь.

Он продолжал встряхиваться, подергивать кожей, размахивать шеей и бить хвостом по сторонам. Ему казалось, что по спине кто-то ползает, кто-то царапает кожу. От этого ощущения он не мог освободиться весь день. И поздно вечером, начав коченеть, он нет-нет — подергивал кожей, словно вспомнив про маленького зверька, пробежавшего днем по его спине.

Крохотный зверек был одним из сумчатых зверьков, недавно появившихся на земле. Он принадлежал к тем маленьким, смелым животным, с большим мозгом в большой голове, которые шли на смену громоздким ящерам и должны были со временем сделаться настоящими властителями земли.

Бронтозавриха

Спасаясь от зверька, бронтозавр отошел далеко в сторону от дельты реки. Здесь болота и озера встречались уже не так часто, но и тут было много зарослей, и тут инстинкт продолжал шептать «здесь» и гнал ящера вперед.

И вот, на одном из озер, бронтозавр издала заметил голову на длинной шее. Он заскрипел, сверкнул глазами и пошел к озеру. С озера донесся ответный скрип. Этот скрип не был вызовом на бой, он был нежен и призывен, — то был скрип самки.

Бронтозавр подошел к озеру, вошел, не останавливаясь, в воду и двинулся к голове, видневшейся вдали от берега.

Волны плескались о берега, хвощи гнулись и качались, ил клубами поднимался сзади ящера и мутил воду. «Тук-тук-тук» билось сердце бронтозавра, и кровь все быстрее и быстрее текла по его телу.

Самка подняла голову, повернулась и медленно пошла навстречу бронтозавру.

Они сошлись, вытянули шеи и дотронулись друг до друга кончиками морд. Потом встали рядом, опустили головы под воду, выдернули по пучку водорослей и принялись жевать их. Это была странная встреча и еще более странное приветствие, но бронтозавры были очень прожорливыми животными и никогда не упускали случая поесть.

Так стояли они рядом и ели почти полдня. И только когда солнце перешло на запад, они почувствовали себя сытыми. Все реже они опускали морды в воду, реже выдерживали пучки водорослей, медленнее жевали. И когда они перестали есть, то снова конец морды бронтозавра прикоснулся к телу самки...

Они двинулись к берегу, но не успели дойти до него. Солнце нырнуло за облака, побежали тени, сразу потянуло холодом. Бронтозавры остановились, огляделись, повернули и пошли к середине озера. Наступала ночь, время оцепенения.

Утром они проснулись и принялись за еду. А пока они ели, откуда-то донесся рев. Бронтозавр сразу перестал жевать, выронив из пасти пучок водорослей. Он поднял голову, прислушался, и глаза его заблестели, а шея начала раздуваться. В реве слышался вызов, ревел — где-то еще очень далеко — самец, ревел соперник. Теперь, когда самка была рядом, бронтозавр стал смел и решителен, он никого и ничего не боялся и он не намеревался уступить место без боя. Раскрыв пасть, он ответил таким криком, что самка, привыкшая к реву самцов, даже отшатнулась от него, оглушенная этим громоподобным ревом.

Старый знакомый

Бронтозавры перекликались долго. Чем ближе раздавался рев соперника, тем сильнее раздувалась шея бронтозавра и тем ярче отливалась она то красно-бурым, то фио-

летовым цветом. Иногда он в ярости взмахивал хвостом, и тогда волны вперегонки бежали к берегу и гнули хвощи. Он то высоко вскидывал голову и ревел в небо, то вытягивал шею по воде, и звук катился по озеру, отталкивался от берега и гремел среди зарослей. Он в нетерпении переступал ногами, и все глубже опускалась в воду его спина — такую яму протоптал он в мягком дне озера.

Самка была спокойна. Она жевала водоросли и только время от времени взглядывала на берег.

Когда прибрежные хвощи затрещали и закачались, бронтозавр яростно зашипел. Его раздражение достигло крайних пределов. Он рвался навстречу врагу, но не хотел отойти от самки. И яростно топоча ногами и размахивая под водой хвостом, он как бы бежал вперед, оставаясь на месте.

На берегу озера показался огромный самец-бронтозавр. Это был тот самый «старик», с которым так неудачно сражался молодой самец.

Бронтозавр-старик вошел в озеро с таким шумом и плеском, словно привалило целое стадо бронтозавров. Волны перекатились через спины самки и молодого самца, а пригнувшиеся хвощи долго не выпрямлялись.

Подойдя почти вплотную к паре, старик вытянул шею по воде и издал оглушительный рев. Бронтозавр зашипел, брызгая слюной и сверкая глазами. Он так затопотал ногами, что самка, чуть не сбитая с ног, отодвинулась от него на несколько шагов. Бронтозавр тотчас же придвинулся к ней, а старик тоже шагнул вперед...

Бой за самку

Так начался бой за самку посреди большого озера. Самка пятилась, самец придвигался к ней, а соперник в свою очередь придвигался к ним обоим. Пятясь и придвигаясь друг к другу, они обошли всю середину озера и начали уже второй круг, когда молодой бронтозавр, раздраженный и

этими переходами и видом соперника, шагнул вперед. Он успел кинуть старика и отодвинуться, избежав ответного укуса. Старик расвирипел и сразу перешел в наступление. Он забыл об осторожности и пошел прямо вперед, высоко поднимая шею. Бронтозавр невольно попятился, толкнул самку, та повернулась и толкнула его боком. Не успел он оправиться от этого толчка, как на его голову обрушился страшный удар — старик ударил его сверху головой, как молотом. Качнувшись, бронтозавр чуть не упал, его голова мотнулась в воздухе, опустилась и тяжело хлопнула по воде. Брызги полетели во все стороны, обдали соперника, залили ему морду. И только это спасло бронтозавра — соперник на миг закрыл глаза и не успел нанести второго удара.

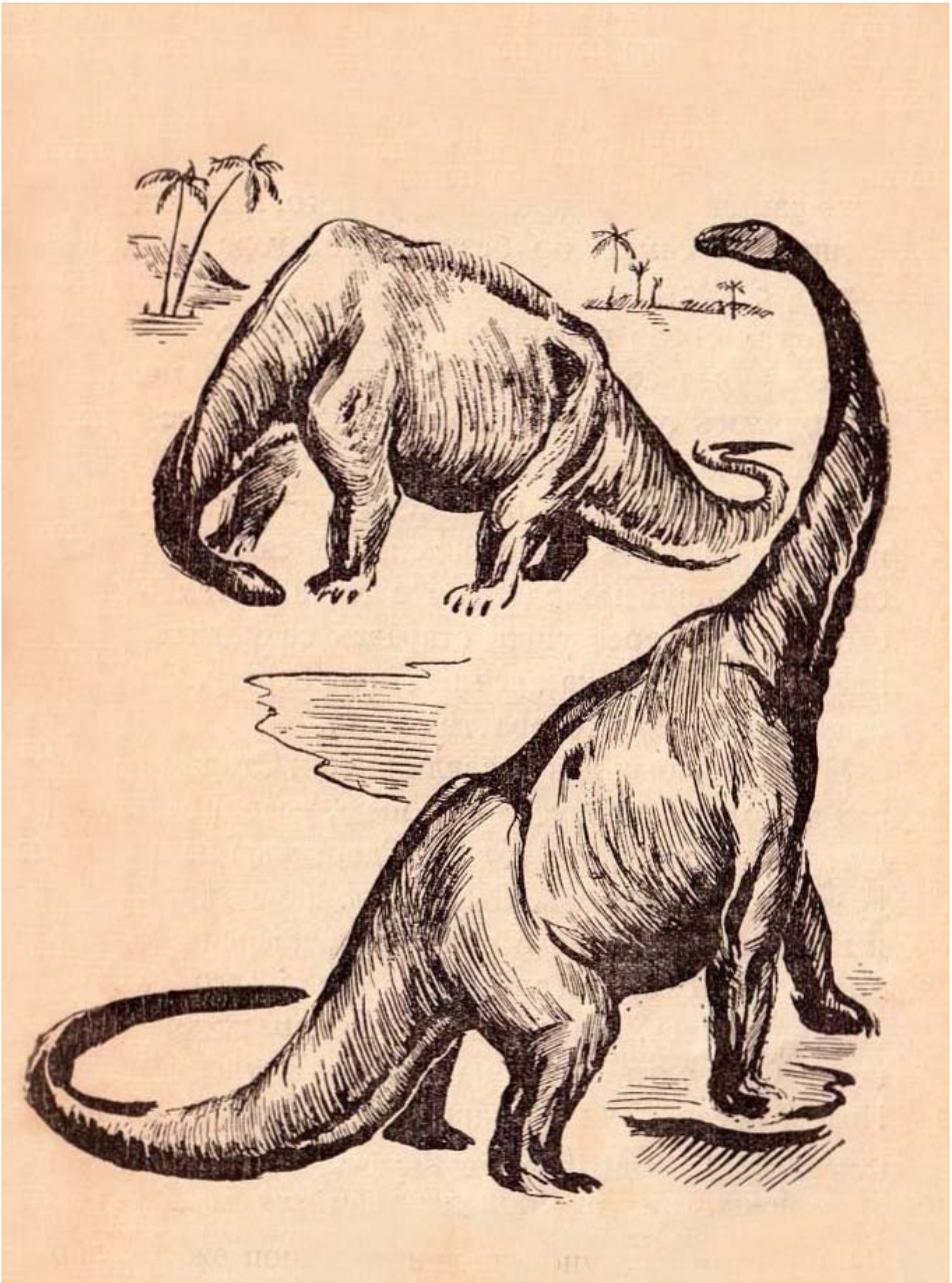
Самка отступила. Ее испугал вид двух огромных, тяжело ворочавшихся тел, ее валили с ног массы воды, которые гнали во все стороны драчуны. Она медленно пошла в сторону, но самцы двинулись за ней, и сколько она ни пыталась уйти, все время около нее ворочались самцы, а волны били ее в бока, перекачивались через ее спину и заставляли высоко поднимать голову. Водоросли перепутанной сетью всплыли со дна, вырванные ударами хвостов, опутали шею бронтозавров, повисли у самки на спине.

Прошел час, другой, третий...

Самцы продолжали переступать в воде, старик теснил молодого, молодой придвигался к самке, та отодвигалась подальше. Так, делая круг за кругом, они провели весь день. И когда наступил вечер, они сохранили занятые ими места — самка, возле нее молодой, а чуть в сторону от них — старик.

Победа старика

Наутро бой возобновился. Но теперь старик стал нападать яростнее, а молодой, почти ничего не евший весь вчерашний день, ослабел и защищался с большим и большим трудом.

Старик толкнул его особенно сильно, молодой не удержался, качнулся и привалился к самке. Самка отодвинулась — молодой упал. Волны только на миг покрыли его спину — он быстро встал на ноги. Но старик уже успел продвинуться вперед. Теперь между самкой и молодым бронтозавром стоял соперник — старый самец.

Самка ничем не ответила на такую перемену. И когда молодой начал наступать на старика, она так же попятилась в сторону, как пятилась и раньше.

Бронтозавр наступал, но он был гораздо меньше старика, его тело было легче и его толчки не обладали такой силой. Не ему было сдвинуть двадцатитонную гору мяса и костей — тело старика-самца. Он топтался вокруг него, пытался оттеснить от самки, но безуспешно — гора не двигалась с места.

Старик снова перешел в наступление.

Берег был совсем уже близко. И чем мельче становилось озеро, чем больше поднималось над водой тело бронтозавра, тем сильнее наступал старик. Теперь вода не стесняла его движений, и он мог показать всю свою силу. У самого берега он так толкнул молодого, что тот зашатался, несколько раз переступил, стараясь сохранить равновесие, и сразу оказался почти на берегу. Старик подошел к нему, снова толкнул...

На берегу был дан последний бой. Старик искусал молодого, прокусил ему шею, разодрал щеку и толкал его так, что тот едва держался на ногах. И вот молодой упал... Старик громко заскрипел — и поспешил обратно в воду. Там, посреди озера, виднелась самка. Теперь это была его самка.

Поднявшись, молодой бронтозавр подошел к воде. Он долго стоял на берегу, вытянув шею. Потом заскрипел. И старик ответил ему, но не обычным призывным скрипом бронтозавров, а ужасающим ревом. Молодой замаялся на берегу, но все же вошел в воду. И тотчас же старик двинулся ему навстречу.

Молодой самец не устоял — вышел из воды и побрел к зарослям.

Х. РОГАТЫЕ ЯЩЕРЫ

Первоптица

Впереди показался лес. Бронтозавр вошел под тень деревьев и остановился. С дерева раздался резкий крик. Этот крик напоминал бронтозавру что-то давно знакомое. Он не помнил того, что было связано с этим криком, но крик говорил о чем-то неприятном. Бронтозавр огляделся — словно ища кого-то — и пошел не вдоль опушки, как шел раньше, а прямо вперед, в лес.

Крик не прекращался. Он следовал за бронтозавром, и куда бы тот ни повернул, — всюду в воздухе висели эти резкие металлические звуки.

Между деревьев что-то мелькнуло... Еще раз... Еще...

Крики были похожи на крики птеродактилей, а мельканье меж ветвей напоминало мельканье крылатых ящеров меж скал. Встреча с ними произошла давно, бронтозавр не сохранил и следов воспоминания об этой встрече, но связь между криками и болью, усвоенная еще в детстве, сохранилась. И теперь, услышав крики и увидев мельканье каких-то летающих существ, он поспешил уйти подальше от такого соседства.

Птеродактилей в лесу не было. Первоптицы-археоптериксы, словно странные крылатые ящеры, перелетали с ветки на ветку, крепко цеплялись за них когтистыми пальцами, повисали на когте, торчавшем на крыле. Хвосты их были усажены двумя рядами перьев.

Задев одно из деревьев, бронтозавр сшиб, сам не зная того, молодого археоптерикса на землю. Тот упал в заросли папоротников, завяз там и кричал во все горло, а взрослые птицы, встревоженные этими криками, летали по соседним деревьям и тоже кричали что было сил.

Только тогда, когда последние крики смолкли вдали, бронтозавр остановился. Кругом высоко поднимались де-

ревья. Лес не был густым, но все же внизу лежали тени, а в кустах и зарослях папоротников было сыро и прохладно.

Бронтозавр прошел через лес и вышел опять на опушку.

Большой и маленькие

Несколько резких голосков уже давно перекликались вблизи опушки совсем недалеко от бронтозавра. Но голоса не были громки, они не походили ни на рев мегалозавра, ни на крики птеродактилей, и бронтозавр не обращал на них никакого внимания. Иногда в кустах мелькали небольшие животные, – и тотчас же исчезали в зарослях.

Бронтозавр был во много десятков раз больше этих зверьков, он проходил мимо них так же спокойно, как мимо черепов и маленьких динозавров.

Крики раздавались чаще и чаще, в кустах то тут, то там мелькали быстрые тени. Иногда животное перескакивало через невысокий куст, иногда оно быстрыми прыжками пронеслось мимо куста. И куда ни шел бронтозавр – крики и прыжки провожали его, неотступно следовали за ним.

Животные преследовали бронтозавра и чего-то ждали.

Опушка кончилась, показался луг, за лугом болото, за болотом – озеро.

Бронтозавр остановился, повертел головой и пошел через луг. И тут же раздались резкие крики, животные выскочили из-за кустов, помчались большими прыжками по лугу. Они прыгали в сторону бронтозавра с такой скоростью, точно летели по воздуху.

Задние ноги этих животных были очень длинные, а передние короткие; крепкие и острые когти служили и для защиты и для нападения. Невысокий зубчатый гребень тянулся вдоль спины и длинного хвоста, а на носу торчал длинный и острый рог. Это были цератозавры, небольшие, но свирепые хищники, охотившиеся стаей. Их головы были сравнительно не так уже малы, а мозг был развит значи-

тельно сильнее, чем у бронтозавра. Острые зубы торчали во рту, они глубоко впивались в тело врага. Но не зубы придавали силу этим хищникам. Их сила заключалась в том, что они держались и нападали стаей. Потому-то они были страшны, страшнее мегалозавра-одиночки. Врага встречали не десятки, а сотни и сотни острых зубов и когтей.

Кто победит?

Бронтозавр шел по лугу, когда возле него раздался резкий крик. Он остановился, повернул голову... И тут-то на его спину прыгнул один из цератозавров. Он впился зубами в толстую кожу, сжал челюсти, вонзил когти в бока ящера и повис у него на боку.

Изогнув шею, бронтозавр громко заревел и тяжело повернулся в сторону. И тотчас же к нему подскочил еще один хищник и укусил его за ногу. Тяжелая нога поднялась и придала хищника к земле, а хвост взметнулся, описал страшный полукруг, ударил и сшиб еще двух хищников.

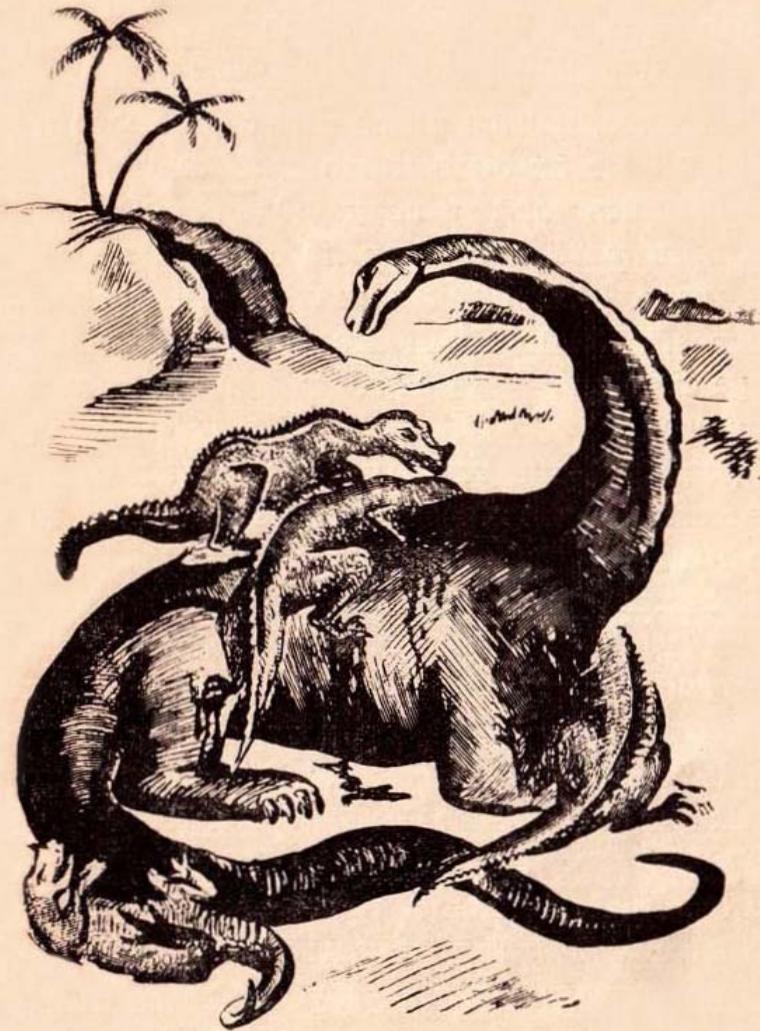
Резкие крики смешались с ревом бронтозавра. Раздавленный цератозавр умирал, хрипя и давясь кровью и слюной, но не разжимал челюстей и продолжал в предсмертных судорогах кусать ногу бронтозавра.

Бронтозавр еще раз взмахнул хвостом и зашагал. Он спешил к озеру, вода которого блестела за болотом и словно звала его к себе.

«Вода — спасенье!»

Никогда, пожалуй, он так не нуждался в этой воде, как сейчас. И он шагал быстро, как только мог, а вдогонку за ним прыгали рогатые ящеры, стараясь на лету вцепиться зубами или когтями в его кожу.

Один из цератозавров забежал вперед и прыгнул прямо на шею бронтозавра. Но удар тяжелой головы сбил его на землю, а падая, он сломал себе спину. Перебирая ногами, ящер корчился на земле, пытался встать и снова падал. Широко раскрыв пасть, хрипя и задыхаясь, он размахивал

хвостом, ища точку опоры для хвоста. Ноги и хвост были, как и всегда, сильны и послушны, но спина оставалась неподвижной. Бронтозавр прошел вперед, цератозавры запрыгали за ним.

Резко покрякивая, цератозавры бросались на бронтозавра, падали и прыгали снова, корчились на земле. Но их было много, и на смену выбывшим мчались новые и новые. Один из цератозавров прыгнул бронтозавру на спину и повис на ней, другой вцепился в шею, третий впился в хвост, и сколько бронтозавр ни размахивал им, он не смог стряхнуть с хвоста впившегося в него хищника.

Кровь ручьями текла по толстой коже, когти цератозавров раздирали раны, рвали в клочья живое мясо, превращали кожу в лохмотья.

Бронтозавр задыхался... Он упал на траву и перевалился с боку на бок. Тоненьким голоском заверещал придавленный цератозавр; не успев крикнуть, умер другой, тот, который висел на хвосте. Но взамен их три новых хищника повисли на боках ящера.

Грузно ворочаясь на земле, бронтозавр давил врагов. Как медленно он ни ворочался, цератозавры не успевали увертываться от него. Они так крепко впивались в кожу зубами, так цепенели во время этих укусов, что не могли разжать челюстей даже в тот момент, когда бронтозавр начинал постепенно придавливать их к земле.

На миг цератозавры отступили. Бронтозавр встал и снова зашагал вперед. Теперь на нем висел только один цератозавр.

Болотистая почва глубоко вдавливалась под ногами, бронтозавр вяз в ней и шел все медленнее. Но и цератозаврам прыгать становилось все труднее. Один за другим, они отставали от ящера и, резко крича ему вслед, провожали его злобными глазами — добыча ускользала.

Бронтозавр шел к озеру. Хищник висел на его боку, грыз кожу, царапался, и боль подгоняла бронтозавра сильнее, чем крики оставшихся далеко позади врагов.

Оба на дне озера

Бронтозавр вошел в воду.

И только здесь кончилось оцепенение у обезумевшего от ярости цератозавра. Услышав плеск, он глянул вниз, увидел воду и на миг разжал челюсти. Но спрыгнуть ему было некуда — кругом плескалась вода. Он вцепился когтями в кожу бронтозавра и полез по ней, цепляясь за нее, как за кору дерева, повыше, на спину. Это подогнало бронтозавра, и он зашагал быстрее. Цератозавр лез по боку на спину, а ящер все дальше уходил от берега. Скоро вода открыла его бока, поднялась к спине, начала заливать спину...

Цератозавр забрался на самую верхушку спины, вода поднялась за ним и туда. Он сидел на спине, как на крохотном островке, окруженный плескающимися волнами. Спрыгнуть ему было некуда — он боялся воды.

Вода залила задние ноги цератозавра, залила ему бока, поднялась к голове. И когда бронтозавр прошел еще несколько шагов, цератозавр забился и заскреб когтями, задыхаясь и захлебываясь. Он разжал челюсти, отцепился от бронтозавра и свалился в воду. Только раз он всплеснул длинным хвостом и пошел ко дну. Несколько пузырей поднялось над водой.

Силы бронтозавра слабели. Кровь струйками бежала от него во все стороны, и вода озера краснела с каждой минутой, с каждым шагом, с каждым движением ящера. Его ноги начали дрожать и подгибаться, шея гнулась к воде, хвост, тяжелый и неподвижный, волочился по дну.

Кровь, убегая, уносила с собой тепло, а его и так было очень немного в теле бронтозавра. Ящер слабел, остывал и понемногу цепенел. Но пока еще грело солнце, пока его лучи еще были горячи и отвесны, они пополняли ту убыль тепла, которую несла с собой потеря крови.

Бронтозавр не мог уже есть, — шея не слушалась его, и он не мог опустить ее глубоко в воду, чтобы сорвать на дне

водоросли. Он мог только стоять, и он стоял, чуть покачиваясь, а вода вокруг него краснела все больше...

Бронтозавр качнулся, зашатался, выровнялся и снова замер на месте... Качнулся опять... Все труднее ему было удержаться на ногах. Ноги подгибались, туловище давило на них, давило на хвост...

Шея легла на воду, туловище задрожало, пошатнулось и исчезло под водой. Вода плеснулась, круги побежали к берегам, зашуршали высохшими хвощами.

Только раз еще всплеснулись волны — длинный хвост взметнулся и тяжело протянулся по дну.

Огоньки, плясавшие над водой, несколько ночей были ярче и крупнее, чем обычно. Это были «огоньки бронтозавра» — из разлагавшегося тела ящера выделялось много газов.

Комментарии

Произведения, вошедшие в антологию, публикуются по оригинальным изданиям с исправлением очевидных опечаток, а также некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

В. Поздняков. Элитерий

Впервые: *Вокруг света* (Ленинград), 1928, № 24.

В. Поздняков (Позняков) известен благодаря пяти фантастическим рассказам, опубликованным в ленинградском журнале «Вокруг света» в 1928-1929 гг. Биографических сведений о нем не имеется.

С. 8. ...*Гуронской системы* – Гуронская система – геологическая система архейских осадочных пород, получила свое название от оз. Гурон (США), где была впервые выявлена.

С. 8. ...*Ван Гайз, Дэна, Михайловский* – Перечислены геологи, имевшие отношение к изучению архея, в т. числе и автор термина, виднейший американский геолог, минералог и вулканолог Джеймс Дана (Дэна, 1813-1895).

С. 15. ...*литографских сланцах* – Название «литографских» получили плитчатые известняки из каменоломен в Баварии, использовавшиеся в литографии, а позднее получившие всемирную известность благодаря находкам окаменелостей.

С. Горбатов. Долина страусов «Рук»

Впервые: *Вокруг света* (Ленинград), 1928, № 27.

С. Горбатов – автор трех дошедших до нас фантастических произведений (двух рассказов и повести), напечатанных в журн. *Мир приключений* и *Вокруг света* (Ленинград) в 1928-1929 гг., а так-

же неопубликованной повести «Страна без возврата»; эти изящно выполненные вещи написаны на стыке научной фантастики и фэнтэзи. Достоверных биографических сведений о С. Горбатове не имеется.

Название рассказа восходит к гигантской птице Рух или птице-слоне средневекового арабского фольклора; по мнению многих исследователей, поверья о ней связаны с обитавшими на Мадагаскаре до рубежа XVII-XVIII вв. эпиорнисовыми. Согласно современным исследованиям ДНК, полученного из скорлупы яиц эпиорнисовых, их ближайшие живые родственники – не страусы, а птицы киви.

М. Первухин. Зеленая смерть

Впервые: *На суше и на море*, 1911, кн. 5, под псевд. М. Де-Мар.

Михаил Константинович Первухин (1870-1928) – русский журналист, писатель, переводчик. Уроженец Харькова; был исключен из университета по политическим мотивам, затем из-за туберкулеза в 1899 г. поселился в Ялте. В 1900-1906 гг. редактировал газ. «Крымский курьер». В 1906 году был выслан из Крыма за оппозиционные настроения, уехал в Германию, через год поселился в Италии. Писал (часто под различными псевдонимами) для многих российских изданий, после 1917 г. – эмигрантских. В числе прочего оставил заметное научно-фантастическое наследие, в том числе ранние романы в жанре «альтернативной истории» – «Вторая жизнь Наполеона» (1917) и «Пугачев-победитель» (1924), а также приключенческие произведения. В конце жизни на почве яркого антибольшевизма запятнал свое имя активной поддержкой итальянского фашизма.

В. Обручев. Видение в Гоби

Впервые – *Вокруг света*, 1947, № 6. Публ. по авторскому сборнику «Путешествия в прошлое в будущее» (1961).

Владимир Афанасьевич Обручев (1863-1956) – крупнейший российский и советский геолог, палеонтолог, географ, писатель, академик АН СССР, участник ряда экспедиций по Сибири и Центральной Азии, основатель Института геологических наук АН СССР. В литературе известен в основном как писатель-фантаст, создатель классических в советской научной фантастике романов «Плутония» (1924) и «Земля Санникова» (1926), разрабатывавших темы «полой Земли» и «затерянных миров», населенных древними племенами и живыми ископаемыми животными. Благодаря этим произведениям, по сей день не утратившим популярности, Обручев фактически стал зачинателем как советской палеофантастики, так и развившейся позднее в СССР «географической» НФ.

С. 101. ...*куста нитрария* – Т.е. селитрянки (Nitraria), невысокого кустарника семейства Селитрянковые (Nitrariaceae).

С. 104. ...*бронтозавры* – Бронтозавр – устаревшее название апа-тозавра.

Л. Д. Любопытный опыт

Впервые: *Вокруг света* (Ленинград), 1927, № 16. Полное имя автора текста остается неизвестным.

Эта научно-фантастическая юмореска была навеяна открытием гнезд динозавров в Гоби (1923) экспедицией «Индианы Джонса от палеонтологии» – американского исследователя, искателя приключений и натуралиста Р. Чапмена Эндрюса (1884-1960), в 1934-1942 гг. директора Американского музея естественной истории. Именно Эндрюс изображен здесь в карикатурном виде под именем Андрея Чапмена. Упоминание о Колгейте и продаже яиц динозавров связано с тем, что зимой 1923-1924 гг. Эндрюс, собиравший деньги для новой экспедиции, решился на рекламный трюк – продажу на аукционе одного из найденных в Гоби яиц. Яйцо динозавра было приобретено за 5,000 долларов полковником Остином Колгейтом и подарено им университету Колгейт; это яйцо по сей день находится в коллекции университета.

С. 115. ...*Titanosaurus rex* – Контаминация названий тираннозавра и титанозавра, ящеротазового динозавра позднего мелового периода из семейства титанозавридов. Титанозавр, чьи останки бы-

ли впервые обнаружены в 1871 г. в Индии, был описан и назван Р. Лайдеккером в 1877 г.

П. Литвинов. Грозовая стрела

Впервые в кн. автора «Белая ворона. Грозовая стрела» (М.-Л., «Радуга», 1925). Публикуется по этому изданию.

Литвинов Павел Дмитриевич – писатель, автор нескольких научно-популярных книг для детей, опубликованных в середине 1920-х–1930 г.

Н. Плавильщиков. Бронтозавр

Впервые как отдельная кн. (М.-Л., ГИЗ, 1930). Публикуется по этому изданию.

Николай Николаевич Плавильщиков (1892-1962) – зоолог, энтомолог, доктор биологических наук, профессор, популяризатор науки. Выпускник Московского университета, с 1946 г. заведующий энтомологическим отделом, позднее заместитель директора Зоологического музея университета. Автор многочисленных научных работ и десятков научно-популярных книг и статей.

Оглавление

В. Поздняков. Элитерий	7
С. Горбатов. Долина страусов «Рук»	26
М. Первухин. Зеленая смерть	50
В. Обручев. Видение в Гоби	98
Л. Д. Любопытный опыт	113
П. Литвинов. Громовая стрела	118
Н. Плавильщиков. Бронтозавр	14'
Комментарии	22+

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.